Крушение 'Кантокуэна'

Андрей Дмитриевич Жариков

SHOUT
SHARE
IT

- Жариков Андрей Дмитриевич

Жариков Андрей Дмитриевич Крушение 'Кантокуэна'

Андрей Дмитриевич ЖАРИКОВ
Крушение "Кантокуэна"
Повесть

Повесть о разгроме Советскими Вооруженными Силами в августе 1945 г. Квантунской армии, о военачальниках, возглавивших эту операцию.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

3. Воскресенская. Предисловие
Эшелоны идут на Восток
Мальчишки ехали в Читу
Кто они?
Пришло время
В День Победы
Награда
Девятое августа
Впереди главных сил
В глубь Маньчжурии
Вперед, гвардейцы!
Бессонница
Морские десантники
И не только топили суда
Шанго - хорошо!
Голоса умерших
Капитуляция
Неожиданные встречи и расставания
На рассвете
Под солнцем единым

ПРЕДИСЛОВИЕ

Юным читателям хорошо известны книги Андрея Жарикова. Это - "Сказание о суворовцах", "Максимкин орден", "Главный маршал", "Орден отца", "В землянках не гасли светильники", "Сквозь пламя", "Солдатское сердце" и много других повестей и рассказов. Все они о войне, о Советской Армии и ее полководцах, о героизме молодых воинов, о судьбах детей во время войны. И эта тема не случайна в творчестве писателя, она органически связана с его жизненным путем. Сын чапаевца, Андрей с детства мечтал о военной службе. Комсомольский вожак в школе, он в 10-

м классе был принят кандидатом в члены партии, едва ему минуло 18 лет. Редко кто из сверстников А. Жарикова был удостоен такого высокого доверия. После школы - артиллерийское училище, которое он окончил за несколько дней до начала войны. Свой партийный билет получал в 1941 году, уходя на фронт. Пять боевых орденов, медали, два ранения говорят о тяжелых днях войны.

После войны - опять учеба. Две военные академии окончил Андрей Дмитриевич. Служил в Генеральном штабе, на полигонах, в ракетных войсках, работал в институте военной истории.

В 55 лет полковник А. Жариков ушел в запас. Еще на фронте, в часы затишья, он писал стихи, рассказы для детей. Хотелось рассказать им о войне, научить их любить, ценить и беречь мир.

Однажды мы встретились с Андреем Дмитриевичем в Доме литераторов. Писателю была присуждена литературная премия имени А. Фадеева, за повесть "Солдатское сердце". Заговорили о творческих планах. Андрей Дмитриевич задумал тогда писать повесть, посвященную последнему этапу второй мировой войны - разгрому Квантунской армии. Писатель был участником этой операции. Мне же довелось работать в Маньчжурии в тридцатые годы, когда Япония только создавала эту армию, сооружала плацдарм против Советского Союза, Монголии, Кореи и Китая. Я была свидетелем розыгрыша японского сценария по захвату северо-восточной части Китая - Маньчжурии, сценария, который с вариациями много раз использовался и применяется в наши дни империалистическими державами.

Я жила и работала в Харбине в аппарате торгового представительства СССР. В Харбине в те времена жило много русских. Город был средоточием различных белогвардейских организаций, созданных из остатков колчаковской и других белых армий. В 1930 - 1931 годах в Харбине появлялось все больше молодых японцев с военной выправкой, хотя и в штатской одежде. Прибывали они без семей. У японской военной миссии сновало множество автомобилей, окна в здании миссии светились все ночи. В городе открылось много новых японских лавочек, магазинов, в которых продавались товары домашнего обихода, одежда, обувь, фотоаппараты.

В Мукдене, Чанчуне, Цицикаре, Харбине и других городах строились японские казармы, которые назывались общежитиями. И непосвященному было ясно, что японцы готовят военную операцию по захвату Маньчжурии с ее тридцатимиллионным населением. Но для военного вторжения и захвата нужен был предлог. И вот в прояпонских газетах появилось сообщение, что на Малом Хингане был обнаружен труп японца, сожженного на

костре. По каким признакам распознали японцы в нем своего соотечественника, остается тайной. Вслед за этим на границе с Монголией был убит японский офицер разведки, выдававший себя за агронома. Японцы спровоцировали вблизи Чаньчуня столкновение между китайскими крестьянами и корейскими поселенцами, а затем организовали в Корее китайские погромы, в которых было убито и ранено более 500 китайцев. Началась дикая антикитайская пропаганда в самой Японии и среди японской колонии в Маньчжурии. Затем санитарные китайские кордоны обнаружили крыс, зараженных чумными блохами. Поднялась паника среди китайского населения, подогреваемая геббельсовским изобретением - "пропагандой шепотом". В 1911 и 1921 годах в Маньчжурии была чумная эпидемия. Эта страшная черная смерть навещала Китай и раньше, а в прошлые века была чудовищным бедствием.

В сентябре 1931 года был разыгран последний эпизод сценария. Невдалеке от Мукдена на Южно-маньчжурской железной дороге, принадлежавшей японцам, был обнаружен разрушенный участок пути. Японцы, разумеется, обвинили в этой диверсии китайцев и провозгласили: "Чаша терпения иссякла - мы вынуждены защищать своих сограждан в Китае, их жизнь и имущество". В ночь на 19 сентября японцы начали военные действия и 19-го утром вступили в столицу Маньчжурии Мукден, захватив крупнейший в Китае арсенал, артиллерийский завод и аэродром с 200 самолетами.

Гоминьдановское командование фактически без сопротивления сдавало города. Но китайский народ поднялся против агрессора. Под руководством коммунистов создавались партизанские отряды. В Харбин японцы вступали парадным маршем. Я случайно в это время с моим маленьким сыном оказалась на улице. Огромная толпа белогвардейцев с царскими флагами, иконами, с хлебом-солью встречала японскую армию-"освободительницу". Вдруг с боковых улиц раздались выстрелы. Все смешалось. Меня с сыном столкнули в оконный выем полуподвала. Выбравшись, подошли к нашему одноэтажному домику. Едва вошли в дом, как по крыше загрохотала шрапнель. Наш домработник китаец Миша (женской прислуги в Китае в то время не было) схватил моего сына и спрятался с ним в темном чулане, прикрыв его своим телом. На следующий день, идя на работу, я увидела жуткую картину: на толстых стволах ив были привязаны три или четыре китайца примерно на высоте метра от земли. Это были китайские коммунисты, партизаны, захваченные японцами и обреченные на медленную смерть от голода и страшных мучений. По тротуару

прохаживался вооруженный японский солдат. Японский часовой следил за тем, чтобы к ним никто не подходил близко.

Через несколько дней газеты известили, что верховным правителем Маньчжурии назначен Пу И - свергнутый с маньчжурского престола в 1912 году последний из маньчжурской династии Цин, которая правила Маньчжурией немногим меньше, чем дом Романовых в России. С 1912 года Пу И находился на службе японской разведки, а в 1932 году был провозглашен императором отторгнутой от Китая его северо-восточной части, получившей название Маньчжоу-Го. На заборах, афишных тумбах, в фойе кино и театров, в общественных местах были развешаны большие портреты Пу И. Утром портреты свисали клочьями, а иероглифы Пу И были заменены иероглифами пу-яо (не надо!).

В Харбине оживилась деятельность белогвардейских организаций. Бывшие генералы, полковники, служившие швейцарами и официантами в гостиницах, шоферами, вытаскивали из нафталина свои мундиры, чистили царские ордена и кресты, готовились к походу против Советского Союза, предлагали помощь японской военщине в выполнении их давнего замысла по захвату Сибири и Приморья. Атаман Семенов, злейший враг Советского Союза, в годы гражданской войны сформировав так называемое Забайкальское контрреволюционное правительство, восстановил дореволюционные порядки, вернул земли, фабрики и заводы их владельцам, создал одиннадцать застенков смерти, и только на станции Андриановке им было расстреляно 1600 человек. Тысячи коммунистов, партизан были зверски замучены в этих застенках. Атаман Семенов выезжал по утрам своего нового коня, полученного в дар от своих хозяев японцев, "император" Пу И лихо разъезжал на новеньком американском "линкольне" и однажды в пьяном состоянии под дикий хохот свиты разбил витрину и въехал в магазин, покалечив несколько человек.

Атаман Семенов, служивший верой и правдой японской разведке, должен был разделаться с советской колонией. Заговор Семенова был своевременно раскрыт, а советские женщины с детьми были эвакуированы из Маньчжурии в Советский Союз. Сам Семенов не избежал справедливого возмездия. В 1945 году, в ходе боев против Квантунской армии, он был пленен Красной Армией и по приговору Военной коллегии Верховного суда повешен.

Захватив Маньчжурию, Япония "прибрала к рукам" богатейший район Китая, где добывалась одна треть всей железной руды, более половины золота, 93 процента нефти, территорию, в несколько раз превышавшую территорию Японии,

край, богатый лесами, пушниной, высокими урожаями зерновых и бобовых культур. Япония немедленно стала сооружать в районах, близлежащих к Советскому Союзу, шоссейные и железные дороги, мосты, аэродромы, заводы по производству разных видов оружия, отравляющих веществ, казармы, в которых размещались все новые пополнения из вышколенных, отобранных солдат. Маньчжурия превращалась в плацдарм для захвата советских территорий Монголии и остального Китая, хотя все это проводилось под предлогом "защиты" "независимого" государства Маньчжоу-Го японскими войсками.

Начались бесчисленные провокации на советской границе. Япония подписала с фашистской Германией в ноябре 1936 года так называемый "Антикоминтерновский пакт". В планы японской военщины входил захват всего Китая, Монголии, затем вторжение в Советский Союз. Фашистская Германия и милитаристская Япония рассчитывали на мировое господство, а границей между двумя сверхдержавами они определили Уральский хребет.

Летом 1938 года японцы внезапно вторглись на территорию СССР в районе высот Безымянной и Заозерной и захватили их. Тринадцать дней шли ожесточенные бои, советские войска под командованием маршала В. К. Блюхера очистили от самураев захваченные территории, и японское правительство запросило прекратить боевые действия. Летом 1939 года японские войска вторглись в Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол. Советские войска, находившиеся в Монголии по договору о взаимной помощи, совместно с монгольскими воинскими частями вели бои с противником с мая по сентябрь под командованием комкора Г. К. Жукова. Японцы потерпели поражение и понесли большие потери. Это серьезное поражение японской военщины охладило их воинственный пыл, и они воздержались от выступления против СССР в годы Великой Отечественной войны. Но Япония держала у наших дальневосточных границ отлично обученную и хорошо оснащенную миллионную армию и тем самым вынуждала советское командование иметь наготове у дальневосточных границ значительные силы, не имея возможности использовать их на западе против гитлеровских армий.

После поражения фашистской Германии и ее сателлитов угроза на Востоке сохранилась. И не только Советскому Союзу, но и Китаю, Корее. США и Великобритания - союзники Советского Союза в войне против фашистской Германии - не раз ставили вопрос о вступлении СССР в войну с Японией. Советский Союз решил уничтожить реальную военную мощь Японии - Квантунскую армию - и освободить северо-восточную часть Китая,

Ляодунского полуострова и Кореи. Советские Вооруженные Силы вместе с войсками Монгольской Народной Республики имели превосходство в численности. Но не одной численностью, а военным искусством удалось в короткий срок разгромить и вынудить капитулировать армию в миллион триста двадцать тысяч человек.

О том, как готовилась и проходила эта историческая и ошеломляющая своей стремительностью и масштабностью военная кампания, рассказывается в этой повести. Для японцев наше выступление против них не было неожиданным. В японском генеральном штабе прорабатывались всевозможные варианты планов наступления Советской Армии и на каждый вариант был подготовлен ответный удар и контрнаступление. Но Советская Армия разработала никем не предусмотренный план, который был блистательно осуществлен.

О том, как это происходило, о полководцах и отважных молодых советских солдатах, о коварстве врага ты, юный читатель, узнаешь из этой книги. Повесть написана ярко, увлекательно, а главное, достоверно. Ведь писал ее участник этой войны.

Рассказывая мне о своей работе над повестью, Андрей Дмитриевич сказал: "А теперь над Хинганом летают стрижи..."

И пусть себе летают эти острокрылые птицы и кормят своих птенцов, им теперь ничто не угрожает.

З. В о с к р е с е н с к а я

ЭШЕЛОНЫ ИДУТ НА ВОСТОК

Вековой могучий кедр, размашисто раскинув сучья, величаво стоял на краю делянки и казался сказочным воеводой на поле битвы. На ветру он будто кланялся своим полегшим братьям-богатырям. Перед ним лежали вразброс, обливаясь искристой смолой, поверженные деревья...

На опушке кедровой рощи, в глубине от железной дороги, стояла сторожка лесника. Рядом с могучими кедрами она казалась невзрачной. Зимой вровень с крышей наметало сугробы. Если бы не труба, из которой постоянно поднимался к небу сизоватый дымок, жилище лесника можно было бы принять за копну сена.

Когда прибывшие на разъезд Безымянный солдаты начали валить деревья, внук лесника, уже не маленький, в марте сорок пятого ему исполнилось семнадцать лет, расстроился. Мирону Ефимову было жаль кедровник.

- Сколько леса под Читой. Почему выбор пал на нашу рощу? - волнуясь, спрашивал он у своего деда Василия.

- Леса хватает, - объяснял и успокаивал внука Василий

Федорович, - но вот как вывезти бревна к железной дороге? Попробуй-ка через сопки перевалить тысячи кубов древесины. А у нас железная дорога рядом. Древесина пойдет на шпалы. Я тоже не радуюсь, когда вижу, как падают деревья. Но приказ есть приказ...

И вспомнил лесник, как в годы гражданской войны под ветвистым кедром, что рос на краю опушки, собрались бойцы роты железнодорожной охраны со своим командиром, Родионом Малиновским. И он, боец Василий Ефимов, был на том собрании. Обсуждали, как сохранить железную дорогу от противника и обеспечить безопасность движения поездов. Малиновскому было в то время чуть больше двадцати, а бойцу Ефимову уже под сорок. Но разница в возрасте не была помехой дружбе воинов. Познакомились они еще раньше. Мирон не раз, но всегда с интересом слушал рассказ деда о тех событиях. В империалистическую войну солдат Ефимов был ездовым, а Малиновский командиром пулеметного расчета. За храбрость награжден Георгиевским крестом.

Зимой 1916 года Малиновский и Ефимов в составе русских полков были отправлены во Францию, чтобы по воле царя сражаться за интересы французских хозяев - богачей. До чего же труден был тогда долгий путь на чужбину...

Пулеметчик Малиновский и ездовой Ефимов почти месяц мерзли в холодном вагоне для перевозки скота. Ехали через весь Китай в порт Дальний, переименованный японцами в Дайрен. Чугунная "буржуйка" грела только тех, кто был к ней поближе, остальных на деревянных нарах пронизывал холод.

В порту солдат посадили на старый грузовой пароход. Началось другое мучение: многие страдали от морской болезни.

Заболел и Василий Ефимов. Родион Малиновский приносил ему в котелке воду, смачивал губы, лоб. Но головная боль, тошнота не проходили...

Прибыли в Марсель. Малиновский - одессит по рождению - восторгался:

- Красивый город! Тепло, солнечно... Люблю море.

- Пропади оно пропадом! - не стерпел Ефимов.

Во Франции русских встречали с музыкой, с цветами и флагами. Преподносили подарки. Еще бы - солдаты России пришли на помощь армии Франции.

Но вскоре все изменилось. Затхлые бараки, грязь, отвратительная пища, вместо стекол - промасленная бумага, пол - земляной. Вокруг бараков шесть рядов колючей проволоки. Воюйте, русские богатыри, за французских богачей. Проливайте кровь, погибайте, за все царю заплачено.

Только через три года солдаты Малиновский и Ефимов возвратились на родину. Оба вступили в Красную Армию...

Более четверти века прошло с тех пор, и сколько в жизни перемен... Родион Яковлевич Малиновский стал Маршалом Советского Союза...

Вспомнив о своем друге, Василий Федорович оживился. Принес лист жести, банку краски и кисточку, улыбнулся.

- У тебя и глаз вернее и почерк красивый, - сказал он внуку, напиши-ка на этом листе вот что: "Под этим кедром в 1920 году проводилось собрание красноармейцев роты Р. Я. Малиновского".

Мирон сразу догадался, зачем понадобилась дедушке такая табличка. Кто посмеет срубить кедр-памятник?

Мирон тоже вспомнил Родиона Яковлевича. Впервые он увидел его, когда отец учился в военной академии. Ефимовы снимали комнату в Химках под Москвой. Мирону тогда было десять лет. Малиновский приезжал к сыну старого друга. Непременно ходили в лес. Было весело, играли в волейбол, команда Малиновских соревновалась с командой Ефимовых. Потом отдыхали на лужайке, шутили, пели песни. На веранде пили чай из большого самовара.

Своим спокойствием, умением неторопливо вести беседу, внимательностью Родион Яковлевич покорял душу. В семье Ефимовых любили его, как самого близкого человека.

Перед войной генерал Малиновский командовал войсками корпуса, который размещался вблизи пограничной реки Прут. Так случилось, что и майор Ефимов Ефим Васильевич, отец Мирона, закончив военную академию, получил направление в Молдавию и стал командовать танковым полком в корпусе Малиновского.

Как и советовал дедушка Василий, Мирон прикрепил лист жести к стволу кедра, и лесорубы сохранили дерево. А через три дня команда ушла на другое место. На разъезд привезли огромные котлы для варки смолы. Днем и ночью визжали зубастые пилы, поднимался до облаков черный дым, возле платформы высились штабеля шпал, еще теплых после пропитки горячей смолой и дегтем.

Вырубка кедровой рощи была крайне вынужденной. Советскому командованию потребовалось срочно перебросить с Запада на Дальний Восток огромную массу войск и боевой техники, а единственная железная дорога на некоторых участках оказалась совсем ненадежной. Она не могла выдержать небывалого потока воинских эшелонов. Требовалась немедленная замена старых, прогнивших шпал.

...Тревожно было на сердце Мирона. Почему один за другим идут эшелоны с Запада на Восток? С танками, пушками,

автомашинами... Да и пассажирские поезда сплошь заняты военными. Разве не нужны уже войска для боев с фашистской Германией? Ведь радио сообщает - бои идут жестокие, враг оказывает сопротивление...

Василий Федорович жил здесь, на разъезде, с гражданской войны. Обстановку в стране он безошибочно определял по "пульсу" железной дороги. Сам он из-под Тамбова, из села Горелое. После гражданской остался в Забайкалье и привез сюда жену и сына - отца Мирона.

- Неспокойный наш край, - говорил лесник, - от самураев покоя нет.

Мирон уже слышал от дедушки, что японская военщина не раз устраивала конфликты на границе, засылала диверсантов и шпионов на советскую территорию.

Иногда поезда останавливались на разъезде Безымянном. Вагоны загонялись в тупики, и солдаты выгружали ящики, выводили лошадей, выкатывали пушки... Мирон пристально всматривался в лица офицеров и солдат: не появится ли кто-нибудь из знакомых, чтобы узнать об отце. А быть может, и отец приедет с каким-нибудь эшелоном... Он еще не знал, что отца уже нет в живых. Дед Василий не решался сказать ему об этом. Ведь сколько было разговоров, "если с отцом что случится, подамся на фронт".

Трудно было старику держать в тайне от внука страшную весть. А Мирон словно чувствовал беду. С разъезда приходил угрюмый, говорил с тоской:

- И на этот раз нет. А писал, что скоро увидимся...

Дед тихо вздыхал, прятал глаза, он боялся расспросов внука. "Сколько ни скрывай, - думал он, - а когда-то надо сказать Мирону о гибели отца".

МАЛЬЧИШКИ ЕХАЛИ В ЧИТУ

На рассвете послышался страшный грохот. Словно на крышу дома посыпались камни. Мирон вскочил и, глянув в окно, сразу подумал: нет, это не гром. В ту же секунду рядом с домом, где они жили, разорвался снаряд. Отец выбежал из спальни, застегивая на ходу портупею...

- Я в штаб! - крикнул он.

Сначала Мирон не осознал, что произошло, и ему было не страшно. "Ну, а если война?" - вдруг пронеслось в голове.

Прошло несколько минут, грохот взрывов не только не смолк, но стал еще сильнее. С дребезгом вылетели стекла, осыпалась штукатурка, в окна повалил едкий дым. Дом горел, пламя охватило сарай, крышу погреба и хлев. Хозяйка дома, молдаванка, у которой Ефимовы снимали флигель, бросилась

вместе со взрослыми дочерьми во двор - спасать скот.

Мирон и его мама Лидия Петровна, учительница начальных классов, через сад, спотыкаясь о комья земли, вывороченные взрывами, побежали наискосок к шоссейной дороге. В спешке выскочили кто в чем: мать в цветастом сарафане, сын в коротких брючках и в майке. Даже сандалии не надел.

В небе появились самолеты с черными крестами на крыльях. Теперь уже не было сомнений: война! Над военным городком, где стояли танки и размещался в одноэтажном кирпичном доме штаб полка, поднялся столб черного дыма. Земля под ногами вздрагивала от взрывов бомб. За туповерхими лесистыми холмами что-то горело.

По винограднику бежали женщины и дети. Бежали и Ефимовы - мать и сын. Лишь бы подальше от грохота и пламени, от смерти.

Потом над головами бегущих людей стала рваться шрапнель, кто-то упал, послышались крики детей...

По шоссе один за другим мчались к границе грузовики с прицепленными пушками. Красноармейцы в касках, в руках винтовки. На пригорке автомашины стали сворачивать - одни вправо, другие влево. Артиллеристы проворно отцепляли орудия и тут же занимали позиции, изготавливались к стрельбе. В освободившиеся грузовики карабкались женщины, бойцы подсаживали детей.

Пока Мирон со своей мамой прибежали к шоссе, грузовики уже скрылись из виду. Вдруг возле них остановилась легковая "эмка". Из нее вышел генерал Малиновский: лицо суровое, широкие брови сдвинуты, но, как всегда, он спокоен и нетороплив.

- Как же теперь быть? Что делать? - Лидия Петровна плакала.

- Здесь оставаться нельзя. Уезжайте. - Родион Яковлевич запнулся. Ну, хотя бы в Харьков. Вам помогут в штабе округа.

Пока генерал писал записку, подошла еще одна грузовая автомашина с автоматчиками.

- Вот и прекрасно, - сказал генерал и приказал лейтенанту: - Срочно со своим взводом к берегу! Не дать противнику навести переправу через реку!

Потом подозвал водителя и, обращаясь к красноармейцу, сказал:

- Я прошу вас отвезти их за Днестр.

- Есть, товарищ генерал-лейтенант! - ответил водитель.

- Помогите им переправиться через реку. Мост разрушен, действуйте по обстановке.

Когда Мирон уже забрался в кузов, Родион Яковлевич достал

из легковой автомашины серый плащ и кинул Мирону:

- Укутайся плащом! Продует!

Лидия Петровна села в кабину грузовика рядом с водителем.

- Спасибо! - сказала она.

...Ехали быстро. Машину на ухабах подбрасывало. Мирон сначала стоял, держась за кабину, а потом даже в плаще стало холодно от встречного ветра, и он сел на подвесную скамейку. Грохот боя на границе удалялся. Но еще долго был виден дым, уходящий в безоблачное небо.

За грузовиками шли танки и конная артиллерия. Потом дорога опустела. Полуторка с прямоугольной, как ящик, кабиной то катилась вниз с холма, то с трудом поднималась в гору, проезжала мимо небольших молдавских селений, кое-где вклиниваясь в непослушное стадо овец. Было раннее утро. Солнце едва поднялось над горизонтом и слепило глаза.

Мирон сначала услышал противно воющий гул моторов, потом нарастающий свист и, обернувшись, увидал два самолета. Они пролетели над машиной и взмыли в небо. И в это мгновение впереди взметнулся остроконечный фонтан земли и огня... Когда, оказавшись на земле, Мирон очнулся, он не сразу сообразил, что произошло: машина в кювете, кабина иссечена осколками бомб, и обе дверцы открыты. Никого нет. Он поднялся, дышать ему было тяжело. Обхватив запыленный куст, Мирон едва удержался на ногах и стукнулся лицом о сучок. Кровь из носа потекла на полы плаща. Пошатываясь и спотыкаясь, он подошел ближе к машине. У заднего колеса неподвижно лежала мать. Мирон шарахнулся в сторону и едва не упал, споткнувшись о ноги мертвого водителя. Перед глазами у Мирона все завертелось, земля ушла из-под ног, и он снова потерял сознание...

Наступила ночь. Мирон лежал на брезенте, пропахшем соляркой. Его куда-то долго-долго везли в кузове грузовика.

- Помогите снять парнишку, - сказал кто-то, - контужен. Одному неудобно, а надо осторожно...

- А ты откинь задний борт.

- Не надо. Справлюсь.

- Врачам покажите его - он под бомбежкой был, - послышалось из кабины грузовика. - Бедняга. Мать его погибла.

- Не беспокойтесь, товарищ капитан, все сделаем, - ответил скороговоркой звонкий голос. - Отправим завтра. А как там, на границе?

- Идут бои. Сдерживаем.

Кто приказывал показать его врачам, кто отнес в дом и уложил на железную койку, Мирон не знал. Не знал и того, что похоронили погибшую мать капитан и красноармейцы из корпуса

генерала Малиновского, ехавшие на нефтебазу за горючим для танков.

Утром его осмотрел врач и сказал:

- Немедленно в госпиталь! Немедленно!

Генерал Малиновский, занятый в те горячие часы руководством войсками, принявшими удар фашистских полчищ, не увидел командира танкового полка майора Ефимова. Лишь в полдень он связался по телефону со штабом полка и узнал, что Ефимов ранен и отправлен в госпиталь.

Бой разгорался. Противник обрушил артиллерийский огонь и бомбовые удары на советские приграничные области, рассчитывая на легкий успех. Его солдаты пытались переправиться на левый берег Прута вплавь и на резиновых лодках, но попадали под шквальный пулеметный огонь наших войск и едва достигали середины реки. Потери не смущали вражеское командование, атаки гитлеровцев следовали одна за другой.

Советские танки подоспели к реке, сорвали переправу передовых частей вражеских войск. Несколько дней, истекая кровью, в неравной схватке удерживал приграничные рубежи корпус генерала Малиновского. Противник сосредоточил на участках наступления значительные силы артиллерии, авиации, танков и не ослаблял свои наступательные действия. Внезапные бомбовые удары по нашим военным аэродромам, районам сосредоточения войск и узлам железных дорог дали ему преимущество. Наши войска вынуждены были с тяжелыми боями отойти на новые рубежи...

Через два месяца генерал Малиновский был назначен командующим 6-й армией, а еще через четыре месяца принял командование войсками Южного фронта.

В короткие минуты передышки Родион Яковлевич вспоминал товарищей, однополчан, думал о Ефимовых, людях очень ему близких, полагал, что Лидия Петровна и Мирон где-то далеко в тылу.

Под Сталинградом, когда генерал Малиновский командовал 2-й гвардейской армией, он как-то услышал по радио, что в боях отличились воины-танкисты под командованием подполковника Ефимова и подумал: "Значит, жив Ефимов".

* * *

В госпитале Мирон пролежал дней десять. У мальчика было нервное потрясение и контузия. Когда он поправился, ему выдали справку, что он сын военнослужащего и следует в Читу. В гимнастерке, сапогах, с вещевым мешком, где лежал сухой паек, Мирон первый раз в жизни самостоятельно отправился в далекий

путь - к деду.

В Свердловске поезд стоял очень долго, и многие пассажиры вышли из душных вагонов подышать свежим воздухом. Вышел и Мирон. В ларьках продавали колбасу, яйца, печенье и конфеты, булочки и фруктовую воду. Все как до войны, когда Мирон со своими родителями ездил на разъезд Безымянный. Тогда поезд также долго стоял в Свердловске, и Мирон с отцом в том же ларьке покупал фруктовую воду. Только тогда на перроне не было так много военных и очереди у ларьков не было.

Мирону хотелось пить, но у него не было денег даже на бутылку фруктовой воды.

Прогуливаясь возле вагона, он обратил внимание на худенького белоголового мальчика в вельветовой синей курточке. Лицо продолговатое, глаза голубые, добрые и грустные. Мальчик пил лимонад и посматривал на Мирона, одетого в длинную красноармейскую гимнастерку без ремня, в серенькие брюки, заправленные в широкие голенища больших кирзовых сапог.

- Вкусная? - спросил Мирон, хотя знал, что фруктовая вода не бывает невкусной. Просто ему хотелось заговорить с пареньком.

- Ничего. Но хорошо бы с хлебом... - ответил тот. - Денег у меня хватило только на воду.

- А куда ты едешь?

- В Читу. - Посмотрев на остатки воды в бутылке, он предложил Мирону: - Хочешь?

- Давай, а то у меня все внутри пересохло. А я тебе хлеба и колбасы дам. Я тоже еду в Читу, к дедушке. Он живет на разъезде Безымянном.

- Послушай, как тебя зовут? - обрадовался новый знакомый. - Поедем вместе? У тебя есть билет? Меня зовут Славкой, я из Риги, но билета до Читы нет...

Через минуту Слава уже тащил Мирона к вагону.

- Расступитесь, товарищи! - просил он. - Братишка вывихнул ногу... Позвольте! Билет у него в руке. Не задерживайте, ему плохо...

План удался. Слава втащил Мирона в вагон и, конечно, обратно не вышел.

Устроились ребята на одной верхней полке в переполненном плацкартном вагоне и ехали вместе почти две недели. За долгую дорогу они рассказывали друг другу о себе, о своих родных и знакомых.

Родился Слава в Одессе. Он тоже единственный сын у родителей. Его отец по специальности экономист, работал в порту. А мать - врач. Славе уже исполнилось четырнадцать лет, он закончил седьмой класс и музыкальную школу, играл на баяне.

Мальчик мечтал стать моряком. Он занимался спортом, любил читать, но учился неровно. Перед войной отца Славы перевели в Ригу, и он привез сюда семью. Мать Славы поступила судовым врачом на торговое судно и за неделю до начала войны ушла в дальнее плавание. А Слава поехал к дедушке и бабушке на лето в город Черновцы. В дороге стало известно, что началась война. Где-то в пути поезд остановился. В Черновцах уже фашисты... Так, оторванный от родных, Слава оказался в Москве. В Ригу поезда не ходят. Единственное, куда теперь он мог поехать, - к тете Клаве. Тетя Клава - сестра матери. Она жила в Чите, работала в паспортном отделе. Слава видел ее давно и точного адреса не знал. Но его это не беспокоило. Найдет. Лишь бы добраться. Денег на билет до Читы не хватало. К тому же хотелось есть, и часть денег он истратил на продукты.

Кто-то посоветовал купить билет до любой станции, но обязательно на читинский поезд. Лишь бы сесть в вагон, а потом можно и не выходить. Вон сколько детей едут на восток, и все без билетов. Война!

Слава воспользовался советом, доехал до Свердловска, а там повезло: познакомился с Мироном.

...До дедушки Василия ребята добрались исхудавшие, голодные, почерневшие от копоти и пыли. Съели по две миски наваристых щей с мясом и спали ровно сутки. На следующий день Слава уехал в Читу, где почти без труда нашел тетю Клаву.

Через неделю друзья встретились. Слава приехал на разъезд. Он рассказал Мирону, что квартира тети недалеко от вокзала и школа рядом. Узнал, что его примут в восьмой, а Мирона в седьмой класс.

Зимой Мирону было трудно добираться до Читы. Иногда в метель он оставался ночевать у своего друга, старался не пропускать уроков. А Слава через год расстался со школой - решил помогать фронту. Ведь враг был недалеко от Москвы, Ленинград в блокаде, почти вся Белоруссия и Украина захвачены фашистами.

Слава пошел на кожевенный завод, который выполнял военные заказы. Трудился в механическом цехе, наполненном грохотом машин и запахом смазки. Слава был помощником механика, чистил, смазывал агрегаты. Всегда в мазуте, в копоти.

Дружба ребят не гасла, но виделись они все реже. Только в выходные дни, да и то не всегда. Ходили на рыбалку, собирали грибы, выколачивали из кедровых шишек орехи. Часто вспоминали своих родителей.

Отец Славы в первые дни войны вместе со своим полком оказался в окружении и, присоединившись к партизанам,

сражался в тылу противника.

Зимой 1943 года, во время успешного наступления советских войск, партизанский отряд соединился с действующей армией, и многие партизаны были зачислены в стрелковые полки. Рядовой Николай Котин стал пулеметчиком. В те дни он послал письмо в Читу Клавдии - сестре жены, смутно надеясь, что Слава может быть у нее. Но вскоре он был ранен, отправлен в госпиталь и ответа не получил.

Из госпиталя Котин разослал письма всем знакомым, в газеты, в отдел кадров торгового флота и еще раз в Читу. Может, кто-нибудь знает, где жена и сын Слава. С нетерпением ждал ответа, но шли дни, а известий никаких не было.

В палате было восемь человек. Все раненые знали о своих семьях. Правда, не у всех было легко на душе. Четверо тоже не получали писем. Их семьи были на территории, занятой фашистами, а там - известное дело хозяйничает враг. Один из четверых - бывший председатель колхоза, брат его - работник милиции. Мало надежд, что семья жива. У троих молодых солдат родители живут на Урале, и письма приходят часто. Только радостного ничего не сообщают. У одного солдата отец погиб, у другого - два брата. А у третьего - престарелые родители, трудно живут без детей, ушедших на войну. У всех свои заботы и страдания.

Котин уже выздоравливал, когда пришло письмо. Служебное. Адрес напечатан на машинке. Сердце забилось, опустился Котин на стул, вскрыл конверт и прочитал скупые, убийственные строчки: "Сообщаем, что судно, на котором находилась Ваша жена, судовой врач Котина, потоплено вражеской подводной лодкой".

Два дня не вставал с постели убитый горем Котин.

И вдруг еще одно письмо в самодельном конверте. Глазам не поверил солдат, увидев знакомый почерк. Сын! Слава! Он в Чите.

КТО ОНИ?

Слава приехал на разъезд вечером. Как всегда, остался ночевать, чтобы весь выходной день провести с Мироном. За ужином спросил лесника:

- Василий Федорович, тетя Клава утверждает, что без кедровой рощи глухари не смогут жить в лесу, улетят и погибнут.

Дед Василий неторопливо очистил печеную картофелину, положил на тарелку и, полив кедровым маслом, ответил:

- Глухарь далеко не уйдет. Тут рядом сосновые леса. Корма ему вдоволь. На днях побывал там на зорьке. Поет глухарь.

Мирон не раз бывал с дедом на глухарином току, любовался пернатыми красавцами, слушал их песни, в книжках о глухарях

читал.

- Махнем на зорьке в лес, - предложил Мирон Славе. - Знаешь, как здорово поют глухари! Темно еще, а петух начинает: "щелк, щелк". Как деревянными ложками постукивает. Опять "щелк", и слушает, нет ли соперника поблизости. А потом басовито: "тэк, тэк, тэк!" И начинается трель...

- Как у соловья? - спросил Слава.

- Ничего похожего! - засмеялся Мирон. - Это скорее как при заточке большого ножа о сухой камень: вчжик, вчжик, вчжик. Нет, это не выразишь словами... А сам сидит на ветке, голову кверху поднимает, борода под клювом торчком, и ничего в это время не слышит.

- Я видал на картинке, - сказал Слава. - Красивый: хвост и крылья черно-бурые, грудь черная с сине-зеленым блеском. Брюхо белое с черными пятнами.

- Картинка - не то, - возразил Мирон. - На картинках глухарь и тетерев похожи. Я раньше даже не мог отличить их. Тетерев - это как маленький черный петух, а глухарь в сумерках на огромного орла похож, клюв большой, загнутый, как у хищной птицы. Великан!

- В кого ты такой говорун, Мирон? - удивлялся Василий Федорович, ополаскивая посуду в тазике. - Отец - молчун, от матери слова лишнего не услышишь, ну, а я вовсе не мастак говорить. Ты не рассказывай, а поведи Славу на ток, где мы были с тобой, да покажи.

Решили сходить. Поднимутся в потемках и пойдут. Поглядят, как токуют глухари.

Дедушка посоветовал взять ружье.

- Заодно загляните на Лысую гору. Что-то там вчера ночью огоньки мигали. Боюсь, как бы браконьеры не поселились. Глухаря-то бить запрещено.

Как договорились, на рассвете дед Василий разбудил ребят, напоил чаем со ржаными сухарями и проводил до тропы, ведущей к сосновому бору. Еще раз предупредил об осторожности.

В бору было еще темно. Сквозь крону сосен лишь кое-где виднелось темно-синее небо с робко мерцающими звездами. Под ногами хлюпала пропитанная снеговой водой подстилка из опавшей иглы, мелких веточек и прошлогоднего папоротника. От прелых пней пахло грибами. Там, где посуше, по голенищам сапог хлестал черничник. Черничные и брусничные поляны любимые места глухарей. Зимой и весной глухарь питается иглами и почками хвои. Токует там же, где ночует, не ищет открытых мест для драки с соперником, как задиристые тетерева.

Кое-где еще лежал мокрый, ледянистый снег, засоренный

осыпавшейся крошкой сосновой коры и отжившими иглами.

Слава рассказал, что получил повестку из военкомата. Его зачислили в морскую пехоту, нужно ехать во Владивосток.

- Счастливый ты, Славка, - позавидовал Мирон.

Ему самому поскорее хотелось стать военным. Но бежать на фронт "зайцем" считал несерьезным. Без документов немедленно задержат.

- Тсс! Поет... - шепнул Слава. - Близко поет...

"Тэк, тэк, тэк!" Огромная царь-птица словно извещала всех, что она уже проснулась. В ответ послышалось: "тэк, тэк, тэк!" Стало тихо, и в этот момент под ногами треснула ветка. Глухарь не сразу повторил свою песню.

Неожиданно он стал "тэкать" слева. Мирон успел сделать несколько шагов. Слава остался на месте и притаился. Было тихо. Лишь где-то журчал ручеек, бежавший с вершины сопки.

Неожиданно за ворот что-то посыпалось, видно крошка коры. Мирон глянул вверх и увидал на фоне неба бородатую голову глухаря и его раскрытый, как у орла, клюв. Глухарь-петух, вытянув кверху шею, топтался на месте, распустив хвост веером. Красив! Разве можно убивать такого красавца? Недалеко запел еще один глухарь. Значит, дед Василий прав: не улетели из леса глухари.

- Видишь? - тихо спросил Мирон и нечаянно задел ветку.

Наверху захлопали крылья, посыпались на голову высохшие сосновые шишки и сломанные кончики веток, лес наполнился шумом, но вскоре опять стало тихо.

- Зачем же ты вспугнул их? - огорчился Слава. - Мы могли дождаться полного рассвета, и они не заметили бы нас... Сколько их? Вот это да!

- А ты говорил, что они покинули лес, - сказал Мирон. - Нет, не покинули.

- Ну, пройдемся по склону сопки до Лысой горы, - предложил Слава. Посмотрим, что там.

- Пойдем, - согласился Мирон, все еще испытывая вину за то, что спугнул глухарей.

Почти четыре года они дружат и ни разу не ссорились. Мирон всегда уступчивый, спокойный. Любит читать. А Слава только с виду озорник, а по натуре он мечтатель, и душа у него добрая. Приедет к Мирону в выходной день погостить - не даст деду Василию ни за водой сходить, ни дров нарубить, все сделает сам. Любит косить траву. А как радуется, когда вытащит крупную рыбу на озере. Радуется, а улов всегда отдает Мирону.

У себя на кожевенном заводе Слава смастерил из отходов овчины деду Василию рукавицы, а Мирону - унты, чтобы в лютые

морозы ездить в школу.

Вырос Слава ловким, сильным, красивым. Он был почти на голову выше Мирона, говорил баском и выглядел старше своих восемнадцати лет. От того мальчика, с которым познакомился Мирон в Свердловске в сорок первом году, остались только светлые волосы, зачесанные набок, да задумчивые грустные глаза.

Выйдя из соснового бора, ребята направились по кратчайшему пути через редкий, мелкий осинник, выросший после лесного пожара, к сопке. За сопкой возвышалась Лысая гора.

- Смотри, лоси осинник обглодали, - заметил Мирон, рассматривая стволы молодых осин. - Любят полакомиться осиновой корой и молодыми побегами.

- Да, и натоптали здорово, - удивился Слава. - Сколько же их?

Дошли до межгорной впадины, где еще плотным настом лежал снег и заметили... следы человека. Ясный след от сапог с металлической подковкой на каблуке. Впрочем, чему удивляться, военных на Безымянном стало много. Быть может, кто-то и ходил на охоту.

У вершины сопки ребята забрались на побуревшие от высохшего лишайника огромные камни-граниты, навечно прижавшиеся друг к другу, и залюбовались прозрачной далью. За много километров видна железная дорога, отчетливо просматривается шоссе, уходящее на юг, к государственной границе. Оживилось шоссе весной. Автомашины идут непрерывным потоком. Издали кажется, будто бы какое-то живое существо ползет, извивается между горами. Никогда такого не было.

По железной дороге с небольшими промежутками бегут поезда. С высокой сопки они выглядят игрушечными. Вот бы посмотреть в бинокль... А Лысая гора еще выше. Дедушка Василий сказывал, что оттуда волки выслеживают добычу. Заметят лося-подранка или больного, сразу нападут. А со здоровым взрослым лосем не справятся.

- Чуешь, курит кто-то? - Мирон прислонился к Славе.

- Да, вроде запах дыма. Неужто с дороги ветерок доносит? - Слава втянул воздух носом и шепотом произнес: - Курят, и где-то близко.

Мирон сразу решил, что это браконьер.

- Бродит неподалеку, а скорее всего, бросил окурок, вот и чадит. А сам небось уже лосятину жарит или глухаря.

Слава оглянулся и тут увидел какого-то человека с тяжелой ношей на плече.

- Смотри! - шепнул он. - Сюда кто-то идет...

Словно по команде, ребята в мгновение сползли с камня и замерли.

- Лося убил, мясо тащит... - сказал Мирон.

- Тсс! Замри! - Слава дернул его за пиджак. - Пригнись пониже.

Незнакомец не заметил ребят. Он подошел к стыку двух камней, тихонько откашлялся и нырнул в узкий вход в пещеру.

- Беги на разъезд, доложи! - приказал Слава, как командир. - Я притаюсь здесь и покараулю этого типа...

Тревожным и долгим показалось ожидание. Мирон привел солдата с автоматом.

- Один он там? - спросил солдат.

- Не знаю, - ответил Слава, - но мне кажется, в пещере кто-то разговаривал. Чуешь, папиросным дымом попахивает? Не махру курят.

Солдат подал сигнал ребятам укрыться за камнем и подошел к входу в пещеру сбоку.

- Кто там? Выходи! - приказал он властно.

Тишина.

- Выходи! Или брошу гранату!

Осторожно, как зверь, вышел плюгавый человек. Нос - как редиска с проткнутыми отверстиями.

Солдат, держа автомат наготове, спросил:

- Ты что, живешь в этой берлоге?

- Зачем живешь? Моя живет в Бурятии, моя в Читу идет... - ответил незнакомец.

- Ничего себе! - удивился Слава. - Бурятия там, - он указал рукой на север, - а Читу вы уже прошли.

- Не прошел, моя там живет... - прикидывался глупым незнакомец. Он зыркал глазами, словно больше всего боялся оружия в руках солдата и Славы. - Не надо трогать бурята-охотника. Соболя ищу. Деньги много плачу, если есть соболь. Продавай.

- Соболей нельзя бить! - возмутился Мирон. - И лосей без разрешения бить нельзя.

- Есть разрешений, есть, - сморщился незнакомец. - Бумага имеем.

Солдат обратил внимание на руки незнакомца. Они чистые, коротко обрезаны ногти. Догадался: не браконьер. И говорит не с бурятским акцентом. Скорее всего... японец.

- Вот что, бурятский охотник, не тумань нам голову! Руки назад! И не шевелись! А вы, ребята, свяжите ему руки покрепче.

Пригодилась веревка на поясе Мирона.

- В Чите пожалуюсь! Меня забирают! - стал громко кричать

незнакомец.

Его маневр солдат сразу разгадал.

- Возьми его на мушку! - приказал солдат Славе и бросился к входу в пещеру. - Против входа не стой! - крикнул Мирону. - Эй, выходите! Приказываю: выходите немедленно!

Окрик подействовал. Из пещеры вышел, озираясь, коренастый, широколицый человек лет сорока. С виду русский. В новой телогрейке защитного цвета, шапке-ушанке со следом пятиконечной звезды, в добротных унтах. В руках бескурковое охотничье ружье.

Он, конечно, слышал разговор, и был убежден, что их принимают за скупщиков соболиных шкурок. А поскольку у них нет ни одной шкурки, то и задерживать их никто не имеет права.

Но солдат рассудил по-своему:

- Брось ружье! Брось - или стреляю!

Широколицый положил ружье. Стал грубо возмущаться, но солдат приказал ему молчать и отойти от ружья.

Не спуская глаз с задержанного, солдат еще раз крикнул:

- Кто еще там? Выходи!

Не услышав ответа, приказал Славе:

- Стреляй в пещеру!

Слава не сразу выстрелил. Он тоже крикнул, чтобы вышли из укрытия люди, и, не уловив даже шороха, выстрелил в темноту.

- Вы мне за все ответите! - пригрозил широколицый. - Ведите, если это так нужно.

- Я предупредил, - сказал солдат, - попытка к бегству или неподчинение дает мне право применить оружие... Больше ни слова!

Продолжая держать незнакомцев под охраной, солдат послал Мирона и Славу осмотреть пещеру. Они вытащили оттуда небольшую радиостанцию и бинокль.

- Денег много даю, никому не говорю, если отпустите нас... - стал умолять бурят.

Что-то хотел сказать и широколицый, но солдат сделал предупредительный выстрел.

- Еще одно слово - и уложу наповал! - строго сказал он. - Руки вверх и марш впереди меня!

При обыске у задержанных были найдены пистолеты, фотоаппарат и пачки советских денег. В тот же день их отправили в Читу.

Слава Котин с командой призывников был направлен во Владивосток. В письме, которое опустил еще в Чите, он писал своему другу: "Мы задержали опасных типов. Не случайно они облюбовали Лысую гору, с которой видны и железная дорога и

шоссе к границе. Будь осторожен.

А еще, Мирон, большое горе у меня. Отец сообщил, что японцы потопили судно, на котором была мама... Скорее всего, она погибла. Как приеду на место, сообщу тебе свой адрес. А если тебя пригласят в военкомат, просись на флот, может, увидимся".

ПРИШЛО ВРЕМЯ

В конце июня 1944 года начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А. М. Василевский временно находился на 3-м Белорусском фронте. Он координировал наступательные действия двух фронтов: 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского.

В те дни Василевскому позвонил И. В. Сталин и сказал, что нужно принять главу военной миссии США в СССР генерала Д. Дина по его просьбе, ознакомить его с боевыми действиями и поговорить о том, как американские войска выполняют союзнический долг.

Но американца меньше всего интересовали успехи советских войск и освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

В первой же беседе после обеда в честь гостя генерал Дин предложил маршалу Василевскому прогуляться по берегу живописной речушки без охраны и без переводчиков. Генерал Дин знал русский, а маршал Василевский владел английским.

- Я уполномочен начальником штаба армии США просить вас об ускорении начала войны против Японии, - начал Дин. - Наши дела идут успешно: вы изгоняете немецкие войска из своей страны, а мы вместе с войсками Великобритании успешно наступаем в Нормандии. Это большая помощь Красной Армии.

Генерал напомнил о том, что американские военно-морские силы и авиация одержали ряд побед над японским флотом, а затем спросил: когда советские войска начнут боевые действия на Дальнем Востоке?

Начальник Генерального штаба Советских Вооруженных Сил, конечно же, знал о том, что США и Великобритания еще в декабре 1941 года просили И. В. Сталина начать боевые действия против милитаристской Японии. Нашим союзникам нужна была помощь в войне с Японией. А разве Советский Союз не нуждался в помощи в то тяжелейшее время? До 1943 года, до открытия второго фронта, Советская Армия вела тяжелейшую борьбу с фашистскими полчищами и с войсками союзников Германии. Советскому народу было слишком тяжело вести войну и на Западе, и на Дальнем Востоке. Так что рановато завел разговор генерал Дин о боевых действиях на Дальнем Востоке. Ему хотелось знать, готовится ли Генеральный штаб к наступательной операции против японской Квантунской армии, которая давно

ждет приказа броситься на советский Дальний Восток и начать действовать по заранее разработанному плану под названием "Кантокуэн", что означает - "Специальные маневры Квантунской армии".

Но подготовка к боевым действиям всегда держится в строжайшем секрете. И на вопрос американца маршал Василевский ответил:

- Этот вопрос должны решить главы трех великих держав. Но думаю, что мы выполним свой союзнический долг, когда завершим разгром фашистской Германии.

Глава военной миссии США в СССР генерал Дин, несмотря на интересные впечатления, полученные от посещения участка фронта, и радушный прием, который устроил командующий фронтом генерал И. Д. Черняховский, покинул штаб фронта неудовлетворенным.

Новый, 1945 год Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин встречал на своей даче в сосновом лесу недалеко от Кунцева. На ужин были приглашены члены Политбюро, некоторые народные комиссары, маршалы и генералы. Собралось человек тридцать. Когда кремлевские куранты пробили двенадцать, И. В. Сталин провозгласил здравицу в честь Красной Армии и советского народа и поздравил всех присутствующих с новым, 1945 годом. Через некоторое время он поднялся из-за стола, закурил трубку и стал беседовать с кем-то из гостей. Остальные разбились на группы, пошли дружеские разговоры. Маршал Буденный внес из прихожей баян, видимо привезенный с собой, сел на стул и растянул мехи. Играл Семен Михайлович мастерски. Больше русские народные песни. Сидел он, склонившись ухом к инструменту, улыбался, и было заметно, что игра на баяне доставляет ему большое удовольствие.

К Буденному подошли и многие гости. Спели несколько военных песен, а потом Семен Михайлович пустился в пляс. Плясал он лихо, вприсядку, с прихлопыванием ладонями по голенищам сапог. Все от души аплодировали ему.

Сталин подошел к стоявшим в стороне генералам и, обращаясь к генералу А. И. Антонову, занимавшему в то время пост заместителя начальника Генерального штаба, сказал:

- Подготовьте мне краткий письменный обзор о войне на Тихом океане. Скоро предстоят переговоры с Рузвельтом и Черчиллем по вопросу вступления СССР в войну против Японии. - Он поднес зажженную спичку к трубке и, старательно раскурив ее, вынул изо рта. Указав мундштуком в сторону поодаль стоявших военачальников, сказал: - Пусть подойдет сюда товарищ Кузнецов.

Главнокомандующий Военно-Морскими Силами Адмирал Флота Н. Г. Кузнецов, быстро подойдя к И. В. Сталину, замер.

- Из того плана, который вы представили мне, нужно сделать сокращенный вариант и взять с собой. - Верховный Главнокомандующий неторопливо указал концом мундштука трубки сначала на генерала А. И. Антонова, затем на Адмирала Флота Н. Г. Кузнецова и сказал вполголоса: - Оба поедете в Ялту на конференцию трех великих держав. Подготовьте необходимые документы.

Не сказав больше ни слова, он направился к столу, где сидел нарком иностранных дел.

На Крымской конференции трех великих держав были рассмотрены и решены проблемы, связанные с завершением войны против фашистской Германии, послевоенным устройством Европы и учреждением Организации Объединенных Наций. Тогда же были определены и сроки вступления Советского Союза в войну против милитаристской Японии - через два-три месяца после капитуляции фашистской Германии.

Союзники просили ускорить начало кампании против Японии. Было совершенно очевидно, что они не в состоянии своими силами быстро принудить Японию к капитуляции. Правительства США и Англии хорошо понимали, что исход войны на Тихом океане зависел прежде всего от разгрома сухопутных сил Японии на азиатском континенте.

Все годы Великой Отечественной войны японское командование держало вблизи границы с Советским Союзом готовую к вторжению Квантунскую армию.

Квантунская армия - основная сила сухопутных войск Японии - была хорошо обучена и насчитывала более миллиона солдат и офицеров. Воспитанная в духе фанатичной преданности императору и ненависти к Советскому Союзу, она представляла большую силу, способную вести упорную и длительную войну. Демонстративно готовясь к нападению и накапливая силы, японская военщина тем самым вынуждала СССР держать достаточно мощные войска на границе с Японией. А ведь в этих войсках очень нуждались наши фронты на Западе.

Даже тогда, когда Советская Армия перешла в наступление и успешно освобождала без помощи союзников свою территорию от немецко-фашистских захватчиков, Япония не отказалась от плана вторжения в пределы СССР, устраивала провокации на границе, разбойничала в нейтральных морских водах, топила советские суда, нарушала воздушное пространство. Японская разведка работала на гитлеровские штабы. А как расценивать создание японских отрядов, которые готовили бактериологическое оружие

против СССР и МНР? Все это никак не отвечало соблюдению имевшихся договорных условий о нейтралитете.

Крымское соглашение по вопросам Дальнего Востока было реальным шагом в приближении конца второй мировой войны.

После завершения Крымской конференции группа опытных генералов и офицеров Генерального штаба в строжайшей тайне разрабатывала стратегический план разгрома Квантунской армии, давались указания о срочной подготовке Дальневосточной железной дороги к большому потоку поездов и постройке новых путей и тупиков, постоянно уточнялась группировка войск противника. Разведке группировки японских войск и системы обороны Квантунской армии уделялось первостепенное внимание.

Нападение Японии на СССР в 1941 - 1945 годах не состоялось не потому, что японское правительство считало себя обязанным соблюдать пакт о нейтралитете. Нет, истинная причина крылась в том, что японские милитаристы, активно готовя вторжение и приурочивая его к наиболее подходящему моменту в ходе войны фашистской Германии против СССР, так и не дождались этого момента.

Пришло время ликвидировать опасный очаг новой агрессии. Разгром Квантунской армии должен был обеспечить начало долгожданного мира на земле, только он мог помочь народам Азии, и в первую очередь Китаю и Корее, сбросить навсегда ярмо иностранного ига.

Переброска войск и боевой техники с Запада на Дальний Восток началась еще зимой сорок пятого. К весне, когда Великая Отечественная война близилась к победоносному завершению, поток воинских эшелонов на Дальний Восток резко возрос.

В полном составе прибыл штаб бывшего Карельского фронта. В конце апреля начала выдвигаться в Забайкалье многотысячная армия генерал-полковника И. И. Людникова, а когда фашистская Германия капитулировала, в далекий путь тронулись прославленные в боях армии: 5-я под командованием генерал-полковника Н. И. Крылова, 53-я - во главе с генерал-полковником И. М. Манагаровым и 6-я гвардейская танковая армия генерал-полковника А. Г. Кравченко.

В Читу прибыли и многие из военачальников бывшего 2-го Украинского фронта вместе со своим командующим Маршалом Советского Союза Р. Я. Малиновским.

Командовали войсками и штабами генералы и офицеры с большим боевым опытом, многие из них были награждены орденами и медалями.

По замыслу Верховного Главнокомандования, стратегическая

операция по разгрому Квантунской армии должна была завершиться полным разгромом и капитуляцией войск противника в самые сжатые сроки.

Подготавливая войска к наступлению, советское командование учитывало не только силу и группировку дивизий и полков противника, но и сложные географические и климатические условия театра военных действий. Сама территория, на которой предстояло вести боевые действия, затрудняла ведение наступательных операций: железных и шоссейных дорог мало, на пути войск будут и горы, и реки, и заболоченные лесистые районы, и безводные пустыни.

Предстояла невиданная по размаху, дерзкая по замыслу, труднейшая по географическим условиям и важная для всего мира последняя стратегическая операция второй мировой войны.

В ДЕНЬ ПОБЕДЫ

На разъезде Безымянном - красные флаги. С утра льется музыка из круглого репродуктора, установленного на телеграфном столбе у платформы. Все поздравляют друг друга. Наконец-то война кончилась. Немецко-фашистская Германия капитулировала. Радуются все. А дедушка Василий озабочен. Сказал утром Мирону, что поедет в Читу по делам, но зачем-то надел резиновые сапоги и взял двустволку.

Пришли солдаты-зенитчики, человек десять. Все веселы, счастливы. Поздравили с Победой. Едва они ушли, прибежала из поселкового Совета женщина:

- Где дедушка, Мирон? Я пришла пригласить его на праздничный митинг.

- Уехал в Читу, и до сих пор нет, - ответил Мирон. - Я передам ему, когда вернется.

Женщина побежала к зенитчикам.

С позиций зенитных батарей доносились крики "ура", слышались глуховатые выстрелы ракетниц, и в небо взвивались разноцветные ракеты. Все так рады, а на душе Мирона щемящая тоска. Слишком большое горе принесла ему война: погибла мама, и не случайно так долго нет писем от отца. Что-то знает дедушка, все эти дни мрачный, в глаза не смотрит внуку, словно в чем-то провинился, и Мирон догадывается: что-то случилось с отцом.

Послышалось ржание Звездочки. Пришла с луга, и нужно открыть ей ворота. "Пить хочет", - подумал Мирон и вынес ведро воды. Лошадь всегда пила неторопливо, процеживая чистую воду сквозь губы. Выпила, не отрываясь, все до дна.

Забота о Звездочке - поить, кормить, чистить и присматривать за ней полностью на Мироне. Дружба у них неразлучная.

С весны у Мирона прибавилось забот. Нужно не только за Звездочкой ухаживать, но и помогать дедушке дежурить на разъезде. Дежурство на разъезде круглосуточное. Придет воинский эшелон, дежурный расскажет командиру, где есть свободные места для размещения частей, где водоем, как выехать к шоссе. Мало ли какая помощь может потребоваться военным, прибывшим на разъезд. У Мирона есть красная фуражка, дед подарил, и когда он в фуражке, к нему обращаются как к настоящему дежурному. Бывает, и поругают офицеры за то, что поблизости места уже заняты. Но это не его вина.

Раньше людей не было видно на разъезде, а теперь в лесу тесно: всюду склады, палатки, танки, обозы. Днем спокойно, в целях маскировки все замирает, а как стемнеет, идет выгрузка техники, войск.

Скоро потеплеет, и Мирон переселится на чердак. Будет спать на сене под марлевым колпаком. Хорошая защита от комаров. Колпак оставил ему ветеринарный врач. У врача была фамилия - Умница. Звали его Тит Титович. В сорок втором он все лето жил на разъезде. Спал на сеновале. Вот тогда он и натянул на согнутые прутья лозы марлю, сделал защиту от комаров.

- Удобная штука. Когда уеду, оставлю тебе на память, - сказал он Мирону.

Ветеринарный врач вместе с военными ездил по колхозам и подбирал для Красной Армии лошадей. Многочисленные табуны пригоняли военные на разъезд. Ночью подходили вагоны, и к рассвету эшелон с лошадьми мчался на Запад.

Иногда Тит Титович браковал лошадь. Не годна для армии. От ветврача пахло лекарствами и дегтем. В петличках его гимнастерки поблескивал красный квадратик, на груди орден Красного Знамени. В гражданскую он служил в конной армии Буденного. Врач Умница был прекрасным наездником. Мог на скаку поднять с земли фуражку, спрыгнуть и снова вскочить в седло на полном галопе. Несколько раз он приглашал в какое-нибудь селение Мирона и Славу, давал им заседланных лошадей и в дороге весело покрикивал: "Делай, как я!" Но он знал, что ребята не смогут джигитировать, они лишь наблюдали и восторгались его мастерством, и это подзадоривало его.

Военный ветеринар был очень занят делами. Уезжал в колхозы рано, а возвращался поздно. Но когда оставался на разъезде, для Мирона - праздник.

Однажды в жаркий день ветврач привел во двор лесника жеребенка. Он был оранжевого цвета, хвост и грива светло-желтые, как куриный желток. Мордочка маленькая. На лбу звездочка белая. Так и назвали его Звездочкой. Прекрасный

жеребенок, послушный, ручной. Быстро привык к Мирону.

- Редкий случай, - сказал Тит Титович, - у матери-кобылицы нет молока, и она не признает дочь. А у меня кобылиц с жеребятами нет значит, надо самим кормить малышку. Я все время в разъездах. А ей нужна постоянная няня.

Дед Василий поначалу упрямился, не хотел брать, как он говорил, коняшку, забот с ней не оберешься, но Мирон уговорил его, дал слово, что будет сам кормить и ухаживать.

Тит Титович рассказал Мирону, чем и как кормить Звездочку. Сначала пойло, как называл Умница пищу жеребенка, он готовил сам, а потом поручил Мирону. В большую литровую бутылку наливали разбавленное молоко и сыпали немного овсяной муки. Через месяц Звездочка научилась пить из ведра. Постепенно научилась щипать траву, с аппетитом ела отруби и овес. Росла быстро, на глазах.

От Мирона жеребенок - ни на шаг. Куда Мирон, туда и Звездочка. Бежит парнишка к озеру, она впереди, первая заходит в воду. Захочет есть - тычет мордочкой в ухо или заржет тоненьким голосочком.

Через год военный ветеринар уехал на фронт. Звездочка стала уже большая. Ела все, как взрослые лошади. Любила осиновые веточки, морковь, свеклу. Сено Мирон всегда кропил теплой, чуть подсоленной водой, и лошадь ела охотно. Оранжевая шерсть вылиняла. Звездочка стала светло-рыжая, как лисица. Хвост и грива светлые. Выпустит ее Мирон погулять со двора и говорит: "На луг". Она идет на луг недалеко от дома, и никуда больше. Придет время, сама возвращается домой. А если забудется, не приходит до вечера, Мирон выходит на крылечко и свистит, как филин. Не было случая, чтобы Звездочка не пришла на его свист. С полутора лет стали приучать ее ходить под седлом и в легкой упряжке. Дедушка Василий сделал хорошие санки. Удивительно легко приучилась Звездочка ко всему. И вскоре Мирон стал садиться в седло.

Взрослея, Звездочка меньше требовала к себе внимания и нисколько не обременяла юного хозяина. У лесника были в достатке овощи, сена хватало, и Звездочка обходилась без овса.

Удивительная лошадь. Не признавала конюшни. Только в дождь и зимой в метель уходила под навес. Днем и ночью - под открытым небом. В сильные морозы Мирон укрывал ее шерстяным одеялом, оставленным ветеринарным врачом. Летом она паслась на лугу не спутанной, как другие лошади, и никого, кроме Мирона, не подпускала к себе близко. Даже лесник не мог поймать Звездочку.

Весной сорок пятого она была уже взрослой, хорошо

выезженной.

Вслед за официальным сообщением из штаба армии о гибели сына Василий Ефимов получил письмо от Маршала Советского Союза Малиновского. Родион Яковлевич писал, что война вырвала из боевых рядов Советской Армии славного командира, так нужного Родине, друзьям и, конечно, Мирону. Дедушка по-прежнему скрывал печальное известие от Мирона.

К полудню лесник возвратился, надел новый пиджак и заглянул к зенитчикам. Поздравил солдат и офицеров с победой и предложил посадить на делянке, где были спилены отжившие свой век деревья, кедровые саженцы.

Командир зенитной артиллерийской батареи одобрил предложение лесника и приказал немедленно построить зенитчиков. Он сказал, что в войне с фашистами погибло много советских людей, не вернулся с фронта и сын местного лесника генерал-майор Ефимов. Потом обратился к леснику:

- Скажите что-нибудь, дорогой товарищ Ефимов...

Василий Федорович по-солдатски четко подошел к командиру, повернулся к строю лицом.

- День сегодня необыкновенный, - заговорил он торжественно. - Ждали мы все, когда закончится война. И вот мы можем поздравить друг друга с великой победой. Нет ничего страшней войны. Сын мой Ефим сражался с первого часа, защищая Родину, и погиб в самом конце войны... Фашисты убили его жену - сноху мою. Война жестока, она уносит жизни миллионов людей. Тяжело мне, товарищи! Но я не чувствую себя одиноким. Хочу просить вас, товарищи воины, давайте посадим сегодня в память павших в боях с немецко-фашистскими захватчиками на этом месте кедровые саженцы...

Послышались голоса одобрения. Капитан подошел к леснику и, сняв фуражку, поклонился, а потом поцеловал в мокрую от слез щеку и сказал тихо, но слышали все:

- Спасибо, отец. От всех живых и погибших...

Солдаты дружно сажали на делянке молодые кедры и возле каждого деревца ставили маленькие столбики с именем погибшего на войне отца или брата. Безымянных кедров было много. В центре делянки был посажен стройный и ветвистый кедр. И рядом на столбике надпись: "В память о генерал-майоре Е. В. Ефимове, погибшем в боях за Родину".

Сначала никто не обратил внимания на пришедшего Мирона, но когда он остановился возле кедра и стал читать написанное, солдаты и офицеры сняли головные уборы, замерли в скорбном молчании. К Мирону подошел офицер.

- Мы тут вместо памятника отцу твоему живой кедр

посадили... - сказал он. - Будем вместе ухаживать за ним. Вырастет, как вон тот кедр, под которым воины маршала Малиновского собирались, тогда можно мраморную доску прикрепить.

- Родион Яковлевич тогда еще не был маршалом, - сдавленным голосом заговорил Мирон. - Давно это было...

Мирон присел, пригладил ладонью землю вокруг ствола кедра и сказал еле слышно:

- Рядом посажу березку и напишу: "мама"...

Мирон хотел еще что-то сказать, горло перехватило, и все же он не заплакал.

НАГРАДА

На разъезд позвонили из Читы и передали, чтобы Мирон Ефимов прибыл на железнодорожный вокзал к военному коменданту.

Лесник встревожился:

- Возьми на всякий случай кусок хлеба и сала, мало ли что случится. Вдруг задержишься или пошлют куда-нибудь...

В назначенное время Мирон прибыл в комендатуру. Комендант усмехнулся:

- А мешок-то для чего? Сними с плеч, не в поход собрался. К генералу Морозову на прием вызывают.

И он повел Мирона в конец платформы, потом по путям и остановился возле одинокого вагона в тупике, у которого стоял часовой с автоматом. Вагон был накрыт маскировочной сеткой. Окна зашторены.

Часовой пропустил только коменданта. Мирону указал на лавочку возле клена. Через несколько минут из двери высунулась голова в красной фуражке.

- Ефимов! Заходи!

Когда Мирон поднимался по приставленной к вагону лесенке, комендант шепнул:

- Представься командующему фронтом, как положено. Такой-то прибыл...

Мирон несколько лет жил в военных городках и как представляться знает, но зачем? Он ведь не солдат еще.

В вагоне было как в комнате. Стол, на столе - телефоны. Из-за стола поднялся майор и сказал:

- Подожди. - Отодвинув занавеску, он кому-то доложил: - Прибыл!

- Заходи, Мирон! - послышался знакомый голос.

Придерживая зеленую портьеру, майор пропустил Мирона в просторный и светлый салон. В креслах сидели два генерала.

Как и сказал комендант, Мирон, не глядя на генералов,

потому что не знал, кто из них главнее, представился:

- Ефимов прибыл по вашему вызову!

- Ну, вот вам и Ефимов младший, - сказал генерал, сидевший ближе к столу. - Вырос-то! А?

"Так это же Родион Яковлевич Малиновский!" - Мирон мгновенно узнал друга их семьи и чуть не бросился к нему. И тут же острая мысль: почему в кителе генерала? Он видел фотографию в газете: Малиновский в парадном маршальском мундире на трибуне Мавзолея. От неожиданности Мирон поперхнулся и даже закашлялся.

- Здравствуйте... Вот неожиданность... - робко сказал он.

Родион Яковлевич встал, подошел к Мирону и сказал почти официально:

- Здравствуй, Мирон Ефимов! Мы вызвали тебя сюда не случайно. Родион Яковлевич сделал паузу и взял со стола беленькую коробочку. - Очень важных "птиц" ты задержал. Опасные диверсанты. Военный совет фронта наградил тебя медалью "За боевые заслуги".

Малиновский вынул из коробочки медаль и прикрепил к серенькой рубашке Мирона. Потом губы его дрогнули, и он взял Мирона за плечи, прижал к себе, борясь в волнением, сказал:

- Садись, расскажи, как живешь... Как дедушка Василий?

- Дедушка не знает, что вы здесь, а то бы приехал...

Малиновский налил воды, выпил глоток.

- Твоему отцу посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Генерал, сидевший рядом в кресле, спросил хрипловатым уставшим голосом:

- Какие планы на будущее?

Мирон не ответил, растерялся. Посмотрел на Малиновского.

- Прекрасным боевым командиром был твой отец, - опять заговорил Родион Яковлевич. - Не дожил до победного салюта... Как много людей унесла война. Очень жаль. Но ты сильный, молодой. А вот Матвей Васильевич спрашивает, какие у тебя планы?

Малиновский не назвал фамилии генерала Захарова - начальника штаба фронта.

- В военное училище мечтаю поступить, - ответил Мирон. - Хочу быть танкистом, как и отец.

- Похвально, - сказал генерал Захаров. - Вид у тебя богатырский. А мне тут Родион Яковлевич говорил, что ты еще маленький.

- Я не ожидал, что Мирон так возмужал, - оживился Малиновский. - А в сорок первом был вот таким. - Он указал,

каким был тогда Мирон. - На велосипеде катался без седла. Едва доставал педали. А теперь вот - орел.

- Такие нужны для военного училища, - опять заговорил генерал Захаров.

Малиновский положил руку на колено сидевшего рядом Мирона.

- Ну, что, Мирон, думаю, найдешь верную дорогу в жизни. А будет туговато, приходи.

Принесли чай. Но Мирон не притронулся к чашке. В памяти промелькнули картины встреч с Родионом Яковлевичем до войны, мама, отец. В ту же минуту он вспомнил о Славе. И когда Родион Яковлевич спросил, нет ли каких просьб, сказал:

- Шпионов мы задержали вместе со Славой Котиным. Он теперь служит во Владивостоке... Его наградили?

Малиновский и Захаров переглянулись.

- Твоему другу медаль уже вручили, - сказал генерал Захаров и посмотрел на часы.

Малиновский тоже посмотрел на часы.

- Ну, до свидания. Передай привет дедушке. - Малиновский встал. - И никому ни слова, что ты разговаривал с маршалом Малиновским. Я теперь временно генерал-полковник Морозов. Будет время, загляну к вам.

Из Читы Мирона отвезли домой на легковом автомобиле. Ветер трепал волосы, колоколом надувал серую рубашку, медаль подрагивала, и ее легкие толчки мерно отзывались в груди юного героя.

Водитель повертел зеркальце, чтобы видеть пассажира, и бросил взгляд на награду Мирона. Не стерпел и спросил:

- За что награжден?

- Задержали диверсантов, - ответил Мирон.

После ночного дежурства на разъезде Мирон спал на сеновале. Его разбудили знакомые голоса во дворе. Он сразу узнал: дед Василий разговаривал с Малиновским.

- Прекрасная лошадь! - восторгался Родион Яковлевич. - Я хотя и рос в городе, но лошадей с детства люблю. Умное и красивое животное.

Мирон выглянул в окошечко. Родион Яковлевич был в белой рубашке без галстука и в серых брюках. В гражданской одежде видеть его было непривычно. Он показался как-то моложе и стройнее.

Малиновский увидел у забора ульи.

- Занимаетесь пчеловодством?

- Трудно зимой. Им сахарок для подкормки нужен, - посетовал дед Василий на житейские невзгоды.

Мирон соскочил с сеновала.

- Здравствуйте, Родион Яковлевич! - сказал он громко. - Что же вы в дом не заходите? У нас вяленая рыбка есть, сами ловили.

- Спасибо, спасибо, - пожал ему руку Малиновский. - Твой дедушка уже угостил меня и медом, и грибами, орехов насыпал. Спасибо. А мы вот Звездочку твою смотрим. Хороша, превосходная верховая лошадь.

- Под седлом ходит отлично, - возгордился Мирон. - Буду проситься в действующую армию вместе со своей лошадью.

- Вот таким и отец был, - улыбнулся Малиновский. - Горячий. - Родион Яковлевич посмотрел на часы. - Ну, друзья мои, мне пора. До встречи. Рад, что с вами повидался и разъезд посмотрел. Давно здесь не был.

Малиновский направился к машине, стоявшей у ворот. В ней сидел офицер и два автоматчика.

- Мечтаю приехать сюда на отдых, - сказал он. - Какие места чудесные...

Дед Василий долго смотрел вслед уходящей машине. Он положил руку на плечо Мирона, и внук чувствовал, как вздрагивают от волнения пальцы.

- Еще не высохли слезы на глазах отцов и матерей, а скоро опять воевать... - вздохнул лесник. - Хорошо бы, в последний раз.

Добровольца Мирона Ефимова зачислили в отдельный кавалерийский эскадрон и назначили старшим вагона, в котором стояли шесть лошадей вместе со Звездочкой.

Дед Василий, не зная, что внук добился своего и призван досрочно, наказывал, как сдаст Мирон Звездочку, скорее возвращаться домой. Но Ефимов младший решил по-своему: непременно побывать в боях, отомстить врагу за мать и отца.

В отдельный кавалерийский эскадрон он прибыл перед самой погрузкой в вагоны. Прибыл верхом на своей Звездочке, еще не одетый в военное обмундирование. В пути на первой же остановке в вагон заглянул командир кавалерийского эскадрона. Назвал Мирона по фамилии:

- Как дела, Ефимов?

- Ничего, - ответил Мирон.

- Как это ничего? А как нужно отвечать по уставу? А это что за лошадь? - спросил майор.

- Моя лично. Сам воспитал и дарю ее части, - нашелся Мирон. - Мы вместе с дедом дарим ее.

- Спасибо! Хвалю. А теперь марш в последний вагон! Немедленно получить обмундирование и оружие.

Часа через три поезд опять остановился. Загнали в тупик. В вагон пришел тот же майор с солдатом. Сначала Мирон подумал,

что солдат такой же молодой, как и он, парнишка лет семнадцати, а оказалось, что солдат девушка. В брюках, сапоги со шпорами, только без сабли.

- Ну, красноармеец Ефимов, покажи твою красавицу моему боевому коноводу, - сказал майор. - Знакомьтесь: Женя Лунь. А это боец-доброволец Мирон Ефимов, хозяин Звездочки.

Женя Лунь, как показалось Мирону, была своенравной. Из-под фуражки торчат светлые кудри... Расхаживает по вагону, заглядывает, есть ли сено в яслях. И носик морщит, словно принюхивается.

"Зачем они пришли? Только умыться помешали", - подумал Мирон. Он только что развязал вещевой мешок, в который старшина насовал ему запасное белье, портянки, полотенце, котелок, ложку, кружку, неприкосновенный запас продуктов - банка консервов, сухари. Даже мыло дал. Старшина сам уложил все в мешок защитного цвета, научил завязывать.

Майор и боец-девушка долго рассматривали Звездочку.

- Не знаю, чего ты восторгался, - сказала Женя мимоходом, обращаясь к майору на "ты". - Лошадь в хомуте ходила, вот потертости на шее.

Мирону девушка не понравилась. Воображает, словно что-то понимает в лошадях. Да и кто она такая?

Мирон еще не знал, что Женя - дочь майора.

- Ну, чем тут восторгаться? - не умолкала Женя. - Звезда на лбу? Так это бывает, и не редко.

- Замечательная лошадь! Посмотри, какой постав ног. И я не восторгаюсь, товарищ Лунь, а оцениваю, - нарочито строго ответил майор. Боец Ефимов молодой, еще не обучен, а ты прошла школу верховой езды, так что принимай лошадь, а Ефимов пойдет пока в наш обоз...

- Нет, это, товарищ майор, не получится! - осмелился возразить Мирон. - В таком случае я сдаю вам лошадей и возвращаюсь в Читу. Я в обозе не буду!

- Это что еще за условия! - прикрикнул командир эскадрона. - Стойте, как положено, когда говорите со старшим по званию. Идем, товарищ Лунь! Майор едва сошел с подножки, как поезд дернул и стал набирать скорость. А Женя осталась в вагоне.

Командир успел прыгнуть на подножку следующего вагона. Поезд шел без остановки долго.

Первой заговорила Женя.

- Говорят, ты сын генерала? Отец с кем-то говорил о тебе по телефону в Чите.

- Какой отец? - не понял Мирон.

- Ну, майор Лунь - мой отец. И ты не совсем вольный казак. Хотя ты добровольно пришел в Красную Армию, ты зачислен в наш эскадрон рядовым, ты теперь солдат.

Мирон долго молчал, вдумывался в услышанное, а потом спросил:

- А как же это: девчонка - и вдруг в кавалерии, да еще коновод?

- Очень просто. - Женя присела на тюк сена, вздохнула. - Мы жили до войны в Ямполе. Потом война. Отец ушел на фронт. А вскоре в город ворвались фашисты. Маму и брата убили... Я успела спрятаться в крапиве. Мне тогда было двенадцать лет. Всю крапивой обожгло, а я сидела и не шевелилась. Жила потом в деревне у бабушки. В сорок четвертом Ямполь освободили. Полк, в котором служил отец, первым ворвался в Ямполь. Я как вцепилась в батю, так оторвать не могли. Говорю ему: "Что хочешь делай, а я с тобой!" Сначала была помощником повара, потом телефонисткой. Отца в конце войны сюда, на Дальний Восток, послали. И я с ним. Формировались возле Читы. Лошадей люблю. - Женя улыбнулась. - Ты сколько учился?

- Десятилетку закончил. А что?

- Значит, в два раза грамотнее меня, а ничего не понял, - сказала Женя. - Я почему твою Звездочку корила?

- Откуда я знаю. Видно, не понравилась, - пожал плечами Мирон.

- Вот и не догадался, - опять улыбнулась Женя. - Чтобы отец не взял ее у тебя. Я ведь знаю, что такое любимая лошадь. Боевой конь - верный друг воина.

Мирон не хотел говорить Жене, что его родители погибли, чего доброго, подумает, что жалуется, ищет сочувствия.

Но Женя уговорила его рассказать о себе.

- Я же тебе все рассказала...

Мирон долго смотрел на Женю. И все-все, что произошло с ним, рассказал новой знакомой.

ДЕВЯТОЕ АВГУСТА

Воинский эшелон прибыл в Читу в ясный полдень. Выходить из вагонов, как и на других станциях, не разрешалось. На кассах висели таблички: "Билеты все проданы".

В вагоне было жарко и душно, но открывать зашторенные окна на остановках также не разрешалось.

Во всей пулеметной роте никто не был так взволнован, как сержант Котин. Здесь живут сестра жены - Клавдия и его сын Слава. Не виделись давно. Уже в пути на Дальний Восток он получил письмо от Славы. Сын сообщал, что его вызывали в военкомат. Медицинская комиссия признала годным в Военно-Морской Флот. Отец не смог сообщить Славе, что будет проезжать Читу. Личному составу был объявлен приказ, запрещающий сообщать родным о перемещении воинской части.

Когда поезд подходил к Чите, сержант Котин обратился к командиру роты капитану Мякову с просьбой разрешить ему хотя бы позвонить с вокзала Клавдии на службу и спросить о сыне.

Командир понимал состояние воина-отца, но помочь ничем не мог.

- Если бы я и разрешил, то мой боевой сержант отстал бы от поезда... Глянь в окно, - сказал капитан.

Вагон раза два качнуло, и безлюдный перрон поплыл в обратную сторону. Поезд уже набирал скорость.

- Садись, - предложил капитан. - У меня тоже истосковалась душа по семье...

Котин присел на край постели.

- Я понимаю... - вздохнул он.

Разговорились. Мяков показал фотографию своих дочерей. Большеглазые голышки сидят в корыте. Обе светловолосые и похожи на отца.

- Тоже давно не видел, - сказал капитан. - Старшая уже в школу пошла.

Мяков до войны служил на Севере, воевал на Карельском фронте. В конце войны написал жене о скорой встрече в Тамбове, но неожиданно был получен приказ грузиться в вагоны.

У Котина не было фотографий. Все оставлено в Риге. Он достал из кармана старый блокнот и вытащил из него письмо из Москвы, в котором сообщалось о гибели его жены.

- Да, брат, стукнула по тебе война, - посочувствовал командир, прочитав письмо. - Но ты не сердись на меня. Не мог я отпустить тебя...

- А как вы думаете, товарищ капитан, - настороженно спросил

сержант, - зачем нас перебрасывают сюда? Неужели будет война с Японией?

- Думаю, что не случайно здесь все это... - ответил Мяков, кивнув головой в окно. - Погляди.

Все не заросшие кустарником участки возле железной дороги занимали пушки, тягачи, санитарные автобусы. Их скатили с платформ и поставили один за другим впритык.

- Да, махина! - удивился Котин. - Но когда нас много, на сердце легче, - сказал он.

В полдень поезд остановился. Послышалась команда дежурного по эшелону выгружаться.

От полустанка, где выгружались войска, рота капитана Мякова, оказавшаяся в хвосте полка, долго шла по лесным дорогам, огибая сопки, и только под вечер прибыла на берег быстрой и красивой реки Аргунь. Ближние лесистые подножья сопок были заняты войсками - танкистами и артиллеристами. Всюду дымили костры, но дым не останавливал "атаки" комаров.

Не обремененная тяжелой боевой техникой, рота разместилась довольно вольготно на крутом склоне горы, куда не могли забраться ни артиллеристы, ни танкисты. Солдаты после изнурительной дороги с жадностью пили холодную воду, многие лежали на земле, отгоняя комаров ветками. Перед закрытыми глазами все еще мелькали телеграфные столбы, деревья, поля и горы, краснофуражечные дежурные на станциях и путевые с поднятыми вверх желтыми флажками.

Ужин был приготовлен лишь к ночи. Ели у костров. И спать ложились тут же, завернувшись в шинель.

Утром, когда рота Мякова выстроилась на физзарядку, послышались реплики: "Чтобы солдат не зажирел..."

После завтрака чистили оружие. Сержант Котин приказал своему отделению разобрать пулеметы и смазать не густо свежей смазкой. В жару излишняя смазка стекает и собирает пыль в пазах. Он не заметил, как подошел капитан Мяков и молча присел на камень.

- Малость загореть надо, привыкнуть к палящему солнцу, - сказал он, снимая китель. - Разрешаю всем снять гимнастерки. А вы, сержант, пишите письмо сыну. Скоро к нам заглянет полковой почтальон.

- Теперь не стоит, - ответил Котин. - Пока нет определенности. Что я напишу? Вот от него получить бы...

- Вы правы, - поддержал капитан, подставляя солнцу правый бок, определенности нет.

- Здорово вас протаранил осколок, - удивился Котин, заметив большой розоватый шрам на теле капитана чуть выше пояса. -

Давно?

- Это не осколок. В рукопашной фашист штыком полоснул. Но короток его штык, наш граненый подлиннее и покрепче. Память сорок первого года.

- У меня тоже две отметины на спине, - сказал сержант.

Разговор прервался. Пришел заместитель командира полка по политчасти капитан Васнев. Его обступили солдаты. Кто-то спросил: правда ли японцы вынашивали планы захвата советского Дальнего Востока и всей Сибири?

Замполит рассказал, что такие планы японские милитаристы вынашивают давно и не раз пытались их осуществить. Япония издавна рассматривала русские дальневосточные земли как объект своих агрессивных устремлений.

Еще в 1855 году, воспользовавшись слабостью России после Крымской войны, она заключила с царским правительством договор, по которому Сахалин объявлялся общим владением Японии и России, а Курильские острова были поделены. Спустя 20 лет Япония отказалась от совместного владения Сахалином в обмен на уступку ей всех островов Курильской гряды. А в 1905 году отторгла Южный Сахалин и превратила его в свою колонию. Япония закрыла для российского флота свободный выход в Тихий океан, к портам Камчатки и Чукотки. После Великой Октябрьской революции Япония открыто заявила о своем стремлении сокрушить Советскую власть на Дальнем Востоке и поднять знамя империи над азиатскими землями вплоть до Уральских гор.

Многое вспомнили: о тщетных попытках японцев захватить Дальний Восток в годы становления Советской власти, о провокации, организованной в 1929 году на Китайско-Восточной железной дороге, о захвате в 1931 году японскими агрессорами Маньчжурии, о нападении на территорию СССР в районе озера Хасан 29 июля 1938 года, о разгроме советскими и монгольскими войсками японских милитаристов на реке Халхин-Гол летом 1939 года.

Беседа увлекла бойцов. Нашелся участник боев на реке Халхин-Гол, рассказал, как героически действовали тогда наши воины под командованием Георгия Константиновича Жукова, ставшего Маршалом Советского Союза.

...Привезли обед. После сытного обеда отдохнуть бы часок, но послышалась команда строиться. Рота капитана Мякова, затерявшаяся в нескончаемой колонне войск - ее живая частица, - начала выдвижение к государственной границе.

Впереди, где-то далеко за сопками и лесами, за горами и степями, притаился враг...

Что же представляла собой группировка вооруженных сил

Японии в Маньчжурии? Основная масса японских войск, предназначенная для агрессии против СССР, МНР и Китая, размещалась вблизи советских границ.

Крупные резервы и штабы Квантунской армии находились на значительном удалении в населенных пунктах и в городах. Наша разведка знала, где располагались группировки войск и армейские штабы, характер оборонительных сооружений.

Карта Главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского сплошь пестрела условными знаками, обозначающими узлы обороны, группировки войск, штабы, аэродромы, дороги, по которым могут выдвигаться резервы, крупные склады и базы снабжения.

Дальневосточный театр военных действий охватывал Маньчжурию, Внутреннюю Монголию, Северную Корею и по протяженности границы и рельефу местности резко отличался от европейского. Площадь его более 1,5 миллионов квадратных километров. Территория только Маньчжурии, где размещалась Квантунская армия, равнялась площади Германии, Италии и Японии, вместе взятых. Протяженность государственной границы Советского Союза и Монгольской Народной Республики с Маньчжоу-Го и Кореей - рубеж развертывания советских войск - составляла более 5 тысяч километров, что намного превышало протяженность советско-германского фронта.

История войн подобного не знала. Здесь и горы, и леса, и безводные пустыни, и песчаные степи, и множество рек и озер... Территория огромная, но в военном отношении достаточно подготовленная японцами для ведения затяжной войны. К началу боевых действий в Маньчжурии и Корее было построено 20 авиабаз, 133 аэродрома, сотни посадочных площадок. В полосе укреплений свыше 4500 железобетонных долговременных сооружений. Не так-то просто овладеть любым укрепленным районом, если глубина его до 50 километров. А в укрепленном районе сотни артиллерийских и пулеметных дотов, бронеколпаков, открытых артиллерийских позиций.

Квантунская армия - объединение сухопутных войск - включала в себя два фронта и две отдельные армии, в составе которых было 24 пехотные дивизии, 9 бригад, состоявших из нескольких полков. Две танковые бригады и бригада смертников. Помимо этого в Квантунскую армию входили 2-я воздушная армия и Сунгарийская военная флотилия. Перед началом военных действий командованию Квантунской армии был подчинен фронт, размещавшийся в Корее.

Много ли это или мало? Теперь, спустя много лет после войны, военным историкам стало известно, что группировка

противника имела свыше 1 миллиона человек, 1215 танков, 6640 орудий и минометов, 1907 боевых самолетов, 26 кораблей. Этого достаточно, чтобы вести не только оборонительные, но и наступательные действия.

Для разгрома вражеской группировки в кратчайший срок и с минимальными потерями советское командование создало значительное превосходство боевых сил и военной техники. Три советских фронта имели: личного состава свыше 1 миллиона 700 тысяч человек, танков и самоходных артиллерийских установок 5250, орудий и минометов почти 30 тысяч, боевых самолетов - свыше 5 тысяч, боевых кораблей - 93. Внушительная сила! Полное превосходство в количестве и качестве. Основу группировки Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке составляли солдаты и офицеры войск, во время войны находившиеся на Дальнем Востоке, хорошо обученные в ходе длительной боевой подготовки и знавшие театр военных действий, характер обороны противника и особенности японской армии. Личный состав, прибывший с запада, обладал большим опытом действий против сильного противника.

Вблизи государственной границы Советского Союза с марионеточным Маньчжоу-Го и Кореей и на территории Монгольской Народной Республики были развернуты и находились в готовности начать наступление войска трех фронтов: 1-го и 2-го Дальневосточных, Забайкальского. Для управления действиями войск и флота Ставка Верховного Главнокомандования создала Главное командование на Дальнем Востоке. Главнокомандующим был назначен Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Его штаб находился в Чите.

Внушительную силу представляли не только сухопутные войска, но и Тихоокеанский флот и Краснознаменная Амурская военная флотилия. Координацию их боевых действий с войсками осуществлял главнокомандующий Военно-Морскими Силами Адмирал Флота Н. Г. Кузнецов. Действиями авиации руководил командующий Военно-Воздушными Силами Главный маршал авиации А. А. Новиков.

На пограничные войска впервые возлагалась боевая задача: активно участвовать в наступлении, ликвидировать вражеские пограничные кордоны и посты, уничтожить его укрепленные опорные пункты, а затем принимать участие в преследовании вражеских войск и охранять дороги, мосты, штабы, военные склады и базы.

Большое видится на расстоянии. В то время ни солдаты, ни офицеры не знали и не могли знать, сколько армий, дивизий, полков имеется в каждом фронте, не многим было известно, кто

командовал фронтами, армиями, корпусами. Планы советского командования держались, как и положено, в тайне. Теперь в летописи военной истории названы имена всех советских полководцев.

Забайкальский фронт Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского состоял из четырех общевойсковых армий. Армиями командовали опытные, прошедшие войну с фашистской Германией генералы: А. И. Данилов, А. А. Лучинский, И. И. Людников, И. М. Манагаров. В состав фронта входили: прославленная 6-я гвардейская танковая армия генерала А. Г. Кравченко, 12-я воздушная армия генерала С. А. Худякова, конно-механизированная группа советско-монгольских войск под командованием генерала И. А. Плиева. Его заместителем по монгольским войскам был генерал Ж. Лхагвасурэн.

Конно-механизированные соединения и части Монгольской Народно-революционной армии имели 4 кавалерийские и авиационную дивизии, мотобронебригаду, танковый, артиллерийский полки и полк связи.

1-й Дальневосточный фронт, командующим которого был Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, включал четыре армии, возглавляемые генералами А. П. Белобородовым, Н. И. Крыловым, И. М. Чистяковым и Н. Д. Захватаевым. В состав фронта также входили Чугуевская оперативная группа войск, отдельный механизированный корпус и воздушная армия генерала И. М. Соколова.

На долю этого фронта выпала нелегкая задача: действовать в тесном боевом взаимодействии с Военно-Морскими Силами на Дальнем Востоке и наступать на Приморском направлении по бездорожной местности, изобилующей обширными болотами, реками, озерами и крутыми сопками.

Не случайно в состав фронта были включены войска, имевшие опыт боев и сражений на Карельском фронте, и воинские части, долго находившиеся на Дальнем Востоке.

2-й Дальневосточный фронт под командованием генерала М. А. Пуркаева, занимавший пространство между Забайкальским и 1-м Дальневосточным фронтом, протяженностью более двух тысяч километров, имел три хорошо укомплектованные общевойсковые армии. Армиями командовали генералы М. Ф. Терехин, С. К. Мамонов, Л. Г. Черемисов. Во фронте имелась воздушная армия генерала П. Ф. Жигарева, стрелковый корпус и другие воинские части, не входившие в состав общевойсковых армий.

Полное превосходство над противником имели Военно-Морские Силы Дальнего Востока.

В составе Тихоокеанского флота, командующим которого был адмирал И. С. Юмашев, имелось 2 крейсера, лидер, 12 эскадренных миноносцев, 19 сторожевых кораблей, 78 подводных лодок, 52 тральщика, 49 охотников за подводными лодками, 204 торпедных катера. Авиация флота насчитывала 1382 боевых самолета.

Краснознаменной Амурской военной флотилией командовал контр-адмирал Н. В. Антонов. Флотилия имела в строю 8 мониторов, 11 канонерских лодок, 7 минных катеров, 52 бронекатера, 12 тральщиков, 36 катеров-тральщиков и ряд вспомогательных судов.

Группировка Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке представляла собой силу, способную сокрушить японские войска в Маньчжурии.

Вечером 8 августа 1945 года Советское правительство сделало японскому правительству заявление:

"После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны.

Требование трех держав - Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая от 26 июля сего года о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение Японского Правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву".

В заявлении указывалось, что СССР присоединяется к Потсдамской декларации и принимает предложение союзников об участии в войне против японских агрессоров. "Советское Правительство считает, - подчеркивалось в нем, - что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции.

Ввиду изложенного Советское Правительство заявляет, что с завтрашнего дня, то есть с 9-го августа, Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией".

Решение Советского правительства нашло горячий отклик и поддержку не только всего населения нашей страны, но и во многих странах мира.

Командование войск, руководимых Китайской коммунистической партией, в тот же день направило телеграмму Советскому правительству, в которой указывалось, что

стомиллионное население и вооруженные силы освобожденных районов Китая будут всемерно координировать свои усилия с Красной Армией и армиями других союзных государств в деле разгрома ненавистных японских захватчиков, что объявление Советским Союзом войны Японии вызвало у всего китайского народа чувство глубокого воодушевления.

10 августа объявила войну против Японии на стороне объединенных наций Монгольская Народная Республика. Она выставила на фронт почти все свои вооруженные силы, которые оперативно вошли в состав Забайкальского фронта. В основном это были кавалерийские части.

За три дня до начала наступления советских фронтов, когда наши войска были уже готовы к решительным наступательным действиям и не было сомнений, что Квантунская армия будет разгромлена и Япония непременно капитулирует, США, вопреки здравому смыслу и военной необходимости, предприняли варварский акт: 6 августа на Хиросиму, а затем на Нагасаки обрушились атомные бомбы.

Американское руководство тешило себя надеждами на то, что применение атомной бомбы вызовет немедленную капитуляцию Японии еще до вступления Советского Союза в войну. Очень хотелось американскому командованию "доказать" миру, что они победили Японию своими силами, без помощи СССР. Однако атомная бомбардировка не повлияла ни на способность Японии продолжать борьбу, ни на наши военные планы.

По сигналу из штаба Главнокомандующего войсками на Дальнем Востоке в ночь на 9 августа 1945 года передовые и разведывательные отряды трех фронтов, вооруженные автоматами, пулеметами, танками, скорострельными пушками устремились на территорию противника...

Маршал Советского Союза А. М. Василевский, под фамилией Васильев, в кителе с погонами генерал-полковника, начальник штаба генерал-полковник С. П. Иванов и другие генералы, "пониженные" временно в целях введения в заблуждение японской разведки, находились на главном командном пункте. Здесь были телефоны, радиостанции, позволяющие держать связь со всеми фронтами и с Москвой, на стенах развешаны карты и схемы.

К восходу солнца на командном пункте раздался резкий звонок:

- Докладывает генерал Максимов (так условно был назван Кирилл Афанасьевич Мерецков). У нас ливень и сильная гроза, но мы начали и воспользовались погодой.

- Любопытно, товарищ генерал-полковник Максимов, слушаю вас внимательно, - ответил спокойным голосом Василевский. -

Каким образом вы превратили непогоду в своего союзника?

- В полосе 35-й армии, на правом крыле фронта, мы дали пятнадцатиминутный плотный артналет, заговорили все орудия и "катюши", а затем полки пересекли государственную границу. Штурмовые отряды и пограничники углубились на пять-шесть километров. А 1-я Краснознаменная генерала Белобородова и 5-я армия генерала Крылова начали наступление в темноте без артподготовки. Противник застигнут врасплох... Передовые отряды, блокируя и обходя доты, успешно преодолели десять километров. У меня все.

- Желаю успеха, товарищ Максимов, - сказал маршал и тут же взял поданную начальником штаба генералом Ивановым другую телефонную трубку.

- У аппарата Пуркаев, - вполголоса сказал генерал Иванов.

Командующий 2-м Дальневосточным фронтом не имел псевдонима. Он так и оставался Пуркаевым, поскольку ранее уже командовал этим фронтом. Разведка противника обратила бы внимание, если бы его фамилия была изменена. Он доложил:

- Войска 15-й армии генерала Мамонова и пограничники успешно переправились на судах Амурской военной флотилии через Амур, захватили острова и участки на противоположном берегу реки... 5-й отдельный стрелковый корпус генерала Пашкова форсировал реку Уссури. Корабли с десантом успешно вошли в устье реки Сунгари и ведут бой в укрепленном районе японцев.

- Благодарю вас, - завершил разговор Главнокомандующий. - Вызывайте Забайкальский, - обратился он к Иванову.

- Генерал-полковник Морозов у телефона. Доброе утро! - послышался в трубке спокойный приглушенный голос Маршала Советского Союза Малиновского. Он уже ждал своей очереди для доклада. - Здесь со мной на командном пункте Андрей Григорьевич (он не назвал командующего 6-й гвардейской танковой армии генерал-полковника А. Г. Кравченко) и командование монгольских войск.

Родион Яковлевич немногословен. В своем первом устном докладе о действиях Забайкальского фронта маршал Малиновский сообщил приятную новость: приграничные укрепленные районы противника повсеместно прорваны. Решительно и успешно действуют советские пограничники и передовые отряды в составе танковых и артиллерийских частей. 17, 19, 53-я армии и 6-я гвардейская танковая армия стремительно, не встречая серьезного сопротивления, развивают наступление на Хингано-Мукденском направлении. На правом крыле фронта действия главных сил надежно обеспечивает конно-

механизированная группа советско-монгольских войск...

Едва закончили докладывать командующие фронтами, поступили сообщения о действиях авиации и флота.

Самолеты нанесли удары по военным объектам в Чанчуне и Харбине, по железнодорожным узлам, аэродромам, колоннам войск противника.

Движение неприятеля на дорогах парализовано ударами авиации, Тихоокеанский флот закончил постановку минных заграждений, а его бомбардировщики и торпедные катера нанесли удары по вражеским кораблям и портам Северной Кореи...

- Ну что, товарищи, - сказал А. М. Василевский, положив трубку, - все идет по плану, и даже сверх того. Думаю, что наши танковые войска уйдут вперед далеко от стрелковых дивизий... Готовьте, Семен Павлович, донесение в Ставку, - обратился Василевский к генералу Иванову и достал из кожаного футлярчика трубку, которую курил, когда выпадала свободная минута и было хорошее настроение.

Александр Михайлович Василевский был щедро одарен полководческим талантом. Еще до назначения Главнокомандующим войсками на Дальнем Востоке его имя стояло рядом с именами прославленных полководцев Великой Отечественной войны. Он начал военную службу в царской армии в 1915 году. А когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, навсегда связал свою судьбу с Рабоче-Крестьянской Красной Армией.

В своих мемуарах Александр Михайлович писал: "1917 год явился рубежом в жизни не только России, но и всего человечества. Перед миллионами граждан встал вопрос: с кем ты? По какую сторону баррикад? И вот тут-то оказалось, что "единая и сплоченная масса" защитников старого строя резко размежевалась. Одни ушли в стан белогвардейцев, другие - а их было довольно много - в ряды защитников Советской власти. Среди них был и я".

В Красной Армии А. М. Василевский начал службу помощником командира взвода и дошел до поста Министра обороны СССР.

Перед началом Великой Отечественной войны, закончив Академию Генерального штаба, Василевский служил в аппарате Генерального штаба. Вдумчивый, хорошо знающий основы военного искусства, умеющий безошибочно разрабатывать оперативные документы, исполнительный и неторопливый, он обратил на себя внимание видных военачальников Г. К. Жукова, Б. М. Шапошникова.

Он принимал участие в разработке планов контрнаступления под Москвой, окружения и уничтожения крупных группировок немецко-фашистских войск на Волге в районе Сталинграда, в районе Орла и Курска, в Белоруссии.

Полководческие способности Василевский проявил в руководстве фронтами и координации действий войск в наступательных операциях в качестве представителя Ставки Верховного Главнокомандования.

На заключительном этапе войны маршал Василевский был назначен командующим 3-м Белорусским фронтом.

Богатейший опыт, полководческие способности и высокий авторитет военачальника позволили Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому уверенно и безошибочно управлять военными действиями Советских Вооруженных Сил на Дальнем Востоке.

Лишь первые часы начала боевых действий трех фронтов, флота и авиации Главком Василевский был на своем командном пункте. Едва выглянуло из-за сопок солнце, он уже находился на аэродроме. Самое время быть на месте событий, на главном направлении...

У солдата главное направление там, где он выполняет боевую задачу. И нет у него второстепенных и вспомогательных ударов. Он отвечает сам за себя и помогает в бою товарищу. Успех, победа или смерть - таков девиз солдата в наступательном бою. Иногда обходится без тяжелых боев. Так случилось и на том направлении удара, где наступала рота капитана Мякова. После того как пограничники и передовые подвижные отряды одной из армий уничтожили вражеские пограничные кордоны, пехота пошла вперед, не встречая сопротивления. Где-то далеко слева гремела артиллерия, справа прошла группа советских самолетов, а здесь все спокойно. Всюду всхолмленная и обожженная солнцем открытая степь. Лишь кое-где в безводных долинах видны низкорослые кусты пепельного цвета и небывало густая пыль, поднятая танками и автомашинами. Серые тучи накрыли колонны войск, у которых нет ни начала, ни конца, и безжизненная даль едва просматривается.

Солнце палит нещадно, а тени под ногами не видно. Жаром отдает от танков и самоходных орудий, не притронуться рукой к металлу боевого оружия, и кажется, вот-вот вспыхнут моторы автомашин и цистерны с горючим. Когда механизированные колонны обгоняют пехоту, рев заглушает человеческие голоса.

- За всю войну с фашистами не глотал столько песка, - пытался шутить ефрейтор Колобов, низкого роста, бойкий, неуемный.

Пыль попадала в глаза, хрустела на зубах, забивалась в

волосы, лезла за ворот и вместе с потом раздражала спину. Посерели лица, одноцветным пепельным - стало обмундирование.

Ночью вдали гремело, вспыхивал небосвод, но это была не молния, а творил свое дело "бог войны" - артиллерия.

Когда растянутая колонна войск достигла вершины пологого холма, слабый ветерок свалил тучи пыли в сторону. Открылись синеватые очертания гор и поросшее лесом отлогое предгорье. Отчетливо просматривались вдали извилистые шлейфы пыли, не покидавшие механизированные войска. Был объявлен большой привал. Солдаты садились на высохшую, колкую траву и, поболтав флягой над ухом, с жадностью проглатывали остатки воды. Многих клонило в сон.

- Повезло нам, - сказал ефрейтор Колобов, развалившись на спине и положив под голову скатку. - Небо какое... Ни единой тучки.

Сержант Котин, вытирая ветошью ручной пулемет, не понял причины восторга ефрейтора.

- Это почему же нам "повезло"?

- Сразу видно, не бывал ты под бомбежкой в степи, - стал пояснять Колобов, согнув короткие ноги в коленях. - Партизанил в лесах, укрывался, как ежик под елками, и фашистские бомбовозы тебе - хоть бы хны... Ты знаешь, что здесь будет, ежели бомбежка? Ни кустика, ни канавки...

- Думаю, что бомбежки не будет, - послышался голос командира роты. Видали, сколько зениток стоит на всем пути... Истребители наши постоянно стерегут небо.

Вскоре приехала кухня. Сразу же выстроилась очередь за наваристым кулешом с бараниной. Но едва появился грузовик с резиновой емкостью, наполненной водой, как очередь за кулешом исчезла. Все бросились к грузовику. Воду набирали в котелки, во фляги.

После обеда, когда солдатам было предоставлено время на подготовку к маршу, в небе появились два самолета ПО-2. Самолеты развернулись над войсками и пошли на посадку.

Сначала приземлился один самолет. Взвилась красная ракета, и тогда рядом плавно сел второй. К самолетам побежали офицеры. Один из них командир дивизии. Высокий, статный полковник. В новенькой гимнастерке, затянут ремнем, на ремне маленькая кобура с пистолетом. Три боевых ордена. Из самолета вышли люди. Все в комбинезонах.

- Э! Глядите, это же маршал Малиновский! - выкрикнул Колобов. - Он, ей-ей, он!

- Не мели, - осадил его сержант Котин. - Малиновский - маршал. Он где-нибудь на КП.

- И верно... И все же Малиновский. Он мне орден Славы вручал. А у меня память цепкая.

Пока сержант и ефрейтор спорили, командующий фронтом и полковник приблизились к машинам штаба. Сразу же разнеслась, размножилась, как эхо, команда:

- Становись!

Не прошло и двух-трех минут, как полки дивизии выстроились у дороги, образовав живой квадрат.

Маршал Малиновский вышел на середину в сопровождении командира дивизии и, повернувшись на месте направо, затем налево, слегка наклоняя голову, словно приветствуя строй, заговорил громко, четко произнося каждое слово:

- Товарищи солдаты и офицеры! Сыны Советской Родины! Японские войска сегодня атакованы на суше, в воздухе и с моря. На нашем Забайкальском фронте боевые действия начались мощным броском передовых отрядов. Успешно нейтрализованы вражеские войска прикрытия. - Малиновский, поворачиваясь во все стороны, стал говорить громче. - Но, товарищи воины, главные события впереди...

Командующий Забайкальским фронтом сообщил, что механизированные войска, выполняя задуманный маневр, уже продвинулись на сотни километров.

- Впереди горы Большого Хингана. Трудно будет, - сказал Малиновский. - Наша 6-я гвардейская танковая армия уже на перевалах. Знайте: вам предстоит вести открытые бои в этих сложных условиях, вам могут встретиться фанатики-смертники - "камикадзе". Эти безумцы, навесив на себя заряды взрывчатки, бросаются под танки и автомашины...

И вдруг послышался голос ефрейтора Колобова:

- Товарищ маршал! Нам не страшны ни камикадзе, ни самураи императорские. А вот шагать по жаре невмоготу... На танки бы нас, как под Яссами, когда вы мне орден вручали...

- Будут танки, - ответил Малиновский. - И автомашины скоро подойдут. На машины вашу дивизию посадим. Раньше, понимаете, не могли. Ожидали бой. А теперь вперед! Победа за нами!

Едва закончилась встреча воинов с командующим, как подкатили более сотни грузовиков, и стрелковая дивизия, посаженная на автомашины, двинулась вслед за танкистами к Большому Хингану.

Оставив позади накаленную зноем степь, автомобильная колонна приблизилась к холмам, поросшим дымчатым пихтовиком. Справа виднелась огромная зеленоватая степь. Все чаще машины преодолевали невысокие перевалы, а за ними то и

дело попадались непролазные побелевшие солончаки, которые грузовики преодолевали с трудом. Кое-где виднелись фанзы небольшие глиняные жилища местных жителей.

У обочины дороги на камне стоял пожилой мужчина в окружении босоногих, в рваной одежонке ребятишек.

Мужчина кричал по-монгольски:

- Сайн байну!

В переводе на русский язык это означало: "Здравствуйте!"

- Сайн байну! - галдели ребятишки, размахивая руками и подпрыгивая на одном месте, словно пытаясь взлететь.

В ответ им слышались разноголосые приветствия советских воинов:

- Здравствуйте, товарищи!

Передовые отряды армий представляли собой сильные, хорошо вооруженные и оснащенные боевой техникой соединения. В них входили: танковые бригады, стрелковые полки, посаженные на автомашины, самоходно-артиллерийские и истребительно-противотанковые полки, гвардейские минометные дивизионы ("катюши"), зенитно-артиллерийские батареи, инженерно-саперные батальоны. Они могли, не отрываясь от основной массы войск, наносить внезапные удары по вражеским гарнизонам и, уничтожая их, обеспечить продвижение вперед всей армии.

Перед войсками Забайкальского фронта находились разобщенные гарнизоны прикрытия японцев. Они были внезапно атакованы и уничтожены. Главные же силы одного из фронтов Квантунской армии, на которые были нацелены мощные силы войск маршала Р. Я. Малиновского, располагались в глубине Маньчжурии. Советская авиация нанесла по ним бомбовые удары, нарушила связь, парализовала управление и уничтожила почти все средства передвижения.

Танкисты танковой армии генерала А. Г. Кравченко преодолели за светлое время суток 150 километров и к исходу дня находились на подступах к перевалам Большого Хингана. Там, где перешли границу войска 36-й армии генерала А. А. Лучинского, враг, держась за берег реки Аргунь и мощные инженерные сооружения Чжалайнор-Маньчжурского укрепленного района, пытался обороняться и даже контратаковать наши войска. По наступающим советским пехотинцам ударили пулеметы и пушки противника. В ответ заговорили "катюши" и одним ударом разрушили всю систему обороны врага. Вслед за огневым налетом стрелковые части форсировали реку Аргунь, пользуясь мостами и паромными переправами, и с боями овладели укрепленным районом и железнодорожными станциями. К ночи, преодолев около сорока

километров, стали выдвигаться на Хайлар. До рассвета шел жестокий бой за город. С восходом солнца 10 августа бомбардировщики 12-й воздушной армии нанесли бомбовые удары по железнодорожным узлам и опорным пунктам противника. Враг не выдержал и бежал.

Японская ставка, ошеломленная внезапными и мощными ударами советских войск и авиации, поспешно отводила войска в глубь Маньчжурии и на других участках фронта.

Командование Квантунской армии решило оказать сопротивление на подступах к крупным городам и вблизи железных дорог, куда спешно отводились войска, оказавшиеся под ударом. Но наши механизированные части так быстро продвигались вперед, что планы японского командования оказались сорванными.

Чтобы хоть как-то затормозить наступление советских войск, японцы взрывали мосты, поджигали склады, разрушали телеграфные линии, отравляли колодцы.

На отдельных участках наступления противнику удавалось приостановить на час-другой некоторые наши части, но в основном весь фронт безудержно шел вперед.

ВПЕРЕДИ ГЛАВНЫХ СИЛ

Проливной дождь заставил воинов-комсомольцев отдельного разведэскадрона, куда попал Мирон, перебраться с зеленой лужайки в старый нежилой барак и там в тесной комнате продолжать собрание. Ни скамеек, ни стульев. Даже стола не оказалось, и секретарь писал протокол на широкой спине низкорослого солдата Ивана Зайцева.

Иван рассказывал своим товарищам, как однажды ночью в дом его отца, путевого обходчика, ворвались японские диверсанты. Самураи штыками закололи отца, мать, маленькую сестренку. Семилетний Ваня был на печке. Убийцы решили, что в доме больше никого нет. Мальчик притаился в ворохе тряпья...

Мирон впервые на комсомольском собрании воинской части. Он испытывал такое чувство, словно все происходит на передовой и сейчас в длинном заброшенном бараке решается важная задача в его жизни: жить или умереть, победить или потерпеть поражение. И как решат комсомольцы, так оно и будет.

Докладчик - заместитель командира эскадрона по политчасти капитан Валов, черноглазый, рослый, красивый, - говорил громко и убежденно.

- На нашу долю, товарищи комсомольцы, выпала великая историческая миссия освобождения порабощенных японским империализмом народов Азии. Вы, и только вы, советские воины, принесете Родине еще одну победу ради вечного мира!

Мужеством, дисциплинированностью, благородством своим вы должны показать лицо советского воина. И вместе с этим, - говорил он, - не забывайте, что враг коварен. Он отравляет продукты питания, воду, минирует дороги, мосты, жилье, и есть данные, что японцы имеют на вооружении бактериологическое оружие.

- Душегубы! - послышался голос Ивана Зайцева. - Нет им пощады!

Валов поднял руку и продолжал:

- Японское командование, ошеломленное внезапными ударами советских войск и авиации, отводит свои части в глубокий тыл. Наша задача: вырваться вперед и разведать маршрут движения войск... Впереди лесные чащи, болота, реки, бездорожье... И конечно, озлобленный противник... Все это нужно преодолеть!

Затем выступали комсомольцы. Они заверили, что выполнят приказ командования с честью. Будут громить самураев, как громили фашистов. Слова воинов были поистине клятвой.

Поднялся со скамейки широкогрудый, утянутый ремнями майор Лунь. Лоб округлый, брови дугой, глаза большие, волосы светлые и, словно небрежно завитые, спадают на лоб. Говорил он властно, делая небольшие паузы после каждой фразы. Его выступление было сдержанным и кратким. Ни одного лишнего слова. Как приказ.

- Наш эскадрон называется отдельным и особым. И задача наша особая: пробираться сквозь тайгу, между сопок по заболоченным местам, переправляться вплавь через реки, преодолевать ночью степные районы. Я уверен, что мы пройдем всюду. И вы, комсомольцы, моя опора.

Мирон посмотрел на Женю. Она была похожа на отца. Такие же большие голубые глаза, только кудри светлее и личико маленькое. Почему она грустная? Не девичье Дело - боевые походы.

Дождь лил не переставая. Раскаты грома сотрясали старый барак, и жалобно дребезжали уцелевшие стекла в почерневших от сырости рамах.

Решение приняли короткое: "Всем комсомольцам в бою быть впереди! Для выполнения приказа не щадить своей жизни!"

После собрания Мирон побежал к Звездочке. Снял мокрую попону и укрыл лошадь шинелью.

- Я тоже за шинелью сбегаю, - сказала Женя.

Пока Мирон подвязывал к голове Звездочки торбу с овсом, Женя возвратилась.

- Любишь ты, Мирон, свою Звездочку! - сказала она, смахивая

ладонью воду со спины лошади. - Молодец, так и надо.

В разговоре с Мироном Женя держала себя грубовато, чтобы Мирон не подумал, что она неженка. Но это лихачество совсем не шло ей. Она хороша была своей нежностью и прямотой. А лошадей она любила так же, как и Мирон, и, рассказывая о своей Лизутке, отмечала в лошади какие-то необыкновенные, почти человеческие качества. Получалось, что ее лошадь все понимает, все умеет, только сказать не может.

- Минуты не может без меня. Услышит мой голос и зовет меня - ржет. Скажу ей: "Негодная! Плохая!" - она кусается. Не больно, конечно.

О себе Женя после разговора в вагоне ничего Мирону не рассказывала. И вообще не любила, когда ее жалели или говорили, что она слабая и воевать не ее дело...

Когда подходили к палатке, Женя поймала руку Мирона.

- Прошу тебя, забудь, что я девчонка. На фронте я боец и не хочу никакой жалости.

Мирон сжал крепко ее руку.

- Как хочешь. Я и не собирался жалеть тебя. Тебе не плохо. Ты с отцом...

Дождь лил всю ночь. В долине между сопок, где еще вчера косили сочную траву, бежала мутная широкая полоса воды. Лес стоял в тумане. Реки вышли из берегов, и вода залила поймы.

Погода для броска кавалерии самая неподходящая. Но изменить ход военных событий было уже невозможно. Вслед за первым эшелоном армии, когда передовые отряды углубились так далеко, что едва слышались раскаты артиллерии, границу пересек особый отдельный эскадрон и по тропам лесистых склонов горы Тигровой стал продвигаться в глубь Маньчжурии, опередив пехоту.

Войска 1-го Дальневосточного фронта, сокрушив врага в приграничной зоне, успешно шли с боями вперед. Шли сквозь тайгу и заросли, по сплошным болотам, через реки...

Как только небо очистилось от облаков, с аэродромов поднялись самолеты 9-й армии генерала И. М. Соколова. Они летели над лесом невысоко и едва скрылись, как донесся грохот бомбовых разрывов.

Все неудержимо движется вперед. Сплошной поток - солдаты, пушки, машины... Но Мирону казалось, что из всех войск фронта самая главная воинская часть - особый кавалерийский эскадрон.

Пробиваясь сквозь лесные чащи по каменистым склонам сопок, а еще через два дня - по топким торфяным болотам, преодолевая вплавь реки, эскадрон проник в глубокий тыл противника.

Командир радировал штабу армии о разведанных в лесах и на сопках укреплениях противника, о направлениях отхода и количестве вражеских войск, о возможных обходных путях, по которым можно зайти для удара по врагу с тыла или фланга.

Вышли к огромному лесному массиву. Деревья стояли сплошной непроходимой стеной. Растопыренные сучья не пропускали даже людей. Под ногами - гнилой валежник.

Стрелковые части, следовавшие за разведэскадроном, получили приказ: прорубить дорогу для боевой техники. Появились пилы, топоры. С треском и гулким ударом валились великаны деревья. Всюду слышно дружное: "Раз-два, взяли! Раз-два, взяли!" Солдаты вместе с подоспевшими саперами растаскивали в сторону бревна и сучья, расчищали путь машинам и тягачам с орудиями...

А дальше сопки, сопки и под ногами камни. Кавалеристы ушли далеко вперед, оторвались от главных сил армии. Маленькую, но быструю речушку, держась за гриву лошади, вслед за командиром переплыла Женя Лунь. Мирон, окунувшись в воду, ощутил родниковый холод. Переправившись, он вылил из сапог воду, растер Звездочку жгутом из травы.

- Тебе в Ледовитом океане купаться можно, - удивлялся Мирон, посматривая на Женю. - А говорила, что боишься холодной воды, что плаваешь плохо.

- Если надо, и Ледовитый переплывем, - улыбнулась она. - Сделай-ка и мне такой жгут.

Где-то далеко позади слышались орудийные выстрелы. Там шел бой.

Вдруг кони встревожились, захрапели, зашевелили ушами. На лесную поляну выбежало стадо кабанов. Заметив людей, кабаны бросились в лесную чащу. За взрослыми животными едва поспевали полосатые малыши, издавая многоголосый испуганный визг. В них никто не стрелял.

Воины были предупреждены: тигров, лосей, оленей, кабанов, любых животных - обитателей леса - не трогать. Но и их война не обошла. От осколков снарядов и бомб, от шальных пуль зверей и птиц погибло много.

Пробившись сквозь лесные завалы, эскадрон вышел на тропу, протянувшуюся по берегу озера. Тропа уводила влево, и майор Лунь повел эскадрон по долине между высоких сопок.

Дневной привал был объявлен в лесу на берегу речушки. Бежала она по камням, плескалась через заторы валежника и уходила куда-то за причудливую сопку, похожую издали на пеструю кошку. Вода - прозрачная и не холодная, как обычно бывает в горных реках.

Майор Лунь потрогал воду рукой и приказал Жене срочно позвать к нему Мирона.

- Вот что, Ефимов, возьми с собой еще кого-нибудь, кто там свободен от вахты, и сходи вверх по течению реки. Меня интересует, почему вода такая теплая?

Лунь не случайно послал Мирона в разведку. Ему хотелось проверить, на что способен молодой разведчик. Даже в маленьком деле виден человек.

- Ну, что стоишь? Иди, доложи командиру взвода, что получил приказ, и отправляйся! - приказал майор. - Кругом!

- Товарищ майор, можно я возьму с собой Ивана Зайцева?

- А почему Зайцева? - удивился майор.

- Он вырос в таежных местах, лес знает, реки... - стал объяснять Мирон. - Можно?

- Ну, Ефимов, тебе, сыну военного, непростительно. "Можно", да еще "с собой"... Надо решительно: разрешите взять для выполнения приказа рядового Зайцева!.. Понял? Разрешаю.

- Есть! - ответил Мирон и четко повернулся через левое плечо.

- Вот это другое дело, - сказал майор.

- А сколько нам топать вверх? - спросил Зайцев, когда Мирон передал ему приказание. - День, два? Надо было уточнить, милок.

- Как узнаем, почему вода в реке теплая, так и возвратимся... ответил Мирон.

Зайцев завязал свой вещевой мешок и подбросил к седлу.

- Да я и так знаю, почему теплая вода.

- Почему?

- Дождевая, а не родниковая и не из ледников течет... Вот и вся причина.

- Тогда почему не мутная, если дождевая?

- Голова садовая! Течет она долго, вот и очистилась.

- Ничего не пойму. Собирайся - и пошли! - повелительно сказал Ефимов. - Эту твою теорию еще проверить нужно. Приказ получен, нужно не обсуждать его, а выполнять!

Шли, как и положено разведчикам, не разговаривая, не выходя на открытые поляны. Зайцев оказался прав: километра через два послышался шум водопада. Из обширного озера между сопками, образовавшегося в результате дождей, вытекала вода. Она омывала несколько огромных валунов и шумно падала на россыпи мелких камней. Вытекала ее верхняя часть, нагретая солнцем. Поэтому и была теплая и прозрачная.

- Ну, вот теперь все ясно, - согласился Мирон. - Можно возвращаться и докладывать уверенно.

- А мне сразу было ясно, - пробубнил Иван, ворчливый по

характеру. Вода-то дождевая, значит, и все тут, я прав. Пойдем теперь напрямик, потому как по берегу петлять долго, а время идет к обеду.

Мирон не стал возражать. Он закинул за спину карабин и ответил:

- Можно и напрямик, если не заблудимся... Но главная причина не в обеде.

- Обед для солдата тоже боевая задача, - пошутил Иван.

Поднимаясь к гребню продолговатой сопки, Мирон напал на малину. Сначала попробовал, потом стал собирать в каску для Жени. Мирон позвал Зайцева, но его вблизи не было. Может, нашел малину покрупнее?

- Здесь я! - наконец-то отозвался Зайцев. - Погоди маленько.

Вскоре он появился и удивил Мирона вопросом:

- Никак, малина?

- А ты где запропастился? Я думал, ты тоже малину нашел и притих.

- Тут дела поважнее твоей малины, - задыхаясь от радости, сказал Иван. - Вот полюбуйся, чего я нашел...

Он достал из кармана мясистый беловатый корень. Подбросил на ладони.

- Что это? - спросил Мирон. - Зачем тебе этот корень?

- Эх ты, совсем не понимаешь, - засмеялся Иван. - Да это же ценнейший женьшень... По-нашему - корень жизни. Это, милок, на вес золота. Любую болезнь лечит. У нас днем с огнем не найдешь. Хотя изредка попадается.

- Не знаю, чему так радуешься? - пожал плечами Мирон. - Меня это совсем не интересует.

Мирон слышал о женьшене, но не знал его настоящей ценности. Для него в этот момент бесценным лесным даром была малина, которую он нес Жене.

Возвратившись в расположение эскадрона, Мирон доложил майору об итогах разведки, объяснил причину, почему вода в речушке теплая.

Майор и Женя ели кашу из одного котелка, сидя на плащ-палатке.

- Это вам. - Мирон поставил перед ними каску, полную малины. Кушайте.

Женя смутилась, шмыгнула носом и как-то странно посмотрела на Мирона.

- Спасибо.

Мирон ничего не ответил, но на душе у него стало легко и радостно, как в детстве.

В ГЛУБЬ МАНЬЧЖУРИИ

Маршал Советского Союза К. А. Мерецков - командующий 1-м Дальневосточным фронтом - сидел в небольшой открытой машине рядом с водителем, накинув на плечи солдатскую плащ-палатку, и жалел, что решил ехать в войска первого эшелона по дороге, пробитой сквозь лес и болото. Надо было бы лететь на ПО-2. Позади него - член Военного совета генерал Т. Ф. Штыков и адъютант. Они тоже укутались плащ-палатками, защищаясь от брызг, летящих из-под колес проносящихся мимо автомашин, загруженных ящиками, бочками.

Грузовики, залепленные грязью, мчались по настилу из бревен, не сбавляя скорости. Из-под бревен словно выстреливалась во все стороны торфянистая жижа. Над ревущей моторами механизированной колонной висел сизый дым.

- Такую же картину наблюдали мы на Карельском фронте, - сказал маршал. - Ни проехать ни пройти.

- Но там не было затхлых болот, - словно возразил генерал Штыков. Здесь даже дичь не водится. Безжизненный край.

И опять долгое молчание. Машины идут впритык одна за другой нескончаемым потоком. Местами настил опустился под воду, и регулировщики с флажками предупреждали водителей, чтобы машины не съезжали с дороги. И все же кое-где видны затонувшие грузовики. Только часть кабины торчит из воды. Жерди и бревна под колесами "играют", лупят концами по воде, утопают и тут же всплывают, выталкивая коричневую жижу.

- Да, не ожидал я такого... - вздохнул Мерецков. - Много времени теряем.

- Однако мы увидели реальную картину выдвижения войск, - спокойно произнес генерал Штыков.

- Вы правы, - согласился командующий. - Но что это там - впереди?

Необходимость побывать в войсках, ощутить самому пульс боя появилась у командующего фронтом после разговора по телефону с маршалом Василевским. Главнокомандующий спросил: "Нельзя ли ускорить продвижение войск?" Мерецков ответил, что примет меры. Но как принять меры, не видя боя? Нужно побывать не только в штабе армии, но и в дивизиях. Командующий наметил одно из хорошо укомплектованных соединений. На КП приехали поздно ночью. Полки дивизии наступали по заболоченной долине реки Сунгач. Река не широкая, метров пятьдесят, но глубокая, с извилистым руслом и низкими берегами. Множество проток и заливов. По данным разведки, противник здесь имел до десятка дзотов, бронированную вышку с пулеметной площадкой, несколько опорных пунктов, включавших пулеметы и пушки.

Выслушав доклад командира дивизии, маршал сказал:

- Действуйте так, словно меня здесь нет.

Командир дивизии приказал подтянуть артиллерию ближе к пехоте, а из глубины вести огонь по противнику дальнобойной армейской артиллерией.

Для форсирования реки дивизия заблаговременно получила двадцать пять лодок, из которых были собраны паромы. Бойцы сделали себе из лозы небольшие лодки-плетенки, обтянутые плащ-палаткой.

- Ну, а теперь звоните в штаб армии, - приказал Мерецков, - требуйте понтонный батальон!

К рассвету понтонный батальон прибыл.

После получасовой артиллерийской подготовки началась переправа танков. Вслед за танками двинулись стрелковые батальоны, и, чего никто не ожидал, противник не оказал сопротивления. Теперь вперед!

Солдаты брели по затхлым болотам. В жару зловонные болотные испарения душили людей, болела голова, тошнило...

В полдень полки достигли твердой почвы. Впереди опорный пункт противника. Из дзотов и бронеколпаков местность обстреливали вражеские пулеметы.

Помочь пехоте могли только пушки, выдвинутые на прямую наводку. Подтянули полковую артиллерию, но их огонь не подавил пулеметы врага, укрытые в округлых бетонных колпаках. Снаряды рикошетировали и отлетали в стороны. Тогда по приказу командующего фронтом заговорила артиллерия большой мощности... Одновременно нанесли бомбовый удар самолеты.

О том, что опорный пункт врага разрушен и взято много японских солдат в плен, Мерецков узнал под вечер, когда уже возвратился на самолете ПО-2 на свой командный пункт. Успешно наступали и другие дивизии общевойсковых армий фронта. Наступательный порыв войск был настолько велик, что торопить их, требовать ускорить продвижение вперед не требовалось. Но помощь стрелковым полкам была необходима.

Мерецков потребовал от всех командующих армиями шире использовать крупнокалиберную артиллерию резерва Главного командования и авиации для подавления укреплений и опорных пунктов врага на участках и в полосах наступления стрелковых полков. Самая большая помощь пехоте - подавить огневые средства врага, против которых бессильно стрелковое оружие воинов.

Глубокой ночью Кирилл Афанасьевич хотел отдохнуть час-другой. После трудной поездки в дивизию в голове шумело. Не раздеваясь, прилег на раскладушке. Но заснуть не смог. Только

закроет глаза, как словно опять в пути по тряской жердевой дороге, то вспомнит бой дивизии и представит себя на деревянной вышке, с которой виден противник. Почему-то вспомнился бой в Испании, где он воевал добровольцем.

Потом воспоминания унесли его в зиму 1939 - 1940 годов, когда он командовал 7-й армией, которая под его руководством успешно прорвала укрепленную "линию Маннергейма" на выборгском направлении. За умелое руководство войсками армии, героизм и мужество ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Отдохнуть так и не пришлось. Поднявшись с раскладушки, маршал приказал начальнику штаба фронта вызвать для переговоров по радио всех командующих армиями.

- Открытым текстом? - спросил генерал.

- Открытым, - ответил маршал. - Теперь противнику не до подслушивания наших приказов... Его дни уже сочтены.

Докладами командующих армиями Мерецков остался доволен. Наступление развивалось успешно. Внезапность и мощность наших ударов лишили японское командование возможности маневрировать войсками. Советские войска проникали в стыки укрепленных районов, обходили их с тыла, блокировали и шли дальше.

Наибольшие трудности выпали на воинские части в полосе наступления 1-й Краснознаменной армии генерала А. П. Белобородова. Командующий армией докладывал, что его войскам пришлось преодолеть восемнадцатикилометровый район тайги, пересеченный болотами, речушками и ручьями. Грунт вязкий, сплошное месиво. Движению пехоты вне колонных путей препятствовал густой кустарник, переплетенный лианами и диким виноградником. Дорогу пробивали тяжелые танки. Бойцы вслед за ними расчищали путь шириной до пяти - семи метров. Для пушек и гаубиц дорогу выстилали жердями и хворостом.

- Все это я видел, - сказал маршал, - знаю, что ваши дивизии наступают по бездорожью, на пути много рек. Но ваша задача: поскорее выйти к Муданьцзяну, охватить его с севера и с юга и заставить крупный гарнизон сложить оружие. Противник перебрасывает туда резервы.

- Вас понял, - ответил генерал Белобородов. - Мы овладели рядом городов, перерезали основные шоссе и ведем упорные бои в районе железнодорожных станций, где скопилось много воинских эшелонов...

- Смелее обходите очаги сопротивления японцев, - потребовал командующий фронтом. - Стремитесь избегать людских потерь. Блокированные вражеские гарнизоны через два-

три дня сами сложат оружие. Смелее вперед!

Переговорив со всеми командующими армиями, Мерецков пригласил начальника разведки фронта. Тот пришел со своей картой и доложил, что противник принимает меры для укрепления подступов к Харбину и Гирину, сосредоточил в районе этих городов остатки своей 5-й армии и много смертников.

Выслушав начальника разведки, командующий фронтом посмотрел на часы.

- Готовьте самолет. Через двадцать минут вылетаем на передовой КП.

На Дальнем Востоке уже наступал рассвет.

ВПЕРЕД, ГВАРДЕЙЦЫ!

Вокруг станции Чойбалсан, восточного форпоста Монгольской Народной Республики, в июле сорок пятого за неделю вырос приземистый и просторный военный лагерь. Он напоминал огромный склад под открытым небом - штабеля боеприпасов, пирамиды бочек с горючим, длинные ряды боевой техники. И всюду отдельными островками зеленели палаточные городки - летние жилища солдат и офицеров. Под палящим солнцем стояли сотни танков, орудий, самоходных артиллерийских установок, автомашин. На ветру хлопали полотнищами безоконные палатки.

Настало раннее утро, все всколыхнулось, пришло в движение, загудело, запылило, и колонны танков, самоходных орудий и колесных машин устремились по бездорожью на восток. 6-я гвардейская танковая армия, закаленная в жестоких, победоносных боях с немецко-фашистскими войсками, начала свой новый боевой путь по безводной, пустынной степи к Большому Хингану. По пескам, затем по щебенчатому грунту сквозь непроглядные тучи пыли к крутым и скалистым горам. Авиационная разведка донесла: там нет противника. И это не случайно. Японское командование считало, что этот естественный барьер невозможно преодолеть механизированным войскам, а поэтому и не собиралось оборонять неприступные горы.

По замыслу советского командования, 6-я гвардейская танковая армия наносила удар совместно с другими армиями Забайкальского фронта в обход с юга мощного Халун-Аршанского укрепленного района противника в общем направлении на Чанчунь. А затем, действуя впереди общевойсковых армий, танковые войска уже на пятый день должны спуститься на Маньчжурскую равнину и, развивая наступление, установить связь с наступающими навстречу войсками 1-го Дальневосточного фронта. В этом случае основные силы Квантунской армии

окажутся окруженными. Но пока нужно преодолеть пустыню Гоби, а затем "перепрыгнуть" через Большой Хинган.

Командовал 6-й гвардейской танковой армией Герой Советского Союза генерал-полковник А. Г. Кравченко. Еще в 1922 году Андрей Кравченко получил удостоверение красного командира из рук М. В. Фрунзе. До войны он закончил военную академию, командовал танковыми частями. Свои командирские способности А. Г. Кравченко проявил во многих сражениях на фронтах Великой Отечественной войны и был в ряду прославленных командармов.

Под его командованием танковые войска прошли с боями сотни километров, немало встречалось трудностей, но такой преграды танкисты-гвардейцы еще не видывали: впереди горы Большого Хингана.

В накаленном солнцем танке душно, на броне - как на сковородке. Вода в бочках горячая. У некоторых воинов от жары открылось носовое кровотечение, врачи то и дело отправляли заболевших солдат и офицеров в полевой госпиталь. Жара и тучи пыли оказались для танкистов коварным противником. Командование приняло решение останавливать движение в полуденную жару.

К перевалам Большого Хингана танки генерала Кравченко подошли на рассвете. Первым стал преодолевать горный подъем по одному маршруту 5-й гвардейский танковый корпус. За семь часов десятки танков со скоростью пешехода поднялись на перевал, и воины ощутили прохладу. Был объявлен привал. Нужно было отдохнуть и привести в порядок боевую технику.

Спуск на Центральную Маньчжурскую равнину оказался более коварным, чем подъем на перевал. Хлынул ливневый дождь. На крутых участках танки и колесные машины спускались на тросах. Медленно и небезопасно. Рядом глубокие расщелины. Малейшая оплошность - и нет танка.

Преодолев Хинганский хребет сквозь горные теснины, советские войска широким фронтом растекались по Маньчжурской равнине. Однако погода не позволяла наращивать темпы наступления.

Высохшая земля размокла, как сухарь в воде. Колонны автомашин с горючим и боеприпасами безнадежно отстали. Танкисты испытывали острую нужду в топливе. Колонны растянулись на многие километры. Одна надежда на авиацию. На подвижных командных пунктах танкистов постоянно находились оперативные группы авиаторов 12-й воздушной армии маршала авиации С. А. Худякова. Они не только нацеливали бомбовые удары по японским гарнизонам и узлам сопротивления, но и

обеспечивали танковую армию горючим и боеприпасами.

Используя успех танкистов Забайкальского фронта, общевойсковые армии наступали быстрыми темпами, охватывая с юга всю группировку японских войск в Маньчжурии. Подобного окружения миллионной группировки вражеских войск в истории войн еще не было.

Положение японских войск оказалось незавидным: средства телефонной и радиосвязи выведены из строя, авиация парализована, транспортное сообщение нарушено... Командование самураев было лишено возможности маневрировать резервами и оказать столь желаемое сопротивление на перевалах через Большой Хинган да и на подготовленных оборонительных рубежах. Ответные действия японских гарнизонов были слабыми и неорганизованными. Враг, бросая все имеющиеся боевые части и резервы, пытался, но уже не мог задержать продвижение советских войск.

Наступление 1-го Дальневосточного фронта маршала К. А. Мерецкова развивалось также успешно. Войска 1-й Краснознаменной армии генерала А. П. Белобородова и 5-й армии генерала Н. И. Крылова, проломив на широком фронте полосу пограничных укреплений противника, преодолевая обширные болота, озера, тайгу, сопки, спешили выйти в район Чанчуня, чтобы соединиться с ударной группировкой Забайкальского фронта и тем самым, как и намечалось, взять в кольцо Квантунскую армию.

Под ливневым дождем, сокрушив мощные долговременные сооружения японцев, войска 2-го Дальневосточного фронта генерала М. А. Пуркаева вместе с пограничниками и моряками форсировали реку Уссури и Сунгари, также успешно продвигались вперед, рассекая группировки врага ударами с севера.

По западным отрогам и долинам, сбивая внезапными лихими атаками вражеские заслоны, быстро продвигалась на юго-восток военно-механизированная группа советско-монгольских войск. Советский конник и монгольский цирик мчались рядом на своих горячих боевых скакунах с обнаженными клинками, наводя на врага ужас...

Быстро вошли в солдатский разговор слова: цирик (солдат) и батор (богатырь).

- Привет, цирик-богатырь! - говорил русский солдат.

- Сайн байну, солдат-батор! - отвечал монгольский воин.

В пустынных и горных районах после изнурительных жарких дней не прекращались дожди. Дороги и степи превратились в непролазное месиво. Даже на едва заметных подъемах машины

буксовали, сползали вниз. Всюду застрявшие грузовики, артиллерийские тягачи и даже танки.

Обступив со всех сторон застрявшую машину, солдаты сталкивали ее в сторону, чтобы не попала под танк. Дороги в горах стали опасными. Того и гляди, сорвешься с крутизны на каменные гряды или в ревущий дождевой поток. А это - конец. Шансов выбраться живым нет.

Еще совсем недавно вода, мелодично булькая во фляге, была спасением и солдат берег каждую каплю, а теперь одно желание - избавиться от воды. Хотя бы на час выглянуло солнышко, чтобы отогреться и просушить одежду...

Когда вытаскивали застрявший грузовик, ефрейтор Колобов потерял в грязи левый сапог. Да что там сапог, едва сам не оказался под гусеницами. Залез в кузов грузовика в одном сапоге...

- Эй, водитель! - крикнул Колобов на полном серьезе, перевалившись через борт. - Одолжи левый сапог... Зачем тебе сапоги в кабине?

В ответ из кабины - хохот. Колобов - ротный балагур. Не поймешь, когда он шутит, а когда говорит всерьез. Что ни скажет, все смешно получается, а сам при этом не улыбнется.

- Что ни говорите, братцы, а на танке лучше, - вмешался в разговор сержант Котин. - Подогревает, и не приходится подталкивать. А тут неизвестно, кто на ком едет: мы на машине или она на солдатах.

- Кому как, - возразил Колобов, - а я чуть не испекся на танке. Только и думал, как бы во сне не свалиться.

- А как же мы без тебя жить будем? - послышался голос повара. - Кому котелок завещаешь?

- Не беспокойтесь, братцы, - не унимался Колобов. - Меня если и сам черт проглотит, я выход найду. Я что хочу сказать: на танке трудно. Сидеть неудобно. А здесь все же кузов, брезент над головой, и ветерком продувает, и не боишься, что свалишься, как старый дед с печки.

И опять хохот. Без таких весельчаков в роте скучно было бы. Но на этот раз Колобова сдерживала тряска. Машина на ухабах подпрыгивала, и ефрейтор, не дотягиваясь до лямок под тентом, чтобы держаться, плюхался на колени сидевших солдат.

Позади скалистые вершины гор, поросшие кустарником сопки, побелевшие солончаковые долины и необъятная степь. Вдали сливаются с небом синеватые хребты, справа показались хлебные поля.

У Колобова заныло в груди. Он вспомнил свою родную Рязанщину. Там в августе самая жаркая погода в поле. И на

огороде дел много. В это время созревают огурцы, помидоры. Он ощутил на губах привкус кваса из ржаных отрубей с душистыми огурцами и укропом. Что может сравниться в жару с домашней окрошкой и кусочком вяленой рыбы? А до чего вкусный хлеб выпекает его жена...

Трем автомашинам с солдатами удалось опередить танки, и под вечер, когда опять задождило, они выскочили на шоссе. Вдали виднелись подернутые беловатой дымкой крыши. Еще через пять - десять минут открылись небольшие неуклюжие шалаши. "Неужели в них живут люди?" - подумал Колобов, хотел что-то сказать, но из шалашей ударили пулеметы.

Котин и Колобов первые выскочили из кузова и, отбежав от дороги метров на десять, прижались к липкой земле и открыли огонь из ручного пулемета.

Еще не все солдаты покинули грузовик, как вражеский снаряд угодил в радиатор подошедшего командирского грузовика. Взметнулся белый пар. Капитан, сидевший в кабине, был убит, водитель - ранен.

Котин заметил еще одну вспышку орудийного выстрела. Полоснул из пулемета. Неожиданно "шалаши" оголились, и обнажились вражеские танки. Их было десять. Они быстро приближались к грузовикам, а за ними шла пехота.

Котин вставил новый диск и ударил метко по вражеским солдатам. Дружно заговорили пулеметы с третьего грузовика.

Несмотря на большие потери, японцы все еще бежали за танками. Наконец попали под кинжальный пулеметный огонь и уткнулись в землю возле самой дороги. Японские танки подошли вплотную и, видимо, не имея боеприпасов, начали лобовой броней долбить уже поврежденные грузовики. Машины, покинутые воинами, сползли на обочины. Один танк попятился, потом на скорости врезался в грузовик и, облитый бензином, вспыхнул, как факел...

Послышался нарастающий рокот моторов. Разбрасывая гусеницами комья грязи и покачивая устрашающе стволами орудий, к месту боя мчались танки Т-34. Они подоспели вовремя. За каких-нибудь две-три минуты бой был закончен.

Советские танки, самоходные артиллерийские установки и грузовики с пехотой все шли и шли. Объезжая на шоссе подбитые автомашины и японские танки, они исчезали в вечерней дымке.

Рота капитана Мякова до конца выполнила свой воинский долг. А в кабине автомашины, уткнувшейся развороченным радиатором в столб, склонив голову набок, сидел сраженный осколком снаряда командир роты. Словно заснул капитан Мяков.

В этом бою враг потерял более пятидесяти солдат и все

танки. Более двухсот японцев были взяты в плен.

Когда раненого водителя несли к санитарному автобусу, он увидел ефрейтора Колобова:

- Вот теперь, браток, бери мои сапоги... И бей этих паршивых самураев за капитана и за меня.

...Небольшой китайский город, в котором долго хозяйничала японская военщина, был освобожден часа за три-четыре. Утром все еще моросил дождь, но на улицах было многолюдно. Слышались радостные голоса. Мальчишки бежали за машинами и давали солдатам яблоки, пожилые китайцы широко улыбались, низко кланялись, выражая свою искреннюю благодарность освободителям воинам Советской Армии.

На траурный митинг на площади собрались советские воины и многие жители города. Рота погибшего капитана Мякова стояла в почетном карауле. Со всех сторон к площади стекались местные жители. В руках у них были красные флажки.

На грузовик с опущенными бортами поднялся заместитель командира батальона Васнев. Сдавленным голосом майор открыл траурный митинг. В наступившей тишине замполит говорил о том, что советские войска пришли сюда как освободители. В боях за мир и счастье людей они не щадят ни своих сил, ни даже жизни.

Майор склонил голову перед гробом.

- С великой скорбью мы расстаемся с нашим боевым товарищем капитаном Мяковым, геройски прошедшим всю войну. Преданный сын Советской Родины, отец двоих детей, он всегда будет в нашей памяти... Клянемся, что выполним приказ Верховного Главнокомандования с честью, до конца будем верны своему воинскому долгу!

- Клянемся! - эхом отозвалось на площади.

А когда прогремел салют из винтовок и автоматов, неожиданно послышалась мелодия вальса "На сопках Маньчжурии". Все увидели над седой головой старой высокой женщины поддерживаемый руками пожилых людей трубастый граммофон. Под эту музыку в русско-японскую войну солдаты России ходили в атаку на врага. По щекам людей, державших граммофон, текли слезы.

Сержант Котин тоже плакал. В памяти всплыл разговор с капитаном в вагоне поезда под Читой. Вспомнил слова Мякова: "В конце войны написал жене о скорой встрече в Тамбове..." - и фотографию девочек-малышек.

Подумал сержант и о своем сыне Славе. Что ждет его впереди, где он сейчас... О том, что Слава уже солдат и где-то здесь на фронте, отец еще не знал.

БЕССОННИЦА

В степи, где на десятки километров не встретишь жилья, возле безымянного озера с пустынными берегами стояли защитного цвета палатки. Неподалеку от палаток четыре самолета. Один из них большой, с иллюминаторами. Самолеты ПО-2 в сравнении с ним казались воробьями рядом с орлом. Возле палаток вырыты небольшие окопы.

Полное бездействие японской авиации и надежное прикрытие советских войск с воздуха позволили штабным офицерам и хозяйственникам приготовить временный пункт управления и место для короткого отдыха командующего Забайкальским фронтом в открытой степи в сотне километров от войск.

Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский только внешне казался спокойным и невозмутимым. Что творилось в его душе, мог, пожалуй, догадаться только адъютант, постоянно находившийся рядом. Да и то не всегда. Родион Яковлевич умел сдерживать свои чувства.

В тот день командующий фронтом побывал в армии на командном пункте стрелкового корпуса, вылетал в район боев, на маршруты движения войск, принимал доклады генералов и офицеров и на месте отдавал приказы, советовал, требовал. С начала военных действий он спал урывками, устал, очень хотелось хоть немного отдохнуть. Неплохо бы окунуться с головой в озеро. Родион Яковлевич отлично плавал. Но озеро, как доложил офицер-связист, дежуривший у телефонов в палатке, соленое, мелкое, и подойти к воде трудно. Берег как тесто.

Бывало, Родион Яковлевич любил уединиться, хотя бы на несколько минут, где-нибудь в тихом уголке сада, на берегу реки или посидеть у раскрытого окна. В спокойствии и одиночестве быстрее проходит усталость. Он пошел к озеру. Адъютант хотел сопровождать, но Малиновский попросил вызвать для доклада генерала А. Г. Кравченко - командующего танковой армией - и своего заместителя по тылу генерала В. И. Вострухова. Родиона Яковлевича беспокоило снижение скорости продвижения войск гвардейской танковой армии, причина - задержка подачи танковым частям горючего.

- Я побуду один... - сказал он. - А вы займитесь своими делами.

Вечер был тихий. Солнце уже спряталось за причудливыми облаками, выползавшими из-за горизонта, и жара уступила место бодрящей прохладе. Легкие волны спокойно набегали на беловатый соленый берег и, легонько булькнув, откатывались назад, сливаясь со светлой бирюзой водной глади. Ленивый накат волн, монотонный плеск воды напоминали о далеком детстве в

Одессе, о мирной, спокойной жизни. Всего лишь два-три часа прошло, как Родион Яковлевич возвратился из района боев одной из стрелковых дивизий, сражавшейся с многочисленным японским гарнизоном.

Находясь вместе с командиром дивизии на небольшой высотке и наблюдая в бинокль за боем, маршал Малиновский следил за действиями пулеметчиков. Прикрывая друг друга, солдаты короткими перебежками брали гарнизон врага в полукольцо, не давая ему вести ответный огонь.

Стрельба велась шквальным огнем из трех десятков пулеметов. Все грохотало, трещало, гудело, и над полем боя висело облако дыма и пыли. Мощное оружие - станковые пулеметы!

Вспомнил, как в империалистическую войну ему удалось пулеметным огнем остановить кавалерийскую атаку немцев. Но тогда молодой пулеметчик оказался в одиночестве.

Постояв на берегу скучного озера, Родион Яковлевич возвратился в палатку. Адъютант, молодой подполковник, доложил:

- Время ужинать, товарищ командующий. Все готово.

- Какой там ужин после такой жары, - садясь в раскладное кресло, ответил маршал. - Холодного и крепкого чая... Вы вызвали генералов Кравченко и Вострухова?

- Командующий танковой армией просит разрешения прибыть в восемь ноль-ноль, - доложил адъютант. - Генерал Вострухов уже вылетел. Только что получена радиограмма: вас приглашает на разговор по телефону Главком Василевский.

- Время? - спросил Малиновский.

- Сегодня ровно в полночь, - ответил адъютант. - И еще: сюда вылетел начальник штаба фронта генерал Захаров. Скоро будет здесь.

- Вот и прекрасно, - устало ответил Родион Яковлевич. - Подайте мне папку с донесениями и письмами.

Каждый день Малиновский просматривал почту, поступившую за день. На глаза попалось письмо, написанное неровным почерком на листке ученической тетради. Маршал надел очки и начал читать:

"Командующему фронтом товарищу Малиновскому от Ефимова Василия Федоровича.

Дорогой Родион Яковлевич! Знаю, что у вас дел много и за каждым солдатом глядеть командующий не может. Но у меня большая просьба: если случайно повстречаете моего внука Мирона, скажите ему, чтобы написал мне. Ушел добровольцем, пока никаких известий".

- Надо поискать в войсках фронта Мирона Ефимова, - прочитав письмо, сказал маршал. - Займитесь, пожалуйста.

Малиновский дочитал до конца последний документ и, что-то написав с угла на угол, еще раз приказал:

- Мирона Ефимова найти!

Где-то далеко громыхнуло, а потом необъятная степь опять погрузилась в полную тишину.

Родион Яковлевич освободился от дел только в первом часу ночи. Самое время отдыхать, а он никак не мог заснуть. Сказывалось переутомление. К тому же разболелась поясница. После ранений во Франции она напоминала о себе всегда к перемене погоды.

Или бессонница призывает воспоминания, или раздумья и тревога о чем-то не дают спать. Казалось бы, все идет хорошо. Войска фронта, как доложил начальник штаба, действуют по плану, по всем просьбам командующих армиями меры приняты. Решены все вопросы, и оснований для беспокойства нет. Но что-то тревожит...

Еще раз мысленно прошелся по докладу начальника штаба фронта. Самое главное - события на фронте. Все остальное и незначительное пока можно оставить. Итак: события развиваются по плану. Контратаки японских частей в районах Линьси, Улан-Хото (Ванъемяо), Солунь успешно отражены. Войска 17-й и 39-й армий идут на Шэньян. На левом крыле фронта 36-я армия выбила противника из Хайлара и, окружив японский гарнизон в укрепленном районе, наступает на Цицикар. Авиация работает с полной нагрузкой. Наладилось, как доложил начальник тыла фронта Владимир Иванович Вострухов, снабжение горючим частей 6-й гвардейской танковой армии. Подходят колонны автомашин с боеприпасами, горючим, продовольствием. Директива Главнокомандующего фронтом выполняется. Тогда что же гложет, что беспокоит, тревожит сердце? Мирон. Парню семнадцать лет, комсомолец. В таком возрасте юноше можно доверить большое и ответственное дело. Правильно решил идти по стопам отца. Пусть поступает в военное училище. Но где он? Быть может, на другом фронте? Где бы ни был, а ефимовский характер проявит.

- Вы спите, подполковник? - спросил Родион Яковлевич.

- Нет, что-то не спится, товарищ командующий. Бессонница, - ответил адъютант. - В голове все вертится, летали много.

- Вы правы. Я тоже не сплю - видимо, по той же причине. - Малиновский вздохнул. - Не забудьте Мирона найти.

- Слушаюсь, товарищ маршал, - ответил адъютант. - Я помню.

Вспомнив Мирона, Родион Яковлевич возвратился в свое

сиротское детство. Вспомнил, как голод загнал его на работу в подсобные и складские помещения галантерейного магазина одесского купца. Заработка хватало только на скудный харч. Пришлось мальчику надрываться, таская грузы на товарной станции, а позже батрачить у помещика. Какое страшное беззаконие, несправедливость, обман, унизительное отношение богатых к бедным! Единственная радость - ласка доброй и умной матери, сумевшей без мужа обучить сына грамоте. Как это пригодилось в его жизни.

С завистью смотрел маленький Родион на солдат и матросов, браво шагавших с песней по Одессе. Со всех сторон зеваки сообщали: "На войну с японцами". А позже, когда ему было шестнадцать лет, помогал своему дяде весовщику на станции Одесса-товарная, видел, как почти ежедневно отправлялись воинские эшелоны на войну с Германией. А что, если забраться тайком в пустой вагон и тоже на фронт? Не прогонят, найдется дело. А там и винтовку можно раздобыть. Вот так и стал Родион Малиновский солдатом. В шестнадцать лет начал осваивать азбуку войны. Шел в бой "за веру, царя и Отечество", готов был умереть за Россию, а унтер-офицер мог ударить его по лицу просто так, ни за что. Испытал презрение офицеров к низшим чинам, позже убедился в бездарности командования, добывавшего незначительный успех в боях только ценой солдатской крови.

В бессонную ночь воспоминания проносятся вихрем. То одно придет на ум, то другое. То вчерашнее, то далекое прошлое. Нахлынуло в памяти детство и скрылось. Вспомнил только что состоявшийся разговор с начальником штаба фронта генералом М. В. Захаровым. Докладывал генерал по карте, не пользовался записями, говорил только о главном: где войска, какие задачи выполняют и как обеспечены. Захарову пришлось за свою службу быть и артиллеристом, и штабным работником - занимал должность начальника службы артиллерийского снабжения, а во время войны был начальником штаба фронта. Свое дело он знал превосходно.

Генерал Захаров порадовал маршала сообщением об успешном продвижении войск 1-го Дальневосточного фронта. Маршал Мерецков принимает все меры, чтобы как можно скорее перерезать коммуникации, идущие из портов Северной Кореи в Центральную и Восточную Маньчжурию, чтобы противник не мог не только маневрировать войсками, но и уходить в порты. Еще немного - и вся группировка вражеских войск окажется в клещах. Забайкальский и 1-й Дальневосточный фронты в ближайшее время соединятся. Все идет по плану.

Предугадать свой жизненный путь невозможно. Думал ли Родион Яковлевич, когда начинал службу в Красной Армии командиром пулеметного взвода, что через двадцать пять лет будет Маршалом Советского Союза? Конечно, нет. Не мог предвидеть, что придется быть начальником штаба полка, затем дивизии, корпуса. Он не стремился к повышению в должностях и воинских званиях. Единственное, к чему рвался, - к учебе. Никогда не испытывал такого счастья, как в годы, проведенные в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Он закончил академию в 1930 году.

В 1937 - 1938 годах Родион Яковлевич участвовал добровольцем в гражданской войне в Испании на стороне республиканского правительства. Он был военным советником, общался с республиканским командованием: испанцы его уважительно называли "компаньеро Малино". За участие в боях в Испании Малиновский был награжден орденом Ленина и орденом Красного Знамени. Его военный опыт, приобретенный в первую мировую, в гражданскую войну в России, в боях в Испании, пригодился сначала для преподавательской работы в военной академии, а затем на фронте.

Полководческий талант Родиона Яковлевича ярко проявился в Великую Отечественную войну. Уже в 1941 году он становится командующим фронтом. Во фронте три общевойсковые армии, танковые, артиллерийские, авиационные и многие другие соединения и части. Численность фронта в годы войны в среднем была около миллиона воинов. Чтобы умело управлять таким огромнейшим объединением боевых частей и выполнять задачи стратегического масштаба, нужны незаурядные способности и прочные военные знания.

Малиновский командовал Южным фронтом, затем Юго-Западным, 3-м и 2-м Украинскими фронтами. Под его командованием войска освобождали Донбасс, Правобережную Украину, Молдавию, Румынию, Венгрию, Австрию, Чехословакию. Брали города: Запорожье, Никополь, Одессу, Николаев, Кишинев, Будапешт, Вену, Прагу.

Вспоминая свое прошлое, Родион Яковлевич переносился мысленно в тихие уголки, на берег спокойной речки с белыми лилиями, в цветущие украинские сады, на зеленые луга с ромашками...

Уже рассвело, когда Родион Яковлевич заснул.

МОРСКИЕ ДЕСАНТНИКИ

Во Владивостоке, в одном из охраняемых приморских зданий, на флагманском командном пункте командующего Тихоокеанским флотом ждали Маршала Советского Союза А. М.

Василевского и Адмирала Флота Н. Г. Кузнецова.

В просторном помещении возле большой - во всю стену - карты, подсвеченной электрическими лампами с обратной стороны, сидели в креслах командующий 1-м Дальневосточным фронтом Маршал Советского Союза К. А. Мерецков, командующий 2-м Дальневосточным фронтом генерал армии М. А. Пуркаев, командующий Тихоокеанским флотом адмирал И. С. Юмашев, генералы и офицеры. Все они внимательно смотрели на карту.

Матросы-операторы, находившиеся за этой стеклянной живописной схемой, принимали по радио сведения о боевых действиях флота и постоянно передвигали черные фигурки кораблей и судов, что позволяло всем, кто находился в зале, следить за боевыми действиями флота на всем морском театре военных действий.

Начальник штаба флота вице-адмирал А. С. Фролов водил указкой по карте и негромко пояснял К. А. Мерецкову, где находятся в данный момент наши корабли и морская авиация.

- Умно придумано, - заметил маршал. - Все как на ладони. Не то что в матушке-пехоте...

- Это доступно и сухопутным штабам, - сказал адмирал Юмашев. - Но для этого нужна хорошая радиосвязь со всеми войсками, чтобы своевременно получать данные о боевой обстановке и наносить их на карту.

- В том-то и дело, - согласился Мерецков. - Связь нужна хорошая. Вот такая карта на стекле с подсветкой изнутри была у нас в военной академии. Но то академия... Во фронтовой землянке такую не сделаешь.

За стеной слышался разговор радистов. Они принимали закодированные боевые донесения из штабов военно-морских и авиационных частей.

- Скажу вам, друзья дальневосточники, ваше Приморье очень похоже на район Карелии, - продолжал Мерецков. - Тоже бездорожье, леса, постоянные дожди. Тяжело там было.

- Не случайно вас, имеющего опыт боев на Волховском фронте и Карельском, послали сюда, - сказал Юмашев. - Опыт - большое дело.

- Я здесь служил. В 1935 году был начштаба Особой Краснознаменной Дальневосточной армии. Но до вашего опыта мне далеко, - улыбнулся маршал. - Вы здесь с 1939 года. Каждую бухточку знаете...

- Не могу возражать, Кирилл Афанасьевич, знаю, - ответил адмирал. Вот одного не могу понять: почему так долго они добираются? Не случилось ли что?

- Я тоже начинаю волноваться, - сказал Мерецков. - По времени маршал Василевский и адмирал Кузнецов уже должны быть во Владивостоке. Но в такую погоду все может случиться.

Когда Главнокомандующий маршал А. М. Василевский с группой генералов и офицеров вылетел на специальном самолете из войск Забайкальского фронта во Владивосток, с востока надвигались тучи. Синоптики не сулили ничего хорошего, но Василевскому было крайне необходимо встретиться с командующими 1-м и 2-м Дальневосточными фронтами и с командующим Тихоокеанским флотом, чтобы на месте решить ряд вопросов. Одновременно в небо поднялся еще один самолет, на борту которого находился Адмирал Флота Н. Г. Кузнецов.

Перелет из Монголии через Забайкалье и Хабаровск в Приморье был трудным. Самолеты шли за толщей грозовых облаков. К вечеру поднялась сильная буря, и самолеты совершили вынужденную посадку на одном из военных аэродромов далеко от Владивостока.

Время на войне дорого. Маршал Василевский и адмирал Кузнецов вместе с сопровождавшими их генералами и офицерами продолжили свой путь на дрезине.

На флагманском командном пункте они появились только перед рассветом, уставшие и промокшие. Поздоровавшись, Василевский сел возле большого стола и сказал спокойно и неторопливо:

- Ну, что, товарищи, давайте начнем. - Он обратился к Мерецкову: Пожалуй, с вас, Кирилл Афанасьевич. Не очень подробно, у нас времени мало.

- Противник, стремясь не допустить прорыва главной группировки войск 1-го Дальневосточного фронта в Харбин и Гирин, - стал докладывать командующий, - сосредоточил в районе Муданьцзяна четыре пехотные дивизии, отряды смертников и другие части. - В продуманном докладе Мерецкова не было ничего лишнего. - Ударная группировка фронта - 1-я армия генерала Белобородова и 5-я армия генерала Крылова полностью прорвали полосу укреплений противника. Условия для наступления трудные: сильные дожди превратили даже маленькие речушки в серьезные препятствия. Уровень воды в реках поднялся до четырех метров. Долины затопило водой, дороги размыло. Но наступление развивается стремительно. - За пять-шесть минут Мерецков дал полную характеристику войскам противника и своим армиям, доложил о принятых им решениях. - Заверяю вас, товарищ Главнокомандующий, что в указанный срок мы отрежем Квантунскую армию от Кореи, выйдем в Центральную Маньчжурию и соединимся с войсками

Забайкальского фронта.

Василевский сразу же попросил командующего 2-м Дальневосточным фронтом Пуркаева начать свой доклад и тоже предупредил - только покороче.

Максима Алексеевича Пуркаева, участника гражданской войны, маршал Василевский знал хорошо. Член партии с 1919 года, Пуркаев был в начале войны начальником штаба Юго-Западного фронта, командовал армиями, а затем Калининским фронтом. С 1943 года он на Дальнем Востоке и, пожалуй, лучше многих, присутствовавших здесь, знал театр военных действий.

Главком Василевский обратился к Н. Г. Кузнецову:

- А теперь послушаем, как развиваются события у моряков.

Николай Герасимович Кузнецов хорошо понимал, что в данном случае необходимо заслушать доклад командующего Тихоокеанским флотом адмирала И. С. Юмашева. И, посмотрев на него, сказал:

- Прошу, Иван Степанович. И немного поподробнее о высадке морских десантов...

Адмирал Юмашев взял указку, неторопясь подошел к стеклянной карте.

- Прошу вас, товарищ Маршал Советского Союза, - обратился он к Василевскому, - утвердить мое решение на высадку десантов в Юки, Расин и Сейсин, чтобы помешать отходящим войскам противника переправиться морем в Японию.

- Желательно бы услышать характеристику этих объектов, - сказал Василевский.

Адмирал Юмашев доложил, что порты и базы Северной Кореи, расположенные в ста сорока - двухстах километрах от Владивостока, имеют хорошо оборудованные гавани, на которых базируются японские боевые корабли и суда. Противодесантная оборона гаваней и прилегающего побережья состоит у противника из отдельных опорных пунктов с большим количеством дотов и дзотов. Гарнизоны портов многочисленны и могут быть усилены за счет отступающих войск. Города опоясаны двумя линиями обороны и минными полями, дотами и дзотами.

- Высадка десантов в значительной мере облегчит нам дальнейшее наступление вдоль побережья, - послышался голос маршала Мерецкова.

Эта идея была поддержана Юмашевым. Он подчеркнул, что действия десантов согласованы планом взаимодействия фронта и флота и, продолжая доклад, сказал, что безраздельное господство в воздухе советской авиации, а также большие потери японского флота в транспортных судах привели к нарушению морских коммуникаций, связывающих Японию с Северной Кореей, Южным Сахалином и Курильскими островами.

Когда Юмашев закончил свой доклад, но все еще стоял возле карты, маршал Василевский облегченно вздохнул.

- Думаю, что Тихоокеанский флот успешно решает свою задачу. Благодарю вас, товарищ командующий флотом. Но впереди еще сложная операция по очистке Южного Сахалина и Курильских островов. А что нам скажут авиаторы? И неплохо бы открыть окно. Пусть заглянет дневной свет. А в Москве сейчас ночь...

Совещание неожиданно было прервано. Маршала Василевского вызывала Москва.

Для переговоров с Генеральным штабом была подготовлена специально оборудованная комната. На столе возле телефона мигало небольшое табло: "Вызывает Верховный Главнокомандующий".

- Докладываю, товарищ Сталин. Войска фронтов и флот действуют по утвержденному плану.

Главком Василевский спокойно и четко доложил о ходе операций на всех трех фронтах, о подготовке к высадке крупных десантов.

- Товарищ Василевский, благодарю вас за подробный доклад, - сказал Сталин, и голос его был слышен так ясно, словно он был в соседней комнате. - Наступление наших войск против Квантунской армии в Маньчжурии, на Ляодунском полуострове и в Северной Корее должно вестись с возможной быстротой до тех пор, пока японские войска действительно не прекратят сопротивления, не сложат оружия и не сдадутся в плен.

- Все будет выполнено, - ответил Василевский, пользуясь небольшой паузой.

- И еще, товарищ Василевский, - заметил Сталин. - Срочное освобождение Южного Сахалина и всей гряды Курильских островов приобретает особо важное для нас значение. Согласуйте с начальником Генерального штаба содержание ответа на радиограмму штаба Квантунской армии о согласии капитулировать. Пока японское правительство только говорит об этом, а войска сопротивляются...

Десантники батальона морской пехоты, в котором начал службу восемнадцатилетний Слава Котин, на ночь разместились в трехэтажной школе. По стеклам барабанил дождь, за окном вспыхивали молнии. Здание сотрясалось от ударов грома, и Славе казалось, что к берегам подошли японские корабли и палят из пушек по городу. Потом обуревала страшная мысль: а может, в эту дождливую темную ночь американцы бомбят японские острова атомными бомбами и грохот доносится до нашего Приморья...

О том, что на японские города Хиросиму и Нагасаки были сброшены американские атомные бомбы, десантники батальона узнали из газет. Тяжелое чувство вызвало у солдат это известие. Старшина Яценко, знаток военного дела - он прошел всю войну с гитлеровской Германией, - пожимал плечами:

- Не знаю, при чем тут города? Там дети, женщины, старики. Они-то не причастны к войне...

Слава Котин только что стал засыпать, когда раздалась грозная команда: "Подъем! Тревога!" Впопыхах Слава схватил автомат, а шинель забыл. Хорошо, что сосед Борис Чуркин под вспышку молнии увидел забытую шинель, схватил ее.

- Не бросай, пригодится...

Погрузка на корабли началась с рассветом. Дождь утих. Над морским горизонтом появилось огромное оранжевое солнце. Скользящие лучи отражались от гладкой воды и слепили глаза.

Посадка заняла не много времени. Все делали как на тактических занятиях - быстро, четко, без суеты. Вдруг появятся вражеские самолеты? Медлить в таких случаях нельзя.

Отчалили от родного берега. На причале люди машут

руками, платками, головными уборами. Возвращайтесь с победой, товарищи!

...Корабли все дальше и дальше уходили от тихой бухты, и вот уже берег растворился в дымке. Роте автоматчиков повезло: их разместили на палубе. Любуйся морем сколько хочешь.

Шли "самым быстрым", вода, разрываемая форштевнем, кипела, и пенный след тянулся до самого горизонта. Когда бойцы на палубе мысленно прощались с родным берегом, командир десантной роты приказал всем подойти ближе к нему. Десантники обступили командира.

- Садитесь поплотнее, - сказал старший лейтенант. - Слушайте внимательно: наша боевая задача высадиться в порту Сейсин, захватить приморскую часть города и удерживать ее до подхода главных сил.

Он стал говорить о том, как нужно действовать каждому взводу после высадки на берег, повторяя сказанное капитаном 1-го ранга Якоревым на совещании командиров подразделений.

- Вы солдаты не обстрелянные, но хорошо обученные, - говорил командир роты. - Высаживаемся быстро. Держаться ближе к командиру отделения и слушать его команду. Вперед - перебежками. Один прикрывает другого, и смелее, смелее, смелее! Гранаты беречь, запасы у нас не велики. Рота должна захватить и удержать мосты. Город не очень большой, но важный. Есть предприятия. А вот какой там гарнизон и где он, не знаем.

В обед каждому десантнику выдали по банке крабов и колбасу. Хлеба сколько хочешь. Кое-кто крабов не ел. Слава положил банку в вещевой мешок.

Потом все дремали, привалившись друг к другу. Спать хотелось и Славе, но он терпел. Время тянулось медленно.

Боря Чуркин стоял у борта и разговаривал с бывалым матросом.

- Скажи мне, морская пехота, на чем держится флаг? - спросил матрос.

- На древке, - ответил Борис, - по-морскому - на штыре.

- Рассмешил... Флаг наш держится на гафеле, запомни.

- А ты, видать, не соленый матрос, - послышался голос старшины Яценко. - Флаг корабельный держится на душах морских. Я, брат, в десантах не один раз бывал. К тебе пришвартовался сухопутный боец, а ты сразу свое удальство напоказ. А один известный воин сказал: "Уважай боевого товарища, потому что он вместе с тобой идет в атаку против общего врага". Кто так сказал?

- Не знаю, - пожал плечами матрос.

- Старшина Яценко так сказал. Запомни.

...Показался берег и разбросанные по склонам гор дома. Неожиданно катера окутала густая дымовая завеса, грохотавшая разрывами снарядов. Повернули к берегу, скрываясь в дыму. Стреляла японская артиллерия. Было страшно. Попади в катер хоть один снаряд - спасения нет... К счастью, снаряды плюхались далеко от бортов. Со стороны моря на бреющем полете пронеслись наши самолеты. С берега доносились громовые взрывы.

Скорее бы высадиться. Все же на земле чувствуешь себя уверенней.

Под прикрытием плотного дыма, стреляя по берегу из крупнокалиберных пулеметов и зенитных пушек, катера ворвались в гавань с хода и прижались к пирсу. Началась высадка. Все торопились, но растерянности не было.

Котин выскочил на берег вслед за старшиной Яценко. Он не отставал от бывалого фронтовика. И хотя у солдата Котина на гимнастерке красовалась медаль "За отвагу" и многие думали, что он уже бывалый боец - все для него здесь было новым, как и у любого молодого солдата.

Слава, так же как и Яценко, упал на землю, осмотрелся, потом вскочил, побежал, пересекая открытое место от берега до строений. И, как старшина, растянулся у самой стены, плотно к ней прижался.

- Не робей! - подбадривал Яценко. - Бьет, гад, из окон.

Старшина вскочил, ловко, наотмашь бросил ручную гранату-"лимонку" в окно второго этажа и тут же побежал, стреляя, вдоль улицы. Вскоре он исчез за углом одноэтажного дома.

На ротных тактических занятиях Слава бросался в атаку с криком "ура" и косил из автомата условного "противника". А теперь, когда отовсюду стреляли и где-то рядом оглушительно грохотала пушка, а противника не видно, он растерялся и не смог применить ни один тактический прием. В настоящем бою оказалось все не так. Но все же Слава почувствовал в эту минуту свою силу и принял верное решение. Он, как и Яценко, одним броском достиг угла дома и несказанно обрадовался, увидав старшего лейтенанта и старшину. Откуда-то появился и Боря Чуркин - он перемахнул через забор из плоских камней. Возбужденный, лицо красное.

- Мы тута! - сказал он, пытаясь шутить даже в этой горячей обстановке.

- Вот что, старшина, давай с ними вперед, - приказал командир роты. Где-то вон там за городом река. Надо найти мост и взять его под охрану. Я соберу роту и тоже - к мосту...

- Все в полном порядке, - ответил Яценко. - Меня учить не треба! За мной, хлопцы!

В районе железнодорожного моста велась сильная перестрелка. Японцы, несмотря на потери, в открытую бросались на десантников, пытались задержать их у моста.

В порту стрельба не затихала. Ожили туповерхие сопки, опоясывающие город полукольцом. С них стреляли пушки. Когда пробирались к шоссейному мосту, старшина Яценко высказал верную мысль: "Хоть японцы нас и не ожидали, жарко будет!"

До моста оставалось метров двести, когда на шоссе появились грузовики с японскими солдатами. Соскочив с машин, солдаты рассыпались в цепь и, что-то визгливо выкрикивая, бежали к мосту. Десантники-автоматчики, притаившись, подпустили их метров на сто и дружно ударили по бегущим. Японцы от атаки отказались, залегли и вели беспорядочный огонь из винтовок. Их офицеры то и дело вскакивали, безуспешно пытаясь увлечь своих обреченных вояк в атаку.

Тем не менее один японец подкрался со стороны берега и бросился с ножом на старшину. Не будь рядом Славы, он вонзил бы нож в спину Яценко. Котин дал очередь из автомата, и вражеский солдат, раскинув руки, упал навзничь.

- У, паршивый самурай! - не сдержался Яценко. - Глядите, офицер шашку обнажил, опять призывает своих в атаку... А ну, хлопчики, выдержку! Подпустить поближе.

Неожиданно справа грозно застучал "максим". К его голосу старшина Яценко за войну привык. Он что-то хотел еще сказать, но шагах в десяти разорвались сразу три мины, потом еще и еще...

- К берегу! Всем к берегу! - крикнул Яценко, на ходу стреляя в бегущих японцев.

Вражеские минометчики стреляли метко, и группа автоматчиков под командованием старшины вынуждена была отойти к берегу реки. Как нужна была в этот момент артиллерия! Но пока пушки с десантом не прибыли, а орудия кораблей не могли подавить невидимые цели.

Заняв оборону у реки, десантники остановили атаку японцев и задержали продвижение их автомашин к шоссе. Тем временем около сорока наших бойцов пробились по кукурузному полю к вражеской автоколонне с тыла. Неожиданная атака застала японцев врасплох...

Бой не затихал всю ночь. Утром обстрел из пушек и минометов с сопок усиливался. В группе Яценко пятеро убитых, семеро раненых. Патроны на исходе, гранат нет.

- Беги в порт. Там, чую, тихо. Найди капитана 1-го ранга

Якорева, который был с нами на катере, - приказал старшина Котину. - Доложи: срочно нужна Подмога!

Слава еще не успел уйти, как Борис Чуркин приволок за ворот раненого японского солдата. Маленький, коренастый, кривоногий.

- Захвати этого с собой, - сказал Яценко. - Может, командованию "язык" нужен... А ты, Чуркин, не самовольничай...

- Он сам гадюкой подполз ко мне, - оправдывался Чуркин. - Ранен в ногу, а ползет...

- Чего ждешь? - прикрикнул старшина на Котина. - Иди и без подмоги не возвращайся!

Прижимаясь ближе к реке и прикрываясь кустами, Слава тащил пленного километра два, но железнодорожного моста все еще не было видно. Пленный японец, припадая на левую ногу, шел нехотя, озирался по сторонам. Неожиданно он упал, закатил глаза под лоб и перестал дышать. Слава растерялся. Во фляге ни капли воды. Сбегал к реке за водой. Нагнулся, стал лить из каски воду в рот японцу и в это время почувствовал сильный удар в живот. Мгновенно оказался под японцем. Блеснуло лезвие ножа... Слава закрыл глаза и тут же же услышал непонятный приглушенный треск, словно надломился сучок дерева. Облегчение... Открыл глаза. Видит: стоят два парня. Японец лежит на боку, обхватив руками голову.

Один из парней с загорелым русским лицом, на голове копна русых волос, в обрезанных до колен рваных брюках и в ветхой полосатой тельняшке. Второй - кореец, чуть ниже ростом, в соломенной шляпе с большими полями и в длинной рубашке. Оба босые. Кореец держал в жилистых руках толстую суковатую палку.

- С ними нужно быть осторожным, - сказал русоволосый и передал отнятый у японца Славин кинжал. - Ему, подлому, помощь оказывают, а он тебя ножом в сердце... Вставай, красноармеец, мы свои. Я Сергей, а это мой друг Сун.

- А как вы оказались здесь? - растерянно спросил Слава.

- В яме сидели. Пули свистят... Пушки японские по домам бьют. Из города все убежали. Вот и мы спрятались. Всё видели. Опоздай мы на секунду...

Сергей объяснил, что он - русский, был с отцом Суна на советском торговом судне, потопленном японцами. Отец Суна спас его от верной гибели.

Если бы Слава в то время спросил, на каком именно корабле был Сергей, он узнал бы о судьбе своей матери. Но уточнять подробности времени не было. Главное, встретил друзей. Вместе добрались до железнодорожного моста, где наши бойцы начисто

разгромили японцев. Долго искали капитана 1-го ранга Якорева, и только вечером встретившийся солдат подсказал, где разместился штаб десантного отряда.

- Пленных у нас хватает, "языки" тоже есть, - сказал Якорев, когда Котин доложил ему обо всем. - А вот переводчиков нет. Выражаю вам, рядовой Котин, благодарность за этих ребят. Оставляю их при штабе. А ты веди пополнение в свою роту... Даю вам бойцов из резерва.

Под утро в синеве моря отчетливо были видны военные корабли. В порт подходили основные силы десанта - бригада морской пехоты под командованием генерал-майора В. П. Трушина.

16 августа военно-морская база Сейсин была полностью очищена от противника. На высоком здании города-порта развевалось подхваченное морским ветром красное полотнище флага!

Десантники радостно встретили подошедшие передовые части 1-го Дальневосточного фронта. В Сейсине состоялись многочисленные митинги, на которых выступавшие корейцы горячо благодарили советских воинов за освобождение от японских захватчиков.

И НЕ ТОЛЬКО ТОПИЛИ СУДА...

Людмила Николаевна в тот теплый летний вечер была в хорошем настроении. Радио сообщило об успешном наступлении советских войск под Орлом и Курском. Радовало и завершение трудного рейса в Америку. Скорее бы закончилась война... Нелегко женщине быть постоянно в плавании. Сколько было случаев нападения боевых кораблей на советские безоружные торговые суда и караваны.

Капитан судна, скупой на комплименты, за ужином в кают-компании заметил:

- Сегодня наш доктор в приподнятом настроении. Но насколько мне известно, Людмила Николаевна, мы придем в Советскую Гавань не раньше, как завтра к полудню, а вы уже в праздничном наряде.

- Сегодня у меня нет больных, товарищ капитан, - ответила врач, хочу вечером отдохнуть на верхней палубе. Море спокойное, теплое.

- Это прекрасно. Мы почти дома, - сказал капитан.

В кают-компании сразу повеселело.

Повар приготовил отменный ужин - напек пирожков с паштетом и заслужил похвалу моряков. Все улыбались, шутили. Радость вполне объяснима: завершался длительный очередной и небезопасный рейс в Сан-Франциско. Еще несколько часов - и

судно доставит в Советскую Гавань сгущенное молоко, яичный порошок, свиную тушенку в банках, медикаменты. Все это будет затем отправлено на фронт и детям. Команда сойдет на берег. Моряки ступят на родную землю. Людмила Николаевна напишет сестре в Читу, нет ли новостей о муже.

После ужина она вышла на палубу. Свободные от вахты моряки всматривались в сторону родных берегов. Попутный ветерок, теребя гладь моря, помогал кораблю прибавить скорость, и появлялась надежда прибыть в порт на часок-другой раньше. Мореходы говорят, что последние часы многодневного плавания кажутся вечностью.

Пожалуй, самые счастливые люди на корабле - радисты. Они постоянно держат связь с землей, знают что-то важное, интересное, но держат это в тайне. Только капитан имеет право на полную радиоинформацию.

Уже темнело, вода казалась черной. На палубу вышел и радист Сережа Сидоров. По-военному поприветствовал врача.

- Какие новости в эфире, юнга?

- Доктор, я давно уже не юнга, а радист второго класса, по должности - дежурный радиоузла, - сдержанно заметил Сергей. - А во-вторых, никаких новостей сообщить даже вам не могу.

- Ну, если не хочешь, - Людмила Николаевна взяла его за руку, побудь со мной. Ты уже порадовал нас всех передачей о наступлении наших войск.

Сережа был похож на ее Славу - такого же возраста, светловолосый, голубоглазый и всегда опрятный, - и это вызывало у врача материнское чувство к юноше.

- Ты счастливый, Сережа, - сказала она. - Дома тебя ждет мама... А мой Слава лишен такой возможности...

- Счастье не только в этом, - ответил Сергей, - счастье... это исполнение желаний, а мое желание - стать капитаном корабля, только оно не сбудется. Я совершил ошибку: бросил школу и закончил, как вы знаете, всего-навсего языковые курсы.

- Ну и что? Это же хорошо, - сказала Людмила Николаевна. - Ты прекрасный радист, знаешь японский язык, а тебе только шестнадцать лет. Учись в вечерней школе, а потом поступишь в мореходное училище, еще лучше - в военно-морское...

Сергей услышал то, о чем мечтал сам.

- Хорошо бы, - вздохнул он. - Но...

Договорить ему не удалось. Недалеко от корабля взбугрилась вода, и показалась подводная лодка.

- Торпеда!

Сергей вмиг бросился к Людмиле Николаевне и заслонил ее, как солдат в бою защищает своего командира.

Вслед за первой торпедой, прорезая на огромной скорости морскую гладь, неотвратимо неслась к кораблю вторая. В наступивших сумерках показалась всплывшая вражеская подводная лодка. Страшной силы удар, и блеснуло пламя... Взрыв. Еще взрыв...

Кто бы мог подумать, что в Японском море, недалеко от родных берегов, подводная лодка страны, с которой заключен пакт о нейтралитете, так вероломно нанесет удар по беззащитному торговому судну...

Все окуталось дымом, небо стало сдвигаться куда-то назад, все грохотало, трещало.

Людмила Николаевна почувствовала мгновенный удар и вслед за этим стала захлебываться соленой водой... Очнулась она не скоро. Ее бросало то вверх, то вниз, и она видела то небо, то лица незнакомых людей. Кто-то приблизился к ней, шевелил губами, видимо, что-то говорил, но она ничего не слышала. Догадалась, что она в баркасе. И снова забытье. Очнулась в темноте. Душно, и очень болит спина. Пошарила руками по сторонам: что-то твердое, сухое. Стала понемногу шевелить руками, ногами, поворачивать голову. В ушах сплошное шипение. Контузия. Дотронулась до ушей, почувствовала прикосновение своей руки. Да, ясно: слух восстановится. "Но почему так болит спина?" Опять забытье. Теперь очнулась она уже не на баркасе, а в просторном трюме.

Напрягая память, Людмила Николаевна мысленно представила себе, как все случилось. Взрывом ее выбросило в море, упала спиной, поэтому так болит позвоночник. "Если из баркаса меня перенесли свои, то почему здесь никого нет рядом?"

В мучительных догадках прошло немало времени. Людмила Николаевна была в бредовом состоянии, когда в трюме посветлело. В потолке зажглась маленькая электрическая лампочка. Возле лестницы стоял человек, он был в каком-то балахоне, лица не видно.

Людмила Николаевна приподняла голову, осмотрелась. Вокруг окованные железом ящики, она лежит на одном из них. Человек покачнулся и стал приближаться. Присел, поставил железную миску с едой и удалился. В миске была отварная рыба.

Теперь стало ясно: она на чужом судне. "Но где же другие, которых она видела на баркасе? Или все это ей показалось?"

Через несколько часов, а может быть через несколько суток, Людмила Николаевна услышала рокот мотора. Рокот усиливался, и где-то стукнуло. "Слышу. Я слышу!" - подумала она.

Стало светло, и опять возле лестницы появился человек. Он, как и в первый раз, поставил миску и большую кружку воды. На

этот раз в миске было немного рисовой каши. Когда человек ушел, Людмила Николаевна отпила несколько глотков воды и остатками умылась. Есть не стала. Мучил один вопрос: "Почему я здесь?"

Через несколько минут человек появился снова, и не один. К удивлению и радости, он привел Сергея. Лицо у юноши в кровоподтеках, ноги едва переставляет.

- Людмила Николаевна! Вы живы? Не бойтесь, говорите. Это японец, и он не понимает по-русски.

- Где я? Что с нашими? - спросила врач.

Сергей говорил торопливо, боялся, что японец уведет его.

- Всего лишь нескольких человек подобрали японцы. Всех допрашивали. Где наши люди, я не знаю.

- Я ничего не поняла, в голове гудит, плохо слышу, - уже не говорила, а выкрикивала Людмила Николаевна. - Повтори громче!

- Мы в пле-ну!! - громко, по слогам сказал Сергей. - Япо-нец тре-бует узна-а-ть, что вам нужно?

- Переведи: мне нужна медицинская помощь.

Сергей перевел. Японец учтиво поклонился.

И опять темнота. Затем пришли два японских матроса и унесли Людмилу Николаевну на допрос. В просторном кубрике за столиком сидел, оскалив крупные зубы, японец в черном костюме. После того как внесли Котину, привели Сергея. Он был в порванной одежде, босой.

Сначала японец улыбался, неторопливо кланялся, потом глаза его сверкнули, как обнаженные кинжалы, и на лице застыла брезгливая гримаса.

- Спросите у доктора, знает ли она, кто потопил ваше судно? прошипел японец.

- Я видела перед взрывами всплывшую подводную лодку, - ответила Людмила Николаевна. - Она могла быть только японской.

- Переведите! - посмотрев на Сергея и притворно улыбаясь, сказал японец. - Мы, японцы, спасли вас. Ваш военный корабль потопили американцы... - Японец откинулся на спинку кресла и задрал голову кверху, словно любовался потолком.

У Людмилы Николаевны не было сил спорить с этим негодяем, но попросила Сережу пояснить японцу, что убеждена - преступление совершили японцы.

Лицо у японца стало похоже на оскаленную морду кровожадного хищника.

- Мы спасли вас, доктор, и еще нескольких солдат и офицеров. Все уже отправлены к берегам СССР. Из-за вас мы

задержали переводчика. Вас не отправили по состоянию здоровья.

Сергей перевел слова японца и добавил:

- Он врет. Все наши товарищи после допроса исчезли. А с нами они что-то не торопятся...

- Переведи ему: японцы потопили наше торговое судно с продуктами для детей, а не боевой корабль. Мы не нарушали территориальных вод! И последнее: что он от меня хочет?

Японец опять заулыбался, стал кивать головой.

- Извините, мы не знали, кого спасали. Нам известно только одно: ваш корабль потоплен американцами. Вам окажут врачебную помощь, предоставят отдых и переправят в СССР. Людмила Николаевна готова была поверить. Но Сергей, насмотревшись допросов и испытав на себе жестокость японцев, не верил ни одному его слову.

- Что она говорит? - спросил японец.

- Врач требует, чтобы не держали ее в погребе, - настойчиво потребовал Сергей. - И чтобы дали лекарство, постель и воду.

- Мы удовлетворим просьбу доктора, - пообещал переодетый в штатский костюм офицер, - если она прекратит клеветать на его императорского величества флот, что наша подводная лодка потопила ваш корабль. - Японец заулыбался и прижал ладонь к груди. - Мы всегда готовы помочь русским, тем более русской женщине.

- Я не буду этого переводить! - возразил Сергей. - Вы врете!

- Доктора в отдельную каюту со всеми удобствами! - приказал офицер. Переводчика в трюм. Пусть подумает, прежде чем говорить.

В течение следующих суток Сергея не допрашивали. Он сидел со связанными назад руками в том же трюме, в котором до него находилась врач Котина. Потом его перевели в кубрик, и все тот же офицер, только теперь он был в мундире, сказал ему по-японски:

- Забирайте одежду. Вы будете моим переводчиком. Вы не отрицаете, что врач Котина во время торпедирования советского торгового корабля находилась рядом с вами?

- Нет, не отрицаю. Мы были вместе, - ответил Сергей.

- Врач Котина сказала, что она отчетливо видела на подводной лодке, которая потопила советское судно, американские опознавательные знаки... Вы тоже видели?

- Нет, я не видел. Было темно, - ответил Сергей и заметил на столике записывающий аппарат - магнитофон.

Врача Котину и радиста Сергея Сидорова поместили в разных каютах, дали одежду, кормили. К Сергею приходил японец в белом халате, смазывал раны и синяки, полученные на допросе.

Однажды он принес Сергею газеты; в них сообщалось, что американская подводная лодка потопила в Японском море советское торговое судно, а японский рыболовный корабль спас команду, в составе которой женщина и подросток.

- Всех вас сначала приняли за советских офицеров с боевого корабля, заговорил японец. - У нас есть данные, что ваши торговые суда помогают американцам. А мы с американцами воюем. Теперь ясно: американцы потопили ваш корабль не случайно - они хотят рассорить СССР с Японией. Под нашим флагом они встречают ваши торговые суда и топят их...

- Я не знаю, зачем из нас хотят сделать ложных свидетелей. Все это шантаж, - сказал Сергей. - Передайте командованию, что мы просим отправить нас домой.

Через три дня Сергея привели в кубрик, где японский офицер допрашивал русских матросов.

- Переведи, - приказал офицер. - Советское торговое судно потопили американцы. Мы подобрали некоторых русских матросов и хотим доставить их в корейский порт, потому что наш корабль Владивосток не принимает.

После того как Сергей перевел сказанное японцем, один матрос в гневе выкрикнул:

- Это неправда! Японец заставляет нас подписать бумагу, что нас потопили американцы...

Когда Сергей перевел сказанное матросом, японец велел увести русского матроса.

- Они не подпишут ложные показания, - сказал Сергей.

- Всех в трюм! - приказал японец.

Судьба матросов была трагичной. Японцы связали каждого из них и бросили в темный трюм без воды и пищи.

Радиста Сидорова пощадили по одной причине: он знал японский и мог понадобиться им в качестве переводчика.

Ночью кто-то ключом открыл дверь каюты, в которой спал Сергей, и бросил на постель спасательный жилет. Сергей подумал: провокация. Он спихнул на пол шуршащий сухой жилет и сказал по-японски: "Постель занята". Человек бесшумно подскочил и торопливо заговорил, мешая русские и японские слова: "Я корейца... Тебя спасать будет. Близко берег... Бросайся в море..."

"И все-таки провокация. Только выйду из кубрика, и меня бросят за борт... А вдруг это... спасение?"

- Куда идти? - спросил Сергей по-японски.

- За мной! Быстро! - ответил человек. - Очень быстро!

Пробежав по узкому коридору и поднявшись на палубу, Сергей столкнулся с часовым. Оторопел. Матрос отвернулся,

словно не заметил беглеца.

Было предрассветное время. Моросил дождь. Сергей, оказавшись у кормы, торопливо надел жилет и прыгнул за борт...

В 1946 - 1948 годах в Токио шел судебный процесс над главными японскими преступниками. На этом процессе выяснились многие злодеяния, совершенные японскими военными на протяжении всего времени подготовки и хода второй мировой войны.

На суде подтвердилось, что морские пираты Японии за 1941 - 1945 годы потопили десять советских транспортов.

Тогда же бывший главнокомандующий японской Квантунской армией генерал Ямада в ходе предварительного следствия признал себя виновным в том, что осуществлял непосредственное руководство работой бактериологических отрядов "731" и "100" по изысканию наиболее эффективных способов применения бактериологического оружия и его массовому производству для военных целей. Другими словами, признал себя виновным в том, что осуществлял непосредственное руководство подготовкой бактериологической войны против СССР, Китая, Монголии, Англии, США и других стран.

Японские особые отряды и их филиалы были расположены поблизости от границы с Советским Союзом. Работу бактериологических лабораторий возглавлял генерал-лейтенант медицинской службы С. Исии. В лабораториях изготовлялись бактерии чумы, холеры, сибирской язвы, тифа, газовой гангрены... Смертоносные средства испытывались на людях. Ежегодно только для одного отряда "731" японская жандармерия поставляла до 600 человек. Ни один из них не остался в живых.

На суде стало известно, что многие подобранные в море советские, американские, китайские граждане, а также военнопленные и дети, схваченные в результате бандитских нападений на монгольские и китайские селения, отправлялись в специальные лаборатории для испытания на них смертоносных бактерий.

Все это не плод воображения, а неопровержимые факты, признанные самими же преступниками, запротоколированные на суде в Токио на многих языках мира.

Среди тех, кто был доставлен в филиал бактериологического отряда для испытания на них невидимого смертоносного оружия, оказались и судовой врач Котина и все оставшиеся в живых из команды торгового судна.

"Изобретатели смерти" не торопились испытать действие бактерий на Людмиле Николаевне. Они заставили ее лечить зараженных людей. Возможности выживания больных

интересовали японских бактериологов.

Людмила Николаевна подчинилась, чтобы хоть немного продлить жизнь людям и облегчить их страдания. Согласилась и потому, что при удобном случае надеялась бежать.

ШАНГО - ХОРОШО!

До города оставалось километров десять, когда выдвинувшимся вперед подразделениям было приказано остановиться. Из-за колючего кустарника, где укрылась рота лейтенанта Василия Салыкина, были видны крыши пригородных домов и две высокие трубы, из которых валил черный дым. Почему остановка солдаты не знали. Быть может, впереди противник? А может, следует ждать, пока подойдут главные силы армии? Ротам и батареям было приказано находиться в готовности отражать нападение противника со стороны города.

Дотемна рыли в каменистом сухом грунте неглубокие траншеи, устанавливали пулеметы и орудия, потом ужинали в потемках, и команда "отбой" была дана только в полночь.

После гибели командира роты Мякова произошла перестановка. Котин и Колобов получили повышение в должности: первый стал командиром взвода, второму доверили отделение. В отделении тринадцать солдат. Все новички, прибывшие из резерва. Молодые и необстрелянные.

Колобов в действующей армии с сорок первого, прошел рядовым стрелковой роты от Москвы до Берлина, несколько раз лежал в госпиталях, но никогда не командовал солдатами. Получив в подчинение отделение, он преобразился: перестал балагурить и говорить стал с хрипотцой, не торопясь. Он знал всех своих бойцов. С солдатами Колобов умел ладить. С каждым поговорит, у каждого проверит оружие, обувь, обмундирование. При обходе всех спросит: сыт ли, не болит ли что и найдет минуту для беседы. Рассказывал солдатам о былых сражениях. Для молодых воинов - "академия".

В ту ночь отделение Колобова разместилось под навесом, где хранились высохшие стебли кукурузы. Приказав часовому смотреть в оба, командир расстелил шинель и улегся на мягкую постель рядом со своим другом сержантом Котиным.

- Давно не спал под навесом, - сказал он, подсовывая под голову вещевой мешок. - Здесь мы хорошо отдохнем...

Только заснул Колобов, как послышался требовательный голос:

- Товарищ командир, срочно в штаб! И на одной ноге!..

- Это почему же на одной? - удивился сонный Колобов, застегивая ворот гимнастерки.

- Комбат так сказал. - Солдат кинул за спину автомат. - Не

отставай, Котин!

- А я не Котин, я - Колобов.

- А зачем же вскочил? Где Котин?

- Здесь я, - отозвался сержант. - Остаешься за меня, Колобов.

- Есть остаться за командира! - отчеканил Колобов.

Небольшая походная палатка командира батальона была недалеко, но темной ночью в зарослях полыни без проводника найти ее невозможно.

На складном столике светили два карманных фонарика. Один - ярко, а другой - тусклым красноватым светом.

Майор взял фонарик, который светил ярко, и навел луч света на человека в длинной беловатой рубахе. Он был небольшого роста и босоногий.

- Этот китайский патриот знает, где притаились камикадзе. Знаешь, кто это такие? - спросил майор. - Смертники.

- Слышал, но ни разу не видал, - ответил сержант Котин.

- Век не видать бы их! - в сердцах бросил командир батальона. Заживо продали себя императору, а когда узнали, что Квантунская армия разбита, не против в живых остаться...

Майор осветил сержанта с головы до ног, потом остановил круг света на впалой груди китайца и стал говорить громко, словно туговатому на ухо собеседнику:

- Вот ему покажи, товарищ, где ты повстречал смертников. Он пойдет со своими солдатами и возьмет в плен всех камикадзе. Можешь указать то место?

- Они за слива-дерева попрятались близко от дороги, а утром будут бросаться под ваши танки. Я знаю... Это опасный японский солдат. Но у них нет винтовки. И совсем мало их, только пять.

- А ты откуда так хорошо знаешь русский язык? - поинтересовался майор.

- О! Я был слуга у русского эмигранта. Генерал Богоявленский. Он уже умер, а его семья совсем близко. Я за скотом смотрю. - Китаец поклонился.

- Надо бы проводнику обувь дать какую-нибудь, - предложил Котин. Как-то неудобно: мы в сапогах, а он разутый.

- Нет, не надо, совсем не надо, - возразил китаец. - Обувь делает громко шум, а мы подкрадемся тихо...

- Понял, Котин? - спросил майор. - А если понял, то всему взводу разуться. И тихо. Вот он говорит, что они залезли в земляные норы и сверху закрылись кукурузными стеблями. Задача: подкрасться и всех взять в плен! Если будут сопротивляться или убегать, уничтожить! Все ясно? Выполняй!

Китаец опять поклонился майору, но на этот раз сложил ладони перед своим лицом.

Когда вышли из палатки, китаец схватил шершавой рукой руку сержанта и заговорил взволнованно:

- Спасибо, товарищ, спасибо. И не бойся, это трусливые японцы. Я говорил с одним камикадзе. Я пас волов, а он подошел ко мне и сказал: "Япония потерпела крах, нет смысла умирать за императора". Значит, они уже не настоящие камикадзе. Я ему ответил: "Сдайся русским, они справедливые, пленных не убивают". Но он трясет головой: "Нет, смертников убивают".

- Чепуха, конечно, - сказал Котин. - Мы не уничтожаем военнопленных. Ну, пошли, я подниму свой взвод.

Как приказал майор, весь взвод разулся. На ноги намотали портянки. Котин и Колобов проверили у каждого солдата снаряжение, не гремит ли что. Котелки и саперные лопаты оставили на месте.

Всем, кто в ту ночь вышел на боевое задание, была поставлена конкретная задача: с кем идти рядом, по какому сигналу набрасываться на врага. Было решено развернуться в цепь и прочесывать придорожную местность до самого моста.

Но когда через час-полтора пришли на место, китаец вдруг сказал, что принятый маневр плохой, опасный, и пояснил:

- Как только будет схвачен хоть один смертник, все другие убегут или подорвут себя.

- Что ты предлагаешь? - спросил сержант.

- Моя думает так: вы притаитесь. Моя будет кричать по-японски: "Сдавайтесь, Красная Армия обещает сохранить вам жизнь. Зачем умирать за императора? Японская армия уже разгромлена. Вы все окружены". Я - китайца, люблю СССР и добра хочу...

- Послушай, сержант, он дело говорит, - сказал вполголоса Колобов. Эти смертники враз могут взорвать и себя, и наших ребят, если мы не успеем скрутить им руки.

Китаец взял руку Котина и прислонил к своей груди:

- Вот мое сердце говорит, что надо делать.

- Согласен. Но не подходи к ним, мил человек, близко. Смертник может ударить ножом.

Проводник быстро исчез в ночи.

Минут через пять-шесть он что-то выкрикивал вдали на японском языке, перебегая с места на место. Его голос слышался то слева, то справа. Потом стало тихо, но не надолго. Проводник опять стал что-то выкрикивать, и, как показалось Котину, кто-то ему кричал в ответ.

- Отозвался один, - сказал Колобов. - Может, я побегу туда с ребятами?

- Давай! - согласился Котин. - Но тихо.

Едва ефрейтор Колобов с пятью солдатами ушел вперед, как на дороге неожиданно вырос темный силуэт человека. Он стоял на одном месте. В темноте невозможно было увидеть, есть ли у него оружие.

- Ложись! - приказал шепотом сержант. - Не стрелять.

Человек зашевелился, но с места не двигался. Потом что-то крикнул, словно протявкал щеночком, и исчез.

- Пинтохин, Лыков! Тихо вслед за ним! Напасть незаметно. Мгновенно заломить руки, чтобы он не успел взорвать заряд.

- Есть! - ответил Пинтохин. - Коля, за мной!

Не прошло и минуты, как послышался бас:

- Знамо, не вырвешься!

Вскоре Пинтохин вместе с Лыковым, таким же могучим солдатом, приволокли смертника, увешанного, как парашютист, сумками. Японец что-то бормотал, крутил головой, но не сопротивлялся, не пытался убегать.

- Вот досада, никто не знает, что он говорит... - сокрушался сержант Котин. - Снимите с него взрывчатку, - приказал он.

- Товарищ командира! - кричал из темноты проводник. - Эй, эй! Товарищ!

- Мы здесь! - отозвался Котин.

- Не стреляй, товарищ командира! Это мы: один китайца и три японца...

- Сюда, мы ждем! - еще раз крикнул сержант.

Смертники были увешаны взрывчаткой, заложенной в прочные брезентовые сумки. Никто из них не мог сам снять смертоносный груз, намертво застегнутый их командиром.

- Они просят, - сказал проводник, - убить их здесь, чтобы император на том свете не узнал, что их взяли в плен...

- Мы гарантируем жизнь всем, кто сдался в плен, - объяснил Котин. - А император японский теперь не накажет солдат. Все японские войска окружены и сдаются в плен.

Китаец долго объяснял что-то японским солдатам.

- А где же еще один? - спросил Котин. - Ты сказал, что видел пятерых.

Китаец не успел ответить. Не так далеко тишину распорола автоматная очередь, а потом блеснуло пламя и раздался взрыв.

Японцы что-то говорили, взволнованно размахивали руками и порывались бежать туда, где раздался взрыв.

Вскоре появился Колобов со своими солдатами.

- Убегал, - доложил он. - Я полоснул вверх, чтобы напугать, а он, дурак, взорвался.

- Знамо, взорвался, вон как громыхнуло, - заключил флегматичный Пинтохин.

- Слушай, товарищ, - обратился Котин к проводнику, - спроси у японцев, есть еще смертники здесь?

- Нет, больше нет, - ответил проводник. - Уже спрашивал. - Он стал разговаривать с японскими солдатами, подскакивал то к одному, то к другому, а потом перевел: - Они говорят, что мост заминирован и, возможно, там за рекой есть охрана.

- Ну, что ж, - заключил сержант. - Срочно возвращаться к своим!

В пути один из японцев не умолкая говорил проводнику, а тот переводил, что он еще молодой солдат и не отвечает за присягу, которую дал императору. Зачем умирать, если он не жил, как другие камикадзе, не имел много денег. Старые, ожиревшие камикадзе могут умирать, потому что они ели сколько хотели, имели много денег. А в его семье восемь детей...

Другой японец сказал, что у камикадзе три смерти: от взрыва своей взрывчатки, а если струсил, то от сабли командира, и от пули врага, если сдался в плен...

- Враки! - сказал Колобов. - Ни одного пленного мы пальцем не тронем. А вот японцы зверствуют над нашими людьми.

- Знамо, - согласился Пинтохин. - Мне один земляк в полку сказывал, что эти смертники целыми ротами набрасываются. И как очумелые. Их лупят, а они лезут да еще орут по-своему: "Умрем за императора! Банзай!"

- Разговоры прекратить! - потребовал сержант. - Прибавить шаг!

...Ночная темь уже растворялась, и Котин заметил, что один японец удивленно посматривает на его ноги.

- Послушай, товарищ, - обратился он к проводнику, - объясни японцам, что Красная Армия не босиком ходит. У нас есть сапоги, а на боевое задание пошли нарочно без сапог.

- Шанго, - ответил китаец, но переводить не стал. Лишь ворчал тихо по-русски: "Японский закон грозит китайца смертью за то, что китайца ест рис... Полиция ни за что забирает китайца, до смерти травит собаками... Китайца ненавидит японца".

Маршал Малиновский, прочитав донесение штаба, в котором сообщалось о захвате в плен смертников, написал на уголочке листа: "К награде всех!"

- Интересное донесение, - сказал он члену Военного совета генералу Тевченкову. - А кто-то доказывал мне, что смертники не сдаются... Вот почитайте, что сообщает один полк.

Пока генерал читал донесение, маршал изучал другие документы и делал пометки на полях.

- А вот полюбуйтесь, - восторженно сказал Родион Яковлевич и стал читать вслух: - "При бомбардировке г. Хайлар

авиационными силами Красной Армии подчиненные мне войска отступили в местечко Шиньсхен и в данное время находятся здесь в составе 1000 с лишним всадников. Только что, сейчас, то есть в 6 часов утра 11 августа, я услышал, что войска, вверенные Вам, вступили в местечко Улан-Дарган. А поэтому спешу доложить Вам о своем желании со всеми моими силами вступить под Ваше высокое покровительство". Каково? - спросил Малиновский. - Это пишет командующий 10-м военным округом Маньчжоу-Го генерал Чжоу Линь командиру нашего 94-го стрелкового корпуса генералу И. И. Попову.

- Нет ничего разумнее, - ответил генерал, - как всем японским войскам поскорее сложить оружие. О решении Военного совета фронта добровольно перешедшие на сторону Советской Армии маньчжуро-монгольские части разоружать, а личный состав распускать по домам им известно.

- Нужно сообщить об этом Главнокомандующему, - сказал Родион Яковлевич. - Думаю, что Александр Михайлович (он имел в виду маршала Василевского) вылетел во Владивосток. Самое время активных действий Тихоокеанского флота.

Маршал хотел еще что-то добавить, но явился адъютант и доложил, что самолет готов к вылету. В то утро командующий фронтом решил побывать на командном пункте командующего 17-й армией генерала А. И. Данилова, куда должен был прибыть для согласования вопросов взаимодействия командующий конно-механизированной группой генерал И. А. Плиев и начальник штаба Вооруженных Сил на Дальнем Востоке генерал С. П. Иванов.

- Поинтересуйтесь, Александр Николаевич, - прощаясь с членом Военного совета генералом Тевченковым, сказал Родион Яковлевич, - сдаются ли воинские части противника на других фронтах?

От Тамсаг-Булака на востоке МНР, куда перебрался из Читы почти весь штаб Забайкальского фронта, до КП 17-й армии на ПО-2 чуть больше часа полета. Внизу - порыжевшая под палящим солнцем скупая степь. Лишь кое-где пасутся табунки лошадей, белеют жилища монголов. Земля словно кнутом иссечена. Многочисленные колонны машин и танков оставили продольные длиннющие узкие колеи. Кое-где стоит неподвижно танк или автомашина видимо, вышли из строя во время бурного продвижения войск из районов сосредоточения. Бегут навстречу друг другу автоколонны.

Родион Яковлевич стал прикидывать в уме, на что обратить внимание командующего конно-механизированной группы советско-монгольских войск. Прежде всего - учитывать условия

местности. Пока - степь, а впереди будут горы. Нельзя отставать, нужны мощные передовые отряды, нужна надежная авиационная разведка. Письмо, которое прочитал генерал Тевченков, подсказывало: сначала нужно установить, не хочет ли гарнизон сдаться в плен без боя, не выбросил ли белый флаг? И только в случае сопротивления нанести бомбовый удар, а вслед за ним артиллерийский налет. Значит, нужно изменить тактику выдвижения артиллерии. Поскольку у противника нет авиации, можно иметь артиллерийские полки в первом эшелоне наступающих войск. Им не угрожает нападение с воздуха.

Мысленно Родион Яковлевич вел разговор с генералами, которые ожидали его на командном пункте. Он знал их хорошо. Генерал Иванов молодой, ему только 38 лет. Высокий, статный. Во время Сталинградской битвы был начальником штаба 1-й танковой армии в звании полковника. В декабре сорок второго Иванов уже генерал - начальник штаба Юго-Западного фронта, затем начальник штаба Воронежского, Закавказского, 3-го Украинского фронтов. Опыт у молодого генерала богатый.

Такой же молодой и энергичный Исса Александрович Плиев - командующий конно-механизированной группой. Сын бедного крестьянина-осетина начал службу в Красной Армии в 1922 году рядовым в отряде особого назначения. Ветеран красной кавалерии. И не случайно его, прославленного командира кавалерийских соединений, Героя Советского Союза, назначили командующим советско-монгольской конно-механизированной группой войск.

Еще в 1936 году по приглашению правительства Монгольской Народной Республики Исса Александрович был направлен в составе группы советских военных специалистов на должность инструктора штаба Объединенного военного училища Монгольской народно-революционной армии. За три года он овладел монгольским языком, узнал особенности театра военных действий, где теперь возглавляет мощную группу советских и монгольских войск.

В боях под Москвой, когда погиб легендарный генерал Доватор, его место занял Плиев и успешно командовал кавалерийским корпусом.

Родион Яковлевич вспомнил, как создавал у себя на 3-м Украинском фронте конно-механизированную группу в составе 4-го гвардейского кавалерийского и 4-го гвардейского механизированного корпусов с частями усиления. Командующим группой был назначен генерал-лейтенант Плиев.

Войска группы Плиева в первых числах апреля сорок четвертого года в распутицу вышли в тыл противника и, развивая

наступление по Черноморскому побережью и устью Днестровского лимана, первыми ворвались в Одессу - в родной город Родиона Яковлевича Малиновского. А затем, совершая рейд по тылам противника, конно-механизированная группа под командованием генерала Плиева обеспечила окружение и разгром частей 6-й немецко-фашистской армии. Малиновский писал представление о присвоении генералу Плиеву высокого звания Героя Советского Союза...

- Идем на посадку! - доложил летчик.

- Вот и хорошо, - ответил маршал.

ГОЛОСА УМЕРШИХ

Непроглядная и сырая тайга, лесные завалы, топи, многокилометровые болота и поросшие кустарниками каменистые сопки изнурили эскадрон. В трясинных местах к ногам лошадей привязывали мешки, набитые сеном, чтобы лошади хоть как-то смогли преодолеть непроходимые участки. Животные осунулись, на боках выпирали ребра. Ослабевшие лошади падали на колени, словно выпрашивали отдых.

Вечером в узкой лесистой долине пробираться по нагромождению камней стало невозможно. Командир эскадрона принял решение - до рассвета отдохнуть. Требовалось привести всадников и коней в порядок и разведать маршрут. Многие кони - в травмах и ссадинах. Даже Звездочка, привыкшая к лесу, расцарапала шею. Она стояла у замшелого валуна и, посматривая на Мирона, фыркала, била передней ногой, требовала воды. Но лошади покрылись потом, тяжело дышали, и поить их было рано.

Комары осатанело набрасывались на лошадей и на людей. Животных солдаты укрывали плащ-палатками, шинелями, попонами. Себе на голову набрасывали полотенца, прорезав для глаз узенькие щели.

Едва закончили поить лошадей и дали им торбы с овсом, как привезли в больших термосах ужин.

После ужина майор Лунь вызвал к себе в палатку командира взвода Степу и рядовых Ефимова и Судакова.

- Садитесь, иначе затылками палатку со штырей сорвете. Росточком бог не обидел. Видал, как Судаков садится на коня, - улыбнулся майор. - Словно на мотоцикл... Два метра или больше?

- Утром сто девяносто восемь, - ответил Антон Судаков на привычный вопрос, выставив свой угловатый кадык. - К вечеру чуток меньше.

Словно для смеха, лошадь у Судакова, по кличке Дылда, была самая маленькая в эскадроне, но сильная и хорошо шла по камням.

- И ты, Степа, садись, - сказал майор, обращаясь к

лейтенанту, больше не вырастешь.

Лейтенант, фамилия которого действительно была Степа, сел на свободное место рядом с майором.

В разговоре с солдатами командир умел пошутить, многих называл по имени, но приказы отдавал требовательным тоном и коротко.

- Собирайтесь в пешую разведку, - приказал он. - Цель: определить возможность продвижения эскадрона по долине. В бой с противником не вступать. Доложить мне в пять ноль-ноль. Все. Идите!

Мирон спросил:

- А кто за моей Звездочкой присмотрит?

Лейтенант незаметно толкнул локтем Мирона, а когда вышли из палатки, сказал:

- Ну что ты беспокоишься? Присмотрят. Готовься и через пять минут ко мне!

У Мирона не было часов. Он в уме считал до шестидесяти и зажимал палец. Пальцы уже в кулаке, а тут появилась Женя Лунь.

- Иду в разведку, присмотри за моей Звездочкой, - попросил Мирон.

- Все сделаю. Хочешь, одолжу портянки сухие? Ноги натрешь в сырых-то... - Женя достала из противогазной сумки фланелевые портянки. Бери, а свои оставь, я их постираю...

- Чудная! Я и сам постираю, - ответил Мирон и услышал свою фамилию. Его звал лейтенант.

- Заснул? - спросил Степа. - Все проверил: оружие, обувь?

- Вот переобуться не успел, - признался добродушно Мирон. - Не догадался сырые снять...

- Даю одну минуту! - приказал лейтенант. - А вам что, Лунь?

- Да так, ничего, - ответила Женя. - Жду, пока переобуется Ефимов, возьму мокрые портянки.

- Что за опекунство?! - рассердился лейтенант.

Женя не стала пререкаться со Степой, но и не ушла, дождалась, пока Ефимов переобуется. В сухих фланелевых портянках ногам было приятно, и в душе Мирон по-братски благодарил Женю.

...Шли разведчики быстро и почти беззвучно. Ориентиром был журчащий ручей, местами падающий с камней. Впереди пробирался лейтенант, за ним Мирон, а последним - длинный Антон. В темноте одинокий куст казался Мирону танком, а пень - часовым. Под ногами сплошные камни. Ручей петлял и местами разливался в небольшие омутки, преграждавшие путь разведчикам. На обход омутков тратилось время, которого и без того не хватало.

Вдруг кто-то фыркнул, как лошадь. Кусты зашевелились, вода булькнула, и опять тишина. Антон, наткнувшийся сзади на Мирона, чертыхнулся и, переводя дыхание, высказал свое предположение:

- Олени... Их тут много.

- Вперед! - шепнул лейтенант, словно его совершенно не интересовало, кто шарахнулся через ручей.

Где-то далеко громыхали орудия. Сколько километров прошли, разведчики определить не могли. Ручей петлял, но через три часа темнота растворилась. Сопки и деревья словно провалились. Над поросшей высокой травой равниной стелился густой волнистый туман. Вдали видны крыши больших приземистых домов. Они казались лодками на белых волнах, перевернутыми днищами вверх.

- Это казармы, - высказал предположение лейтенант Степа. - Рядовой Ефимов, притаись и продолжай наблюдение. Задача: определить численность гарнизона. - Лейтенант снял с руки часы. - Примерно в шесть часов они проснутся, и не трудно будет определить, сколько их. Ровно в семь прекращай наблюдение и возвращайся. Бери часы. А ты, Судаков, со мной.

- А вдруг это не казармы, тогда что делать? - спросил Мирон.

- Выяснить! - приказал Степа. - Главное, установить, сколько там людей? У меня время истекает, не отставай, Судаков.

- Да уж постараемся, товарищ лейтенант, - флегматично ответил Судаков. - Дорога теперь знакома.

Оставшись один, Мирон, пригнувшись, пошел вперед. Решил подойти к домам поближе. Росистая трава и гигантские лопухи до пояса. Сразу же промок насквозь. Продвинулся ненамного и вышел к забору из колючей проволоки с подвешенными сигнальными устройствами из кусков рельсов, пустых жестяных банок и листов жести. Выбрав куст, Мирон притаился там, навел бинокль на длинные дома, похожие на бараки. Отчетливо были видны три небольших дома, из которых то и дело выходили люди в белых халатах.

"Госпиталь", - заключил Мирон.

Когда развеялся туман, в бинокль стали хорошо просматриваться все строения. До них километра два. А в нескольких шагах от Мирона - большие свежевырытые ямы и кучи земли возле них. Вдруг из одной ямы высунулась рука, потом показалась голова с растрепанными женскими волосами. Вскоре голова исчезла, а рука шевелила пальцами, что-то хватала. Опять на мгновение появилась голова. Мирон догадался: человек пытается выбраться из ямы. Мирон руками разгреб землю, прополз под колючей проволокой, приблизился к куче глины. В

нос ударил резкий трупный запах. Опять высунулась голова. Руки судорожно вцепились в глину. Глаза смотрели на Мирона. У него похолодело в груди.

Мирон навел бинокль на городок: не следят ли за ним? Подполз ближе. Женщина затрясла головой и выставила вперед руку с растопыренными пальцами:

- Нет! Нет! Нельзя сюда! - еле выговорила она по-русски срывающимся голосом. - Здесь смерть!

Мирон с трудом пришел в себя.

- Не бойтесь... - прошептал он. - Только тихо! Не бойтесь...

- Сынок... Василек... Ты пришел за мной. Я умираю, не приближайся... Уходи... Тут смерть...

Женщина вздрогнула, глаза еще больше округлились, рот раскрылся. С приглушенным стоном она сползла вниз...

Мирон заглянул в яму и ужаснулся. Там были трупы, много трупов. В углу со склоненными головами - дети. Никто не подавал признаков жизни. Среди синюшных скелетоподобных тел он уже не смог отыскать глазами ту, которая назвала его Васильком.

Задыхаясь от смрада, Мирон шарахнулся к изгороди. Потом вскочил и побежал по камням в ту сторону, где был его эскадрон. В глазах потемнело, и он упал.

Очнулся от прикосновения чьей-то руки. Он раскрыл глаза, увидел склонившуюся над ним Женю.

- Ты что дрыхнешь на камнях? - удивленно спросила она. - Чего моргаешь, как филин? Очнись!

- Упал, вот и лежу. А где все? - Мирон вскочил. - Надо срочно спасать людей... Ты уже знаешь? Там - в яме...

- Меня за тобой послали. Срочно уходим. А больше я ничего не знаю... - сказала Женя и ловко прыгнула в седло. - Не видишь, Звездочку привела. Она соскучилась по тебе... Без повода бежала за мной. Поднимайся, тебя ждут...

Женя пустила коня в галоп. Мирон догнал ее возле крутой сопки, где хозяйственники эскадрона укрепляли на конях вьюки. Обняв голову лошади, Женя смеялась:

- Ну и разведчик...

Ефимов подъехал к старшине и сбивчиво, волнуясь, доложил о том, что видел вблизи домов, похожих на бараки.

- Давай скорее к майору! Догони и доложи...

Конь под Женей вздыбился и рванулся вперед, вытянув шею. Мирон едва успевал за всадницей. В ушах свистел ветер и, казалось, доносил голос женщины: "Сынок... Василек... Уходи... Тут смерть..."

В то предрассветное туманное утро, когда Мирон, находясь в

разведке, обнаружил ямы с трупами, японский генерал-лейтенант медицинской службы Исии, руководитель специальных, тщательно засекреченных бактериологических формирований, еще находился в филиале отряда "731". Он задержался не случайно. Здесь по его "научной" методике проверялась возможность выживания женщин и детей, зараженных холерой, чумой, газовой гангреной. При активном лечении и без лечения. В филиале испытывались на людях не только бактериологическое оружие, но и удушливые газы, различные сильные яды. Генерал имел приказ: замести следы злостных преступлений. В связи с подходом Советской Армии надо было срочно ликвидировать все пункты, где бактерии испытывались на людях и животных. Лошадей, быков, собак, птиц и даже пресмыкающихся заразили и выпустили на волю...

Приказ уже отдан. Однако в маньчжурском филиале, самом удаленном от жилых районов, надежно запрятанном и прикрытом с севера непроходимыми болотами и тайгой, генерал Исии решил побывать сам. Там сосредоточены документы многолетних испытаний. Нужно вывезти их в Японию. "Научные труды" еще пригодятся. И в том же филиале оказалось отделение выживания зараженных людей. Лечила больных врач Котина. Она знает слишком много, и генерал должен убедиться, что она мертва...

В филиале не было ни радио, ни телефона. Так было нужно японскому командованию. Генерал отдал распоряжение уничтожить всех подопытных людей, в первую очередь - русского врача, забрал ценные для него бумаги, сел в единственный имевшийся в филиале грузовик, поскольку его машина сломалась, и уехал в Харбин. Он пообещал выслать специальный транспорт с охраной за персоналом и "ценным" грузом. Исии уехал в ту самую минуту, когда Мирон подползал под проволочным заграждением. В суматохе японцы не слышали звуков сигнала, доносившихся с северной стороны забора.

В то время ни Мирон, ни командир отдельного разведэскадрона майор Лунь не знали, что напали на японскую лабораторию смерти. Командование эскадроном было единого мнения: в домах барачного типа за проволочными заграждениями располагается лагерь узников. Об этом свидетельствовали ямы, наполненные трупами людей. Майор Лунь принял решение: немедленно атаковать гарнизон, уничтожить охрану и спасти узников.

Доложив о принятом решении в штаб армии по радио, командир эскадрона получил ответ: "Действуй!"

Сосредоточив весь эскадрон за сопкой, майор вместе с командирами подразделений выехал ближе к объекту атаки.

Нужно указать командирам, с какого рубежа и в каком направлении атаковать, согласовать действия по времени. Часа через два офицеры возвратились. Командир эскадрона приказал построиться без коней.

- Слушайте боевой приказ, - сказал майор перед строем. - Через тридцать минут атаковать гарнизон численностью до ста вражеских солдат. Предположительно мы обнаружили японский лагерь узников. Он охраняется сторожевыми постами. Гарнизон за колючей проволокой в три и четыре ряда. Наша задача...

Командир поставил каждому подразделению боевую задачу.

Взводу лейтенанта Степы было поручено сделать проход в проволочном заграждении и ударить неожиданно с фланга.

- Враг может попытаться скрыться в труднопроходимом лесу. А поэтому группе автоматчиков с одним пулеметом быть там, где Ефимов вел наблюдение, - приказал майор. - Старшим назначаю Ефимова.

Майор назвал фамилии пяти солдат и вызвал Мирона из строя.

- Галопом туда, где ты видел ямы. Ни один японский солдат не должен скрыться в лесу.

- Есть! - ответил Мирон.

- По коням! - приказал командир эскадрона.

К Мирону подъехали пять кавалеристов, выделенные в его подчинение.

Мирон, хотя и робел командовать солдатами старше его по возрасту - а у одного из них на выгоревшей гимнастерке был орден Отечественной войны второй степени, - решил подражать лейтенанту Степе:

- Проверить снаряжение! И доложить!

Все солдаты послушно соскочили с коней, потрогали руками подпруги, осмотрели седла и оружие. Каждый доложил: все в порядке.

- По коням! За мной - марш! - Он произнес слово "марш", как Степа: "ар-р-р-ш!"

Меньше чем за час конная группа Ефимова прибыла на место. Лошадей оставили за кустами под охраной одного из кавалеристов. Осторожно приблизились к изгороди. Большой луг, заросший травой, был безлюден.

- Вон там, где желтеют кучи глины, ямы, а в них мертвые люди... сказал Мирон. - Одна женщина была еще живая.

- Да мы им, гадюкам! Только из травы ничего не видно, - сказал солдат с орденом. - Как стрелять из ручного пулемета? Пулеметчикам нужен видимый сектор обстрела.

- Пулеметчикам забраться на дерево! - приказал Мирон.

- Во! Видал? - торжествовал Судаков, и его кадык заходил вверх-вниз, вверх-вниз. Судаков смеялся беззвучно. - Вот тебе и позиция. Поторапливайся, Мальцев. И сапоги сними, легче на дерево забираться...

Автоматчикам Мирон приказал притаиться возле столбов изгороди. Если потребуется, они могут стрелять из-за них. Сам тоже забрался на дерево. В бинокль хорошо просматривалась даль, и он заметил идущие по дороге к домам три японских грузовика с солдатами. "Если бы чуть раньше начать атаку..." - подумал Мирон.

Автомашины остановились у ворот. Из первой вышел офицер и направился к ближнему дому. Едва офицер скрылся, как из-за небольшой высоты выскочил конный взвод Степы. Послышалось "ура!", и, словно бурный поток сквозь взорванную плотину, всадники эскадрона с обнаженными клинками устремились вперед. Слышались торопливые автоматные очереди, взрывы гранат, крики людей. Кавалеристы вихрем ворвались на территорию гарнизона, и один барак задымил. Мирон отчетливо видел блеск клинков, вздыбленных коней и панически убегающих японцев в белых халатах. Окутался дымом еще один барак, и стрельба стала затихать. Лишь изредка раздавались одиночные выстрелы и взрывы гранат.

Мирон спустился с дерева, подозвал Антона Судакова.

- Как ты думаешь, сможем мы сделать проход?

- Почему не сможем, - ответил Антон. - Выберу сук покрепче, привяжу к седлу, потом зацеплю проволоку, и рванем с Дылдой... Проволоку, может, не разорвем, но с гвоздей стянем. Вот и проход будет.

- Давай, Судаков, начинай! - приказал Мирон.

- Ничего из этого не получится! - подскочил Мальцев и напустился на Судакова. - Вот ты зацепишь крючком за проволоку, лошадь рванет, а конец этой колючки твоей Дылде по крупу или тебе по глазам...

- Короче, Мальцев, что вы предлагаете? - оборвал его Мирон. - Время дорого.

- Мудрить не надо. Провод не под током - значит, переломить можно, стал советовать бывалый солдат-фронтовик. - Бери руками и ломай. Туда-сюда, туда-сюда. Лучше, если руки в рукавицах. Хорошо бы специальные ножницы. Бывало, на спину ляжешь и длинными ножницами - чик-чик!

- Все ясно, - сказал Мирон. - К заграждению! Будем ломать, как советует Мальцев. Сделаем пролом и лошадей проведем...

- Смотри, командир, бежит кто-то! - приглушенно доложил Мальцев.

- Всем притаиться! - приказал Мирон, поймав в объективы бинокля бегущего.

Присмотрелся, убедился: удирает, прижимаясь к траве, какой-то человек в штатском. В руках маленький чемодан или портфель. Оружия не видно. В сером пиджаке, на голове шляпа. Вот он остановился, огляделся, потом шарахнулся в сторону от свежих куч земли.

Мирон решил взять беглеца в плен.

- Мальцев! Держите его на прицеле. Судаков, за мной!

Разгребая руками мшистый грунт, Мирон, распластавшись, проползал под нижним рядом проволоки, увлекая за собой Антона.

- Возьмем живым... - сказал он, тяжело дыша. - Подозрительный тип.

- Давай, давай, - подбадривал Судаков; подсовывая карабин под низко натянутую проволоку и приподнимая ее, он помогал продвигаться своему товарищу. То и дело разноголосыми набатами срабатывала примитивная сигнализация.

Наконец-то можно подняться. Беглец бросился к кустам. Длинноногий Антон перегнал Мирона и быстро настиг японца. Он сбил его прикладом с ног, и они оба исчезли в высокой траве. Когда подбежал Мирон Судаков, заломив японцу руки за спину, сидел на нем верхом.

- А где чемодан? У него что-то было в руках.

- Бросил, гад, как почуял смерть, - ответил Антон, задыхаясь в злобе. - А ну, найди чемодан!

- Коросё, коросё... - заладил японец, не зная другого русского слова. - Коросё.

Не выпуская японца из цепких рук, Судаков поднялся и поставил задержанного на ноги.

- Что в чемодане? - спросил он. - Чего трясешься?..

Мирон собирался сбить замки на чемодане, но японец страшно завизжал, выпучив глаза, словно его били.

- Что он? - удивился Мирон и легонько стукнул тупой стороной сабли по замкам.

Японец стал вырываться. Он со страхом в глазах смотрел на руки Мирона, что-то говорил по-своему, и по его тревожному виду можно было догадаться, что он не хочет, чтобы вскрывали чемодан.

- Освободи ему руки, - приказал Ефимов. - Он показывает глазами на свои карманы, ключ, что ли, предлагает.

Мирон был прав. Японец извлек из кармана ключ.

- Гляди-ка, вежливый, - сказал Судаков. - А ну, чего награбил!

В чемодане были какие-то бумаги и обернутые ватой

стеклянные ампулы, которых было очень много.

- Все понятно... - вздохнул Мирон. - Не иначе как врач. Интересно, не этими ли ампулами лечил он тех женщин, которые выброшены в ямы. Давай подведем его к ямам...

Сначала японец, подталкиваемый Судаковым, шел. А когда до ям оставалось несколько метров, он присел, поднял руки и что-то выкрикивал по-своему. Судаков схватил японца за ворот и потащил к яме. Заглянув в нее, Антон отпрянул, испуганно посмотрел на Мирона.

- Там полно трупов...

- Я знаю. Покажи ему, - сказал Мирон. - Он не случайно пытался удрать.

Японец страшно визжал, упирался ногами, вырывался. Но Антон швырнул его к самому краю ямы. Японец скорчился и отполз на четвереньках, как паук.

Разгоряченная лошадь под Иваном Зайцевым всхрапывала и вскидывала головой, не хотела идти в общем строю. Может быть, она улавливала волнение молодого всадника и выражала беспокойство. Иван никогда не ходил в атаку на врага. В его воображении конница, как в кинофильме "Чапаев", должна неожиданно вырваться из укрытия в тот критический момент боя, когда пехота едва сдерживает натиск противника. А здесь какая-то неясность. Боя нет, впереди невысокая сопка, поросшая кустарником, тишина. А если с той сопки застрочит вражеский пулемет? По спине пробежал холодок. Но сопка молчала. Только слышались топот да фырканье лошадей. Эскадрон втянулся в редкий кустарник. Впереди какие-то дома. Остановка. Майор подозвал к себе заместителя по политической части. Что-то говорит ему и указывает рукой в сторону домов. Ивану Зайцеву не слышно, о чем говорит майор, но он догадывается: офицеры решают, как атаковать противника.

Зайцев все еще не верит, что будет настоящий бой. Ему кажется, что никакого противника впереди нет. А если в домах есть японцы, то посмеют ли оказать сопротивление вооруженным советским бойцам боевого эскадрона? Все будет как на занятиях на учебном поле: ворвутся в населенный пункт и конец "бою". Он не разобрал издали, какая последовала команда, но все разом выхватили из ножен шашки. Иван тоже вытащил и положил клинок на плечо тупой стороной. Левой рукой потуже затянул ремень каски.

- Рысью ар-р-р-ш! - протяжно подал команду майор, и весь эскадрон стал вытягиваться вслед за командиром. Впереди полыхнуло знамя.

Взвод лейтенанта Степы свернул влево, а эскадрон перешел

на галоп и стал растекаться во все стороны веером. Зайцев, как все, поднял над головой шашку, подался вперед, отпустив повод. Справа и слева видны напряженно вытянутые лошадиные головы с раздутыми ноздрями. Какой-то конь легко обошел его, и в лицо полетели ошметья мха и сырые комья земли.

Ударили эскадронные пулеметы. Впереди суматоха. Из машин выскакивают японские солдаты. Вот уже недалеко до почерневших от времени деревянных домов. Всадник, обогнавший Зайцева, неожиданно перелетел через голову лошади, слева показались задранные кверху копыта: конь упал вместе со всадником. Из-за грузовика выскочил коротконогий японец и, выставив вперед винтовку, выстрелил, не целясь.

Иван видел, как японца сбил широкой грудью конь Жени Лунь. Второго японца, который выстрелил в Ивана, она рубанула шашкой по плечу. Но почему в груди словно что-то застряло, дышать трудно и глаза заслонило красное полотнище знамени?.. Иван хочет смахнуть с лица мягкий шелк, но полотнище все скользит и скользит по глазам, не кончается... И ничего не видно. Все красное и горячее, не хватает воздуха... Иван натягивает повод, чтобы остановить коня, но конь несет его все дальше и дальше, где совсем нечем дышать.

Очнулся Зайцев на носилках. Не мог вспомнить, что произошло с ним. Куда несут его солдаты? Хочет спросить, но не может набрать в легкие воздух: сил нет. Наконец догадался - ранен...

- Живой, товарищ капитан, - сказал солдат. - Мы принесли его к вам. Пулевое ранение в грудь.

- Заносите в палату, - ответил врач. - Осторожно!

Только теперь Иван почувствовал давящую боль в груди.

Мирон узнал убитую серую лошадь Ивана Зайцева. С нее еще не сняли залитое кровью седло. Из простреленной переметной сумки выпал перетянутый шпагатом сверток. Мирон подъехал и, не слезая с коня, поднял сверток. Он на ощупь определил, что белым лоскутком обернут тот самый женьшень, который нашел Зайцев в лесу.

Разыскивая своего командира лейтенанта Степу, Мирон увидал палатку эскадронного медицинского пункта. Ефимов, приблизившись к палатке, соскочил с лошади и несмело заглянул в нее. Иван, бледный, лежал на носилках. Он часто дышал и не открывал глаза. Его грудь была забинтована. Через толстый слой ваты и бинта сочилась кровь. Врач и два санитара были заняты другим раненым, лежавшем в углу.

- Очень больно? - тихо спросил Мирон.

Иван открыл глаза, пошевелил бледными губами, но слов не

было слышно.

- Вот твой женьшень. Куда тебе положить его? Ты говорил, он от всего лечит.

Губы Ивана порозовели, в глазах блеснул слабый огонек, и он прошептал:

- Спасибо, друг...

Он зажал в руке сверток, пытаясь подсунуть его под бок.

- Выздоравливай, Зайцев, - пожелал Мирон. - А если не увидимся, пиши мне. Адрес знаешь, на разъезд Безымянный пиши.

- Напишу, - прошептал Иван. - Прощай...

- Это еще что за гость? - услышал Мирон строгий голос врача. Подежурь у дороги, машина должна подойти за ранеными. Сделай одолжение, Ефимов, - попросил врач. - Видишь, как я занят. Направь машину сюда.

- Есть, товарищ капитан медицинской службы! - ответил Мирон.

Военный врач как-то удивленно вдруг посмотрел на Ефимова и спросил:

- А как, собственно говоря, вы, голубчик, оказались на запретной территории?

- Искал своего друга, - простодушно ответил Мирон. - Кто-то сказал, что он погиб...

- Так вот, рядовой Ефимов, немедленно отправляйтесь в эскадрон. Машина, как я слышу, уже пришла. Вашего друга мы отправим без вас. - Врач снял очки и, протирая полой халата стекла, предупредил Мирона: - На то место, где был бой, не смейте ходить, там был изолятор опасно больных.

Тем временем в палатку заглянул лейтенант Степа.

- Не совсем так, доктор, - сказал он, - здесь размещалась лаборатория, где изготовлялись и испытывались на людях смертоносные бактерии. А вас, Ефимов, я разыскиваю больше часа! За самовольный уход из расположения части я всыплю вам на всю катушку! - Степа подошел к Зайцеву. - Крепись, гвардеец, еще немного, и ты будешь в госпитале... Санитарный автобус ждет...

Мирон еще раз посмотрел на Зайцева, глазами попрощался с ним и вышел из палатки. Ловко бросив себя в седло, он пришпорил Звездочку, пустил ее галопом.

КАПИТУЛЯЦИЯ

Успешно продвигаясь вперед по Маньчжурской равнине, войска Забайкальского фронта под командованием Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского овладели городом Лубэй и перерезали основные коммуникации противника.

После гигантского броска через Хинганский хребет танкисты гвардейской танковой армии генерала Кравченко ушли далеко от баз снабжения. Усложнилось обеспечение войск горючим. Автоцистерны не могли продвигаться по раскисшим дорогам. На помощь пришла транспортная авиация. Несмотря на дождь и туман, самолеты доставляли танковой армии горючее и боеприпасы. Танки с десантами устремились на Шэньян и Чанчунь.

В результате мощных ударов трех советских фронтов японское командование потеряло управление войсками. Оно бросало в сражение разрозненные части, но остановить продвижение советских войск не могли уже никакие контратаки японцев.

На отдельных направлениях мотоциклетные подразделения, танковые, кавалерийские и десантные части советских войск

вырывались далеко вперед, внезапно захватывали населенные пункты, мосты, переправы, важные военные и промышленные объекты и надежно удерживали их до подхода главных сил.

Смело и решительно действовала конно-механизированная группа генерала И. А. Плиева. Продвигаясь от границы МНР в сторону Пекина, ее войска отсекали группировку противника, расположенную на юге Китая, не позволяли ей оказывать помощь Квантунской армии. Советские и монгольские конники, разгромив войска во Внутренней Монголии, действовавшие под командованием японского ставленника князя Дэвана, наступали в направлении к городу Чжанцзякоу. Появление советских и монгольских кавалеристов вместе с танкистами наводило панический страх на японские гарнизоны. В стремительных атаках бесстрашие и высокое боевое мастерство показывали и советские, и монгольские воины.

Однако длительные переходы, изнурительная жара, затем дожди и слякоть оказывали весьма пагубное воздействие на все рода войск. Даже кавалерия снизила темпы продвижения. Боевые части растянулись. Отстали не только тыловые части и подразделения с запасами боеприпасов, горючего, продовольствия, но и артиллерия. На отдельных направлениях пехоте приходилось действовать без огневой поддержки.

Немало хлопот пехотинцам доставляли замаскированные японские пулеметчики, которых буквально замуровали наглухо в прочных бетонных колпаках. Некоторые из них были прикованы цепями. Обреченные на гибель, обманутые, они не знали о ходе военных событий и не выполняли требования советских воинов прекратить огонь и сдаться в плен. Уничтожить их могли только артиллеристы, но пушки и гаубицы застряли в пути.

Особенно много было замурованных пулеметчиков и притаившихся солдат-смертников в районе Муданьцзяна - крупного административного центра Маньчжурии, явившегося одновременно мощным узлом сопротивления. Здесь японцы пытались задержать войска Маршала Советского Союза К. А. Мерецкова, сорвать их наступление на Харбинском направлении. Но Мерецков приказал воздушной армии генерала И. М. Соколова наносить мощные бомбовые удары по укреплениям противника, а главные силы фронта 12 августа направил в обход муданьцзянского узла обороны с юга. Войска 1-го Дальневосточного фронта устремились навстречу войскам Забайкальского фронта. Вражеская группировка войск охватывалась со всех сторон.

Японская военщина вымещала свою злобу за неудачи в боях на советских военнопленных.

О зверствах японцев стало известно во всех подразделениях и частях на фронтах и на флоте. Советские бойцы клялись отомстить за смерть героев.

Ефрейтор Колобов, прочитав листовку о злодеяниях японцев, обратился к командиру с просьбой послать его в тыл противника с боевым заданием. Вскоре он получил приказ: проникнуть ночью в тыл врага и уничтожить штаб. Ефрейтор взял с собой лишь одного солдата. Вооружившись автоматами и противотанковыми гранатами, они темной ночью добрались до окраины города и обнаружили японцев в каменном доме. Подкравшись к окнам, Колобов бросил одну за другой гранаты и открыл огонь из автомата...

Утром, когда наши войска выбили противника с окраины, были найдены погибший ефрейтор Колобов и тяжело раненный советский воин. В развалинах остались около сотни трупов вражеских солдат и офицеров.

События на всех фронтах развивались быстро и успешно. Японскому правительству стало ясно, что затянуть войну и добиться приемлемых для себя условий мира невозможно. Япония поняла неизбежность капитуляции и вынуждена была принять условия Потсдамской декларации. Главным фактором, заставившим ее сделать этот шаг, было вступление в войну Советского Союза.

14 августа командование Квантунской армии получило телеграфный приказ генерального штаба с требованием уничтожить знамена, портреты императора, императорские указы и важные секретные документы. Но приказа прекратить сопротивление не последовало. На отдельных направлениях шли кровопролитные бои.

Тогда Генеральный штаб Советской Армии выступил со специальным разъяснением, в котором подчеркивалось, что сообщение о капитуляции Японии является только общей декларацией о безоговорочной капитуляции, а поэтому Вооруженные Силы Советского Союза на Дальнем Востоке будут продолжать свои наступательные операции против Японии.

Быстрые темпы наступления войск позволили перерезать коммуникации противника и сорвать отход главных сил Квантунской армии на Ляодунский полуостров и в Северный Китай. Вражеские войска потеряли управление, полностью нарушилось взаимодействие, и гарнизоны оказывали сопротивление без поддержки, некоторые группировки войск противника оказались без боеприпасов и продовольствия, занимались грабежом местного населения. Фанатичная преданность императору толкала их на гибель.

На огромной территории, которую невозможно окинуть взглядом, горели костры боев и сражений, проливалась человеческая кровь. Люди умирали по вине безумных японских правителей и командования Квантунской армии.

15 августа кабинет премьер-министров Японии К. Судзуки пал. Многие высшие чиновники, ответственные за развязывание войны, покончили жизнь самоубийством. Однако Квантунская армия все еще не прекращала сопротивления. Некоторые полки даже пытались наступать. И только через двое суток, 17 августа, главнокомандующий Квантунской армией генерал О. Ямада обратился к Маршалу Советского Союза А. М. Василевскому с предложением начать переговоры о прекращении огня. Одновременно он сообщил по радио, что войскам уже отдан приказ, запрещающий боевые действия. Но этот приказ оказался невыполненным.

В Хутоуском укрепленном районе японские офицеры отвергли предъявленный им ультиматум. Парламентер-японец из пленных, доставивший письменное требование советского командования о сдаче в плен, был зарублен японским офицером. Гарнизон укрепрайона на ультиматум ответил артиллерийским огнем.

Чтобы избежать ненужного кровопролития и не позволить японцам разрушать промышленные объекты и города, уничтожать местное население, требовалось ускорить капитуляцию Квантунской армии. С этой целью Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке маршал Василевский принял решение высадить воздушные десанты в районах наибольшего скопления японских войск в городах, где размещались крупные штабы противника. На карте маршала города Харбин, Гирин, Чанчунь, Порт-Артур, Мукден, Пхеньян были обведены красным карандашом. Десантные группы советских войск должны были заставить японские гарнизоны немедленно капитулировать и сложить оружие.

Начальник штаба Главного командования советских войск на Дальнем Востоке генерал С. П. Иванов 17 августа передал генералу О. Ямада радиограмму маршала А. М. Василевского: "Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему Квантунской армией с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить

оружие и сдаться в плен..."

Времени у японского командования было достаточно, но ответа не последовало.

Василевский приказал начать высадку воздушных десантов. Одновременно были сформированы небольшие, но хорошо вооруженные подвижные отряды советских войск, включающие танковые роты, дивизионы самоходной артиллерии, истребительно-противотанковые батареи, орудия крупного калибра на механической тяге и подразделения автоматчиков, посаженных на машины. Подвижные отряды устремились к городам, в которых высаживались воздушные десанты. Для ускорения выхода советских войск в Порт-Артур и Далянь полки 6-й гвардейской танковой и 39-й армии перебрасывались туда по железной дороге.

На рассвете кто-то раза три постучал кулаком по борту грузовика:

- Подъем! Строиться!

Солдаты, уставшие за день, поднимались с трудом. Но приказ есть приказ.

Сержант Котин, хотя и не моложе всех, выскочил из кузова первый. Поторопил солдат своего взвода стать в строй.

Новый командир роты лейтенант Великанов и офицер политотдела старший лейтенант Шикин ходили от машины к машине и поднимали солдат.

- Подъем! Строиться! - командовал лейтенант певучим голосом.

Минут через пять рота Великанова выстроилась. Отобрали двенадцать человек. Старшим назначили сержанта Котина.

- Вы поступаете в распоряжение представителя политотдела армии старшего лейтенанта Шикина, - объявил лейтенант.

- На сборы десять минут! - приказал Шикин. - Всем иметь при себе по три боевых комплекта патронов, побриться, получить сухой паек и быть вот здесь! - Он посмотрел на лейтенанта. - Все понятно? Ждите машины.

Вскоре подкатили пять крытых машин с солдатами. Котину и его группе было приказано садиться в последнюю машину. Привезли на аэродром. На летном поле стояли большие двухмоторные самолеты. Входные двери раскрыты. Иллюминаторы зашторены. На хвостовом оперении под красной звездой темный круг с белым номером.

Сержант Котин никогда не летал на самолетах. Подумал: "Три боевых комплекта патронов и гранат... Скорее всего, на другой участок фронта".

- Построиться по подразделениям! - приказал все тот же

старший лейтенант. - С вами будет говорить начальник политотдела танковой армии генерал Филяшкин Кирилл Иванович.

Генерал сбросил с плеч плащ-накидку и подошел ближе к строю.

- Товарищи, вы не раз проявляли бесстрашие, совершали подвиги во имя нашей Советской Родины, - начал он. - Командование доверяет вам одну из сложных задач. С этой минуты вы бойцы воздушного десанта. Военный совет армии приказывает вам высадиться в районе штаба японской армии и заставить японское командование немедленно капитулировать, а затем и разоружить противника...

Говорил генерал и о том, что задача сложная, опасная, но он уверен в успешном ее решении. Пожелал воинам успеха. Потом подошел к старшему лейтенанту Шикину, обнял его:

- Ну, Коля, удачи тебе...

Группа сержанта Котина самая малочисленная, но ребята молодые, крепкие. Только образцового вида нет. Один в бушлате, другой - в шинели и с большим вещевым мешком. Не у всех при себе саперная лопата. Кто-то набросил на плечи плащ-палатку и лихо сдвинул пилотку набок. Почти все в ботинках с обмотками.

- Положить вещевые мешки возле ног! - приказал Котин. - Показать автоматы и патроны.

Он придирчиво осмотрел оружие, проверил, сколько у каждого патронов, заставил потуже затянуть ремни, привести себя в порядок.

Послышалась команда:

- Становись! Равняйсь! Смир-р-но! Командирам проверить у солдат наличие боеприпасов и оружие! - приказал старший лейтенант. - Доложить мне. Вольно!

Сержант Котин первым доложил о готовности его группы к выполнению боевого задания.

- Возьмите в свой взвод еще пять солдат, вон тех, с левого фланга, и - в самолет номер тринадцать!

- А потом что делать? - спросил Котин, удивив вопросом Шикина.

- Выполнять приказ! Генерал все предельно ясно объяснил. А вы, товарищ Котин, потребуйте от своих солдат, чтобы без вашего ведома ни на шаг! Прежде всего дисциплина и организованность. Ведите взвод на посадку!

На ровном поле большого аэродрома после дождя зеленела трава, утро прохладное, небо затянуто сплошной высокой облачностью. Вдали истребители. Их много. Ровный ряд продолжают двукрылые самолеты ПО-2.

К большим самолетам, издали похожим на китов, группами по двадцать тридцать солдат, не соблюдая равнения, шли на посадку автоматчики. Многие из них совсем недавно были в бою. Гимнастерки пропитаны потом, пилотки, выгоревшие на солнцепеке, побелели, обувь истоптана по каменистой земле. Лица мужественные, глаза полны готовности выполнить боевой приказ.

Один за другим тяжелые воздушные корабли поднялись в небо. Одновременно взлетели истребители. Часом раньше с другого аэродрома поднялся самолет СИ-47 в сопровождении девяти истребителей и уже подлетал к Чанчуню. На его борту - руководитель парламентерской группы полковник И. Т. Артеменко с пятью офицерами и охраной из шести автоматчиков. Полковник знал, что маршал Малиновский передал по радио на имя генерала Ямады радиограмму: "Сегодня 19 августа в 8.00 парламентерская группа в составе пяти офицеров и шести рядовых, возглавляемая уполномоченным командующего Забайкальским фронтом полковником Артеменко И. Т., самолетом СИ-47 в сопровождении девяти истребителей отправлена в штаб Квантунской армии с ультиматумом о безоговорочной капитуляции и прекращении сопротивления". Было известно также, что Ямада предупрежден об ответственности за гарантии перелета. "В случае нарушения международных правил вся ответственность ляжет на Вас лично", - сказано в телеграмме. На случай вооруженного сопротивления японского гарнизона в воздухе постоянно находились советские бомбардировщики.

Самолет с номером "тринадцать" приземлился благополучно. Сержанту Котину показалось, что возвратились на тот же аэродром. На поле самолеты с красными звездами.

Едва раскрылась дверь и летчики спустили трап, как подбежал старший лейтенант, летевший в другом самолете.

- Котин! Бегом со своим взводом к японской зенитной батарее! - Он указал рукой на видневшиеся вдали зенитки. - Залечь в сторонке. Если откроют огонь, японских зенитчиков уничтожить!

- Есть! - ответил Котин. - Взвод, за мной! - и побежал впереди.

Топот ног, постукивание котелков и саперных лопат, сдержанное покашливание автоматчиков. Ни бугорочка, ни окопчика. Равнина. Под ногами земля - как цемент. Если японцы полоснут из пулемета, укрыться негде. Но вражеские зенитчики стояли у орудий не шелохнувшись. Один даже кланялся, как заводная игрушка. Несколько японцев за спиной офицера робко подняли руки.

Котин остановил взвод, развернул цепь и взмахом автомата потребовал от японцев сложить оружие. Офицер что-то крикнул по-своему, и все зенитчики суетливо стали с оружием в строй. Офицер еще раз визгливым голосом отдал приказ, и солдаты положили винтовки на землю. Японец подошел к сержанту и выразительно показал короткими пальцами - "шагал" ими по своей ладони: он просил разрешения увести куда-то своих солдат. На этот случай указания не было. Сержант принял решение самостоятельно: пусть уводит.

- Разрешаю! - махнул рукой. - А вы, ефрейтор, и вы, - сержант коснулся рукой погона автоматчика, фамилии которого не знал, - дежурьте здесь на батарее. Японцев к пушкам не подпускать! - Еще раз посмотрел на автоматчика, очень похожего на сына Славу. Молоденький, пухлогубый, ему едва ли исполнилось восемнадцать лет!

Японский офицер опять что-то крикнул, и его солдаты, несмотря на жару одетые в теплые френчи, разобравшись по двое, пошли без командира в сторону казармы. Шли торопливо, пугливо озираясь.

Котин жестом подозвал офицера, и, указывая на стоявшую в небольшом удалении батарею, потребовал идти вместе с ним туда.

- Кофуку... Капитуляций... - произнес японец, отстегивая от ремня шашку. - Коросё.

- Да, капитуляция, и безоговорочная... - сказал сержант. - А шашку оставьте при себе. На это я не получал полномочия.

Японец не все понял, но шашку пристегнул, вымученно улыбнулся и опять произнес:

- Кофуку... Коросё...

Полковник Артеменко имел полномочия вести переговоры с главнокомандующим Квантунской армией о безоговорочной капитуляции. Перед вылетом маршал Малиновский предупредил полковника:

- Ваша главная задача: потребовать от генерала Ямада подписать акт о безоговорочной капитуляции. Учтите, Ямада опытен не только в военных, но и в дипломатических вопросах. Проявите выдержку, вежливость и настойчивость.

Полковник Артеменко должен был так же добиться от марионеточного правительства Маньчжоу-Го объявить населению по радио, что японские войска сдаются в плен, а Советская Армия никаких иных целей не преследует, кроме освобождения Маньчжурии от японского ига.

В то время когда советский парламентер шел в штаб Квантунской армии и за ним телефонист тянул связь вплоть до

кабинета генерала Ямада, к Чанчуню подлетал советский воздушный десант численностью в пятьсот человек...

Полковник Артеменко вместе с переводчиком вошли в кабинет начальника штаба Квантунской армии. Японское командование, предупрежденное о вылете советских парламентеров, было в сборе. В мрачной комнате с низким потолком за массивным столом сидел генерал Ямада. Артеменко сразу догадался, что это он. Перед вылетом видел несколько фотографий. Внешне не удивлен. Лишь припухшие веки и воспаленные бегающие глаза выдавали волнение японского генерала.

Справа от него сидел генерал Хата - начальник штаба Квантунской армии. Тучный, с редкими волосами, уши оттопырены, лицо обрюзгшее и усталое.

Здесь же сидел худощавый лысый человек во френче, но без знаков различия. В очках, нос прямой, небольшие усы. Перед худощавым - портфель, на портфеле кожаная кепка. Сзади чуть справа высокий и стройный японский офицер во френче без ремня. Справа от него - весь внимание - маленький и робкий офицер-переводчик.

Полковник Артеменко коротко напомнил о положении на фронтах и прочитал заранее подготовленный текст ультиматума о капитуляции. В это время от мощного рокота моторов советских самолетов, пролетавших над городом, задребезжали стекла. Некоторое время все молчали.

- Квантунская армия, выполнив свой долг до конца, вынуждена капитулировать, - заговорил генерал Ямада через переводчика, а затем по-русски тонким голосом с акцентом: - Затягивать наши переговоры бессмысленно, давайте акт, я подпишу. - Часы на стене показывали 14 часов 10 минут.

Вечером со здания штаба главного командования японских войск в Чанчуне был спущен японский флаг. Его место занял красный советский флаг.

Генерал Ямада и премьер-министр Маньчжоу-Го Чжан Цзинхуэй выполнили и второе требование советского парламентера: выступили перед населением по радио и сообщили о капитуляции.

В тот вечер на улицах Чанчуня творилось невероятное: огромные толпы местных жителей и среди них немало русских, оказавшихся здесь после гражданской войны, собирались возле поднятых на зданиях красных флагов и плакатов. Советских воинов подбрасывали вверх, хлопали дружески по плечу, обнимали, как могли выражали свою радость.

К сержанту Котину с трудом протиснулись сквозь толпу два

молодых человека. Один из них сказал по-русски:

- Товарищ красноармеец, там за домом застрелился японский генерал...

- Вероятно, у генерала не было иного способа уйти от ответственности за свои преступления, - ответил сержант.

18 августа поднялся в небо другой десант в составе ста двадцати человек под командованием подполковника Забелина и взял курс на Харбин. Приказ короткий: захватить аэродром и важные сооружения города, обеспечить сохранность мостов до подхода главных сил 1-го Дальневосточного фронта.

Вместе с десантниками летел заместитель начальника штаба фронта генерал-майор Г. А. Шелахов, назначенный особоуполномоченным Военного совета 1-го Дальневосточного фронта. Он имел задание маршала Мерецкова предъявить командованию японских войск в Харбине ультиматум о капитуляции и продиктовать им условия разоружения.

После двух часов полета под прикрытием истребителей в серой вечерней дымке показался Харбин. С каждой минутой все отчетливее открывалась панорама большого города. Самолеты снижались, чтобы подойти к аэродрому на бреющем полете. Первым пошел на посадку самолет, в котором следовала оперативная группа. Наступили решающие минуты, от исхода которых зависел успех выполнения задачи десантом. Десантники быстро очистили аэродром от японских солдат и заняли прилегающие к нему ангары, мастерские и другие пристройки.

Через несколько минут на аэродром прибыла группа японских генералов, возглавляемая начальником штаба Квантунской армии генералом Хата. Под вечер в одном из зданий аэродрома начались переговоры. За столом сидели девять японских генералов.

Генерал Г. А. Шелахов предъявил им ультиматум о немедленном прекращении сопротивления, разоружении и организованной сдаче в плен. Генералам и офицерам разрешалось иметь при себе холодное оружие и оставаться на своих квартирах до особого распоряжения командования советских войск. Объявление ультиматума произвело на японцев удручающее впечатление. Они сникли, попросили на подготовку ответа три часа.

Харбин, большой экономический и культурный центр, важный железнодорожный узел, был похож в те дни на осажденную крепость. На улицах завалы из деревьев, дзоты, проволочные заграждения, за укрытиями - танки, пушки, на окраине города - противотанковые рвы, траншеи. Но все эти укрепления потеряли свое значение. Квантунская армия уже не

оказывала организованного сопротивления.

К ночи в советское консульство были доставлены подписанные японским командованием приказы войскам о прекращении боевых действий, сведения о численном составе Харбинской зоны и указание японским частям о порядке сдачи в плен. Вооружение, боеприпасы, боевую технику к исходу 20 августа японцы обязались организованно передать советским войскам. Организация питания и медицинского обслуживания японских солдат лежала на японских генералах и офицерах.

На улицах Харбина приостановилось движение транспорта, ликующие толпы народа приветствовали воинов-освободителей, дарили им цветы. В руках многих китайцев были красные флажки.

Десантники заняли вокзал, телеграф, мосты на реке Сунгари. Все важные объекты взяли под свою охрану. Сразу же появились добровольцы, искренне желающие помочь чем-либо советским воинам.

Утром 19 августа генерал Хата с группой японских генералов и офицеров на советском самолете были отправлены в Приморье на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта. А на следующий день в Харбин вошли войска 1-й Краснознаменной армии и отряды пограничников, доставленные Краснознаменной Амурской военной флотилией. Город, украшенный флагами, транспарантами и лозунгами, ликовал.

С прибытием в Харбин штаба и командования 1-й Краснознаменной армии во главе с генерал-полковником А. П. Белобородовым началась массовая капитуляция японских войск.

На аэродроме в Шэньяне (Мукдене), где находился штаб 3-го фронта Квантунской армии, приземлился десант, возглавляемый начальником политотдела штаба Забайкальского фронта генерал-майором А. Д. Притулой. Десантники прежде всего заблокировали взлетные полосы, взяли под охрану более двухсот японских летчиков. А аэродром буквально был забит японскими боевыми самолетами и зенитными пушками.

Возле самолета, расписанного иероглифами, суетились какие-то люди. Дорога к самолету устлана коврами. Обратил на себя внимание моложавый, элегантно одетый, высокий китаец в массивных роговых очках.

- Это император Маньчжоу-Го Генри Пу И! - сказал по-русски один из китайцев, подошедший к генералу, возглавлявшему десант. - Император передает себя в руки советского командования и просит немедленно отделить его от японских военных и взять его под охрану.

Генерал Притула догадался, что беспокоит потомка

"могущественной" маньчжурской династии китайских императоров, не успевшего улететь в Японию. Этот предатель своего народа был в руках японских милитаристов послушной марионеткой; хозяином Маньчжурии был штаб Квантунской армии. Китайский император добровольно пошел в услужение к оккупантам. Он много знал о преступлениях японцев в Китае, а теперь, испугавшись своих "друзей", просит советское командование взять его под охрану.

Советский генерал удовлетворил просьбу Пу И, приказал солдатам взять его под стражу, а затем отправил на самолете в штаб фронта.

На следующий день в Мукден вступили советские танки и машины с пехотой. И здесь, как и во всех городах и селениях, народ радостно встречал победителей.

Воздушные десанты в те дни были высажены и в других крупных городах Китая и Северной Кореи. Они предваряли поход передовых отрядов армий, сковывали действия противника.

Но и после приказа главнокомандующего Ямада войскам Квантунской армии сложить оружие, в горах и в тайге слышалась перестрелка. Отдельные гарнизоны преднамеренно не прекращали боевых действий.

В полосе наступления войск 1-го Дальневосточного фронта некоторые укрепленные районы и вражеские группы продолжали бессмысленное сопротивление и были разгромлены советской артиллерией и авиацией.

Военные действия велись и в Северной Корее, на Сахалине и Курильских островах.

Оставались еще мелкие банды, скрывавшиеся в лесах и в городах Маньчжурии. У них одна цель - месть, уничтожение советских воинов, грабеж населения. Для уничтожения их выделялись подразделения пограничников.

НЕОЖИДАННЫЕ ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ

С оголенной вершины сопки, где боевые позиции занимала рота десантников, контролируя участок дороги на Сейсин, хорошо просматривалось море. До самого горизонта, откуда поднималось солнце, растекалась его лазурная гладь.

- Как шелк расстелен! - удивлялся старшина Яценко, приставив к глазам бинокль. - Я назвал бы Японское море Шелковым морем. Какая красота! Слава, погоди играть. Все ты какие-то грустные мелодии играешь. Марш давай! Видишь, сколько кораблей идет.

Котин положил баян в футляр, обиделся, и старшина заметил это.

- Не обижайся, лучше ответь мне, почему корабли

направились к берегу, а не в порт?

- Десантников везут, ясное дело. Причалы в порту заняты, там раненых сажают, грузы отправляют. Только зачем десант идет, если уже капитуляция началась? Вот вопрос.

- Ну, матрос Котин, как ты докладываешь? Не уставной у тебя язык. Займусь я тобой, как вернемся на Родину, - пожурил старшина смущенного баяниста. - Краткость, точность и разборчивость - вот что главное в ответе на вопрос командира. А ты: "Зачем везут?" А терминология: "грузы отправляют", "раненых сажают"...

- Уставы и наставления вы знаете, товарищ старшина, - вмешался в разговор ротный балагур Борис Чуркин. - А пшенный супчик нам давно надоел. Как на этот счет в наставлениях указано? - Чуркин сдвинул с затылка матросскую бескозырку на глаза.

- Давай, давай, мели, Емеля, - сердито заметил Яценко. - По тебе кухня скучает. Давно я тебе собираюсь подарить наряд за пререкание.

- Я истину глаголю, - продолжал Чуркин. - В животе от пшенки грустновато... Поглядите на Славу-баяниста: глаза синие, как море, лицо вытянутое, словно отражение в самоваре... Играет вяло...

Солдаты засмеялись, но старшина Яценко всегда готов парировать шутки пословицами:

- У нас на Украине говорят: "Здоровому человеку всякая пища полезна".

- Так то на Украине. А матросу подходит только калорийная пища, - не унимался Чуркин.

- Отправляйтесь, рядовой Чуркин, на кухню! Сегодня местные рыбаки подарили нам пять ведер свежей рыбы, треба помочь ротному повару. Вот и будет пища калорийная... Кру-гом! Шагом ар-р-ш!

Слава быстро достал баян и громко заиграл марш. Кто-то прыснул со смеху.

- Отставить играть! - потребовал старшина. - А вы, рядовой Котин, будете сопровождать меня. Возьмите автомат, пойдем в штаб.

В небольшом живописном селении, у подъезда белого особняка, утопавшего в зелени, стояли легковые автомашины. По мраморным ступенькам то и дело поднимались и спускались с папками в руках офицеры.

- Подожди меня здесь, - сказал Яценко. - Дальше стоянки автомашин не уходить! Можно перекурить.

- Есть, товарищ старшина! - ответил Котин. - Только я не

курю. Посижу вон там в холодке.

Проходя мимо легкового автомобиля, Слава обратил внимание на матроса, сидевшего на заднем сиденье с развернутой газетой. Очень похож на того Сережу, который спас его в первый день боя, когда японский солдат набросился с ножом. Остановился. Посмотрел пристально.

- Сережа? - спросил робко.

- О! Слава! Какими ветрами? - соскочил с сиденья легкового автомобиля матрос. - Привет, дружище!

- Вот чудо! Ты что, военным стал? - удивился Слава.

- С твоей легкой руки, - улыбнулся Сергей. - Помнишь, как ты расхваливал меня капитану 1-го ранга Якореву: "Прекрасно владеет японским языком и корейским..." Вот и взял он меня переводчиком. А ты по какому случаю здесь?

- Со старшиной пришел. Его в штаб вызвали, а я сопровождаю. - Слава пощупал белоснежную матросскую форменку на Сергее, прищелкнул языком. Красивая форма у моряков. Послушай, Сережа, ты тогда мне рассказывал о том, как чуть не утонул, что-то о гибели вашего судна. Но я был в таком состоянии... Понимаешь, моя мама тоже ходила в плавание. И где-то в море погибла.

Сережа помрачнел. Ответил не сразу.

- Наше судно было потоплено в Японском море. Прошло два года... У нас были на корабле женщины. Сегодня мы с капитаном 1-го ранга едем в Шэньян, где был огромный лагерь военнопленных. Мой командир ищет пропавшего сына-моряка, а я хочу узнать, нет ли там нашего врача Котиной...

Слава побледнел, глаза округлились...

- Что ты сказал? - спросил он, заикаясь. - Повтори, что сказал?

- Да... - вздохнул Сергей. - Все это было ужасно. Мы возвращались с мирным грузом в Советскую Гавань, и вдруг подлодка. Двумя торпедами она потопила наше судно, и нас подобрали японцы. Я, как видишь, жив, а что с Людмилой Николаевной, не знаю.

- Сережа! - сдавленным голосом выкрикнул Слава. - Котина Людмила Николаевна - моя мать... Что же ты молчал, Сереженька...

- Ты разве Котин? - удивился Сергей. Он обнял Славу. - Не плачь, Слава. Думаю, она жива... Они хотели, чтобы мы подтвердили, будто наше судно потоплено американцами. Но это не так. Потопили нас японцы. Я все видел.

Кто-то из двери позвал Сергея, но он успел сказать:

- Приходи сюда вечером, поговорим... Я все расскажу.

Приходи.

- Обязательно! - пообещал Слава. - Вечером обязательно. Только не забудь, встреча здесь!

В роте десантников о случившемся узнали все. Старшина Яценко вечером вместе со Славой Котиным пришли к штабу. Ждали Сергея дотемна. Потом стали искать капитана 1-го ранга Якорева, у которого служит переводчиком Сидоров Сергей, наконец узнали: оба они уехали на день-два в Шэньян.

В лагере военнопленных на окраине Шэньяна находилось свыше двух тысяч человек. В основном американцы. Изможденные, худые, с бледными лицами, чудом выжившие в невыносимых условиях японского плена.

Когда советские офицеры сообщили несчастным людям, что они свободны, стихийно возник митинг.

Американский солдат Байби сказал, вбежав на крыльцо дома:

- Нам русские войска принесли свободу! Три с половиной года мы томились в японской тюрьме. Тысячи нас умирали от голода и пыток... Наши русские боевые друзья, к вам обращаюсь я, простой американский солдат, со словами горячей благодарности и любви! Никто из нас не забудет этого дня. На всю жизнь мы ваши самые верные друзья, и эту дружбу с Россией мы завещаем своим детям.

Среди военнопленных были генералы и офицеры вооруженных сил Великобритании и Соединенных Штатов Америки. Капитан 1-го ранга Якорев вместе со своим переводчиком весь день провел среди освобожденных.

Сергей Сидоров пользовался случаем и спрашивал о Котиной Людмиле Николаевне. Но утешительных сведений не получил.

На следующий день, возвращаясь в свой штаб, Якорев спросил у Сергея:

- Скажите, а кто такая Котина, почему вы так встревожены?

Сергей рассказал, как ходил на торговом судне к берегам Америки, как японская подводная лодка потопила его. Рассказал и о враче Котиной и ее сыне Славе.

- Я не знаю, куда они упрятали всех других подобранных, но догадываюсь: в живых никого нет.

- От них всего можно ожидать, - ответил капитан 1-го ранга. - Я давно служу на Дальнем Востоке, знаю, на что способны они. Тебе повезло, что на корабле находились корейские матросы. Ну, а что же мы скажем Славе? Как-то помочь нужно ему.

- Не знаю, - задумался Сергей и вздохнул.

В памяти всплыли ужасные картины гибели судна, допрос, удары плетью по голове, побег... "Неужели японцы убили судового доктора Котину?" думал он. Вспомнил, как нежно она говорила о

своем сыне Славе...

Чем-то доктор Котина была похожа на Сережину маму. Сергей ничего не знал о своей матери с тех пор, как ушел в плавание, но был уверен, что она, как и прежде, работает в школе. Он написал ей много писем, но ответа не было.

"А быть может, она получила извещение, что я погиб, и уехала из Владивостока куда-нибудь подальше, чтобы ничто не напоминало о ее горе..." - подумал Сергей и вспомнил, как он вместе с мамой плакал, когда пришло сообщение о гибели отца в боях за Ленинград.

Долго ехали молча. Навстречу мчались с включенными фарами машины, на всех перекрестках - регулировщики с флажками, кое-где на обочинах брошенные пушки, телеги, сожженные грузовики и танки Квантунской армии. Все это теперь хлам и годится только на переплавку.

Под монотонный рокот тупоносого "виллиса" одолевала дремота. Но едва Сергей начинал засыпать, как перед глазами возникали изможденные узники, которых он видел днем в лагере, и японский офицер с крупными пожелтевшими зубами, который допрашивал его и врача Котину на корабле. Неужели погибла Людмила Николаевна?

...В те же ночные часы, когда Сергей Сидоров вместе с капитаном 1-го ранга Якоревым возвращался из Шэньяна, десантная рота, в которой служил Слава Котин, была поднята по тревоге и ушла на сторожевом корабле во Владивосток. Никто из десантников не знал, что им предстоит участвовать в освобождении Южного Сахалина. Слава Котин сожалел, что не узнал адреса Сергея. Надо бы оставить и свой адрес, и адрес отца, и тети Клавы. Как теперь сообщит Сергей, если узнает что-нибудь о матери?

Последние бои второй мировой войны. Квантунская армия разгромлена. Осталось выбросить японских захватчиков из Южного Сахалина и с Курильских островов.

Для проведения Южно-Сахалинской боевой операции привлекались войска 16-й армии под командованием генерала Л. Г. Черемисова и Северная Тихоокеанская флотилия вице-адмирала В. А. Андреева.

На территории Южного Сахалина японское командование держало более 19 тысяч солдат и офицеров. Приграничная полоса и береговая линия имели множество прочных железобетонных, каменных и бревенчатых сооружений, насыщенных орудиями и пулеметами. Все порты оборонялись крупными гарнизонами.

Боевые действия на Сахалине начались еще 11 августа. Войска генерала Л. Г. Черемисова после артиллерийской

подготовки прорвали оборону укрепленного района противника и наступали в южном направлении. Враг упорно сопротивлялся, переходил в контратаки, и кое-где ему удалось задержать наступление советских войск. Но, надеясь удержаться на Сахалине, он начал вывозить из портов штабы, госпитали и оборудование. Чтобы сорвать вывоз ценностей, советское командование приняло решение немедленно высадить в порты Сахалина морские десанты. В число этих подразделений была включена и рота, в которой был Слава Котин. Пока рота готовилась к десантированию, из Советской Гавани уже отправились корабли первого эшелона. Неожиданно начался ливень, море штормило, и подход к портам при плохой видимости оказался невозможным. Больше суток шли корабли из Советской Гавани. Рано утром был найден вход в центральную гавань порта Маока, в нее и устремились катера с первым броском десанта. Не встретив сопротивления, моряки захватили 20 августа прибрежный плацдарм, но расширить его не успели. Противник подтянул туда сухопутные части, и завязался бой.

Десантники действовали смело и решительно, подошло еще несколько кораблей, и к полудню противник был выбит из города. Японцы потеряли более 300 солдат и офицеров убитыми, и 600 было взято в плен. Но это была еще не победа. Продолжая наступать в глубь острова, десантные подразделения встретили сильное сопротивление врага. Против моряков, вооруженных автоматами, карабинами, гранатами, японцы бросили артиллерию и танки. Нужна была немедленная помощь.

Из Советской Гавани в спешном порядке отправлялись на Сахалин свежие силы.

Еще совсем недавно старшина Яценко, возвратившись из штаба, хотел обрадовать баяниста Котина, показывал ему газету с приказом о награждении многих десантников орденами и медалями. Но всегда веселого Котина словно подменили. Он посмотрел заплаканными глазами на старшину и отвернулся.

- Слава, что с тобой? Ты плачешь...

Зная о большом горе матроса, старшина пытался успокоить его.

- Ты не горюй, все узнаем, - обещал старшина. - Кончится война, и мы найдем твоего Сергея. А может, и мать жива... Все бывает. Лишь бы скорее все это завершилось...

Из Владивостока десантников сразу же направили в Советскую Гавань. Там выдали всем матросское обмундирование. А то было как-то странно: все в солдатском, а называют матросами. Теперь все на своем месте. Вячеслава Котина назначили командиром отделения. На груди у него рядом с

медалью "За отвагу" - орден Славы третьей степени. Слава выглядел стройным, подтянутым, мужественным. В его отделении десять автоматчиков и два пулеметчика. Все ребята молодые, в боях не были, но обучены хорошо. На своего командира они смотрели с особым уважением. Готовы выполнить любой приказ.

Перед отправкой на боевое задание десантная рота вместе с другими ротами провела учебную высадку на берег и получила хорошую оценку командования.

У Славы щемило сердце от мысли, что так неожиданно расстался с Сергеем. Простить себе не мог того, что не только не обменялся с ним адресами, но и не узнал его адреса во Владивостоке. Было время, и мог бы сбегать к матери Сергея, принести ей радость... И вдруг пришла мысль: "А если убьют меня и после этого найдется мама? Как она вынесет этот удар?"

Из Советской Гавани Слава отправил письма отцу, тете Клаве, написал и на разъезд Безымянный дедушке Мирона и всем сообщил, что рассказал ему Сережа Сидоров. Лишь одного не мог написать: что идет на выполнение боевого задания, будет освобождать Сахалин или Курильские острова. Он еще не знал, куда отправят роту.

22 августа всем выдали боевые патроны, гранаты, сухой паек и чистое белье. А утром 23 августа батальоны морской пехоты сводной бригады были выстроены возле причала. Личный состав всей бригады был построен в виде гигантской буквы "П". Наконец-то Слава увидел в противоположной шеренге Бориса Чуркина. Он тоже стоял на месте командира отделения и жестами руки требовал от моряков подровняться, стоять не сутулясь. Борис тоже увидел Котина и кивнул ему. Начался митинг.

- Товарищи матросы, сержанты, старшины и офицеры! Родина поручает нам освобождение от японских самураев Южного Сахалина, далекой, но русской земли...

Капитан первого ранга говорил, что Южный Сахалин был и будет наш, что воины-освободители не пожалеют жизни своей и выполнят боевой приказ. А потом, к удивлению Славы, выступил старшина Яценко.

- Братья, сыны, боевые товарищи, среди вас немало воинов, которые уже бывали в сражениях, они знают звериные нравы японской военщины. Но наше дело правое, мы били фашистов, разобьем и этого зверя. Клянусь командованию, Родине своей, что буду драться до последней капли крови!

Когда Яценко закончил, раздались аплодисменты и по строю прокатилось сперва чуть разноголосое, а потом дружное "Ура!".

Затем офицер в черном кожаном пальто объяснил:

- Товарищи! На Южном Сахалине уже идут бои, японцы

отступают. Наша задача: высадиться в порту Отомари и, заняв его, не позволить японцам вывозить ценности и эвакуировать свои штабы. Военный совет фронта желает вам успеха в бою!

Было объявлено, какие суда должны занимать десантные подразделения. Отделение Котина оказалось на минном заграждении "Океан".

Отряд в составе девятнадцати кораблей взял курс на Отомари. Часа два-три море было почти спокойно, небо хотя хмурое, но без дождя.

Слава спрашивал у ребят, не знают ли они, где расположен порт Отомари, но они виновато пожимали плечами: не знаем. Набрался смелости, обратился к капитану - командиру роты. Офицер достал из кармана записную книжку и нарисовал остров, похожий на клешню рака. Провел карандашом черту, разделившую рисунок на две части.

- Вот нижняя часть острова и есть Южный Сахалин, - пояснил он, - а между выступами, вот здесь, - капитан поставил точку в середине как бы между растопыренными пальцами, - находится порт Отомари. Севернее на берегу, обращенном к СССР, порт Маока. Там уже 20 августа высажен наш десант. Мы отрежем гарнизон от порта, и все они окажутся в ловушке. Ясно? - Капитан передал лист из записной книжки Котину и улыбнулся. Любопытный ты - это не плохо. А теперь расскажи об этом своим краснофлотцам.

- А как вы полагаете, товарищ капитан, могли наши торговые суда, возвращаясь из Америки, проходить через пролив Лаперуза? - поинтересовался Слава.

- Думаю, что могли, - ответил капитан.

К полудню хлынул проливной дождь, качка усилилась. Корабль то взбирался на гребень волны, то с грохотом опускался, и казалось, он хочет нырнуть под воду, скрыться от непогоды.

Туман плотно закрыл идущие в установленном порядке суда. Началось самое неприятное для людей, не видевших море. От порывистой качки многих ребят стало мутить. Побледнел и Слава. От обеда отказался. Хотелось выйти на палубу, подышать свежим воздухом, но не разрешалось. Измученный морской болезнью, Котин, как и другие десантники, несколько раз засыпал, но быстро просыпался от неприятной, подкатывающей к груди давящей боли. Лицо заливал горьковатый пот, тельняшка была мокрой, хотя и пробирала, словно от холода, дрожь.

- Да я готов вплавь... Лучше в бой, в самое пекло, чем так плыть...

Штормовая погода помешала кораблям прибыть в Отомари к сроку. Командование десантом вынуждено было приказать

кораблям зайти в бухту, переждать шторм.

Наутро погода улучшилась. Самолеты нанесли по порту военно-морской базы Отомари бомбовый удар. Десантники высадились под прикрытием огня корабельной артиллерии без потерь. Котин приказал бойцам отделения продвигаться вперед короткими перебежками.

- Так никто же не стреляет, - сказал высокий матрос, у которого во время высадки бескозырка слетела с головы. - Удрали японцы.

- Когда враг откроет огонь, укрываться будет поздно, - ответил Котин и словно предвидел беду.

Сверху из окна двухэтажного дома полоснул пулемет. Высокий десантник присел, ухватился за живот и упал на каменную мостовую.

Котин не успел отскочить к дому и юркнул в проем подвального окна. Стрельба слышалась и справа и слева, но этот пулемет прижал к земле всю высадившуюся группу десантников.

Выбив ногой застекленную раму, Слава спустился в подвальное помещение, загруженное ящиками и бочками. В полутьме заметил дверь. Он приготовил гранату-"лимонку", взвел автомат и быстро выбежал в широкий сырой коридор. Справа в тусклом свете видна была лестница. Котин, прижимаясь к стене, торопливо вбежал по ступенькам лестницы и, озираясь, стал подниматься выше. На первом этаже двери раскрыты, в комнатах ворох бумаг, разбросаны стулья, тряпье. На втором этаже обе двери закрыты, но в левой выломлена доска. Из пролома валит пороховой дым, и дышать трудно.

Не было сомнений, что в квартире засел пулеметчик. Слава хотел бросить в пролом двери гранату, но сообразил: пулеметчик может находиться за перегородкой и тогда взрыв гранаты насторожит его. Нужно проникнуть через узкий пролом в квартиру.

Сняв бушлат, Слава нырнул в брешь, оцарапал о щепастую доску плечо и больно ударился головой о что-то твердое. Пулеметчик продолжал стрелять. Приоткрыв дверь, Слава увидел возле окна японского солдата. Он метался возле грохочущего пулемета, поливая короткими очередями улицу. Котин вскинул автомат и чуть не нажал на спусковой крючок, но пулемет вдруг замолк. Тщедушный солдат-пулеметчик кинулся к ящику, и в тишине звякнула цепь. Он был прикован к стене.

Слава опустил автомат. Не убивать же человека, посаженного на цепь.

- Кофуку! - крикнул он, не зная другого японского слова, как "капитуляция".

Японец пружинисто подскочил и мгновенно рванул за кольцо гранату, висевшую на брючном ремне. Слава упал на пол, но это уже не могло его спасти. Раздался взрыв...

Когда двое десантников вбежали в комнату, Вячеслав Котин был уже мертв.

Возле пулемета лежал изуродованный труп японского солдата и сорванная с ноги цепь. У подоконника стоял ящик, наполненный запасами пулеметных лент...

Из окна хорошо просматривалась до причала неширокая улица, по ней нескончаемым потоком бежали матросы. К восточной части города навстречу десантникам подходили подразделения 113-й стрелковой бригады.

К 10 часам 25 августа военно-морская база Отомари была полностью занята советскими частями. 3400 японских солдат и офицеров сложили оружие.

...В конце августа части Камчатского оборонительного района и Петропавловской военно-морской базы и морская пехота Тихоокеанского флота в основном очистили от японских захватчиков Курильские острова. Но тяжелые, кровопролитные бои за отдельные острова Курильской гряды продолжались до 1 сентября.

Десантной роте Яценко пришлось вести бой за остров Кунашир, расположенный всего лишь в пятидесяти километрах на северо-востоке от японского острова Хоккайдо. Кунашир обороняли усиленные артиллерией полки японской пехотной дивизии.

Яценко после взятия военно-морской базы противника Отомари получил воинское звание лейтенанта.

Построив роту, лейтенант Яценко, едва справившись с волнением, зачитал приказ:

- "За мужество, проявленное в боях с врагом, Вячеслав Николаевич Котин награжден орденом Красного Знамени посмертно..."

Японские войска на острове Кунашир сопротивлялись не долго. Гарнизон капитулировал.

Рота Яценко разоружала большую группу вражеских войск. Матросы держали оружие наготове и наблюдали, как вяло складывали в кучу винтовки японские солдаты.

Яценко стоял возле орудия и рассматривал затвор, потом нагнулся под лафет и почувствовал вдруг жгучую боль под левой лопаткой. Он выпрямился и увидел у станины пушки японского офицера. Подбежавший Борис Чуркин ловким ударом выбил нож из руки японца и удержал своего командира, не дал ему упасть.

- Санитара сюда! Срочно! - крикнул Борис, бережно

поддерживая раненого.

Но ни санитар, ни врач уже не могли спасти Яценко. Смертельно раненный ножом в сердце, он скончался на руках Бориса. Умирая, успел сказать:

- В кармане письмо жене... Не посылай...

В том письме лейтенант Яценко сообщал жене, что война закончилась победой и скоро он приедет домой...

На войне смерть шагает рядом с солдатом и никто не знает, когда она унесет человеческую жизнь. И если все же погибнет воин в боях за Родину, имя его навечно останется в памяти живущих.

НА РАССВЕТЕ

На стене отщелкивали время старинные ходики. В углу за печкой стрекотал сверчок. С незапамятных времен эти привычные ночные звуки наполняли дом лесника. Бывало, уставший за день, ляжет дед Василий на постель, прислушается к сверчку и ходикам и заснет крепким сном. А в шесть утра зимой, когда на дворе еще темно, он на ногах. Нужно печку истопить, скотину покормить и себе еду приготовить.

С отъездом Мирона прицепилась бессонница. В окно уже пробивался слабый свет зари, а дед Василий никак не мог уйти от тревожных мыслей. Вся радость и надежда - внук Мирон. Нет у Василия Федоровича никого из родных и близких. Все внимание, заботу и любовь отдавал внуку.

Дед Василий понимал, что фронт есть фронт. Война уносит жизни многих людей. Но как пережить одинокому старому человеку, если что-нибудь случится с Мироном?

Жену похоронил, сноха и сын погибли. Если не станет Мирона, на том и остановится род Ефимовых.

Но тут же дед вспоминал и свои молодые годы, когда, на год моложе Мирона, ушел из дома в Саратов, нанялся помогать грузчикам в порту. Кого он тогда спросился? Сам решил...

За окном послышались торопливые шаги. Кто-то подбежал и залез на завальню, постучал легонько в стекло.

- Кто там? - спросил лесник. Екнуло сердце. Неужели Мирон?

- Скажите, здесь живет Василий Федорович Ефимов? - отозвался девичий голос. - Я медицинская сестра.

Дед Василий вскочил с постели. "Вот и беда..." - подумал он.

- Я Ефимов, а что? - отозвался он настороженно.

- Вас просят срочно в вагон санитарного поезда... - сказала девушка. - В третий вагон. Там вас ждут.

Лесник раскрыл окно, увидал уходившую по тропинке под уклон девушку в военном, и в груди словно камень застрял. Хотел подойти к своей койке, чтобы одежду взять, а сил нет, ноги

одеревенели. Кое-как дотянулся до ведра с водой, плеснул в лицо пригоршней, смочил грудь.

"Кто же там? - подумал про себя. - Если Мирон, то, выходит, тяжело ранен, если сам не пришел..."

Леснику Ефимову только казалось, что он едва переставляет ноги. К третьему вагону прибежал чуть ли не вместе с девушкой.

- Дедушка, заходите в вагон, - сказала она, - только тихонько. Вас просит один солдат.

- Это мой внук... Спасибо тебе, дочка... Что с ним?

- Не волнуйтесь, дедушка. Он уговорил меня позвать вас. Зайцев.

- Постой! Кто такой? Зайцева не знаю... - Лесник оторопел. - Может, Слава? Так он Котин...

- Вот здесь, только недолго, - предупредила девушка. - Зайцев, к тебе пришли!

- Спасибо, сестричка.

На нижней полке лежал круглолицый, стриженный наголо, курносый паренек. Грудь забинтована. До пояса укрыт грубошерстным одеялом.

- Не томи, сынок, говори, что там с Мироном? - спросил старик, предполагая, что солдат собирается сообщить ему о внуке. - Сразу-то легче, говори...

- Жив. Приходил со мной проститься. Такие, как он, не должны погибать, - ответил раненый.

Зайцев запустил руку под подушку, достал сверток, перевязанный бинтом. Заговорил тихо:

- Вот что, дедуля, возьмите себе. Это корень жизни. Женьшень называется. Мы с Мироном нашли. Берите... Очень помогает от всех болезней.

- Знаю, сынок, спасибо. Я сам не находил, а мой знакомый, специалист по лекарствам, давал мне, но я в госпиталь отнес. Только напрасно ты отдаешь, берег бы. Или раненым...

- Вам, дедушка, самый раз: здоровья прибавит, силы даст. - Солдат улыбнулся. - Мне рассказывал о вас Мирон, приглашал в гости после войны... Эх, какой у вас внук! Я за такого в огонь пойду. Приедет, скажите ему про меня.

- Ну, а что Мирон наказал передать мне?

- Э, - махнул рукой Зайцев, - меня-то в бою японец насквозь прострелил, я лежал и бредил. Мирон прискакал в лазарет, а тут и расставаться надо.

- Пора, посетитель, - послышался голос за дверью.

- Ну, спасибо, сынок, - сказал лесник и дотронулся рукой до горячего лба Ивана. - Выздоравливай и приезжай.

- Спасибо, дедуля, - оживился Зайцев. - Жив буду, приеду.

- Адресок-то есть у вас? - спросил Василий Федорович. - Медку, орешков пришлю...

- Нет, я пока не знаю, куда меня направят. Напишу вам из госпиталя, ответил Зайцев. - Прощайте.

- Рана у него опасная, - шепнула медицинская сестра, когда старик спустился с подножки вагона на землю. - Ой, как он уговаривал меня сходить за вами!

- Э, да что же это я... - Дед Василий взял за руку девушку. - Идем со мной...

С проворностью молодого человека лесник добежал до дежурного станции и выпалил на одном дыхании:

- Петруся! Сколько эшелон стоять будет? Медку хочу передать раненым... Мы - на одной ноге...

- Не торопись, дед Василий, - успокоил дежурный, - санитарный еще не один час простоит.

Лесник Ефимов за последние дни будто помолодел. Ходить стал бойчее, чаще надевал новый пиджак, чтобы людям в праздничном виде показаться. И не женьшень тому причиной. Женьшень он так и хранил в газете, перевязанной бинтом. Помолодел дед Василий после того, как радио известило, что Советские Вооруженные Силы на Дальнем Востоке наголову разбили миллионную японскую Квантунскую армию и освободили Северо-Восточный Китай, Северную Корею, Южный Сахалин и Курильские острова. Наступил долгожданный мир! Об этом громко, на весь разъезд Безымянный, говорил динамик.

И вдруг телеграмма: "Мирон выезжает на учебу в военное училище. Заедет домой. Родион".

Передавая Василию Федоровичу телеграмму, дежурный полюбопытствовал:

- От какого это Родиона ты получил сообщение?

- Голова садовая! Это от самого маршала Малиновского Родиона Яковлевича... От командующего фронтом...

- Да ну?

- Вот тебе и ну...

В небе ни облачка. Зной. Слепни и оводы изнуряют лошадей и всадников. О сырой тайге, где тучи комаров, солдаты теперь вспоминали с удовольствием. Там хватало воды. А здесь словно кто-то нарочно разбросал мелкую сухую щебенку. Унылая, выжженная солнцем даль без конца и без края. Лошади теряли сточенные камнями подковы, прихрамывали. Припадала на переднюю ногу и Звездочка. Все чаще слышна команда спешиться. Солдаты ведут лошадей в поводу, обливаясь соленым потом и глотая желтоватую пыль. Ночью отдельный эскадрон вышел к небольшому китайскому селению. В нем ни души. Даже

не слышно лая собак. Эскадрон проскочил селение на рысях. Жилища словно разбросанные в поле копны сена. Миновав безымянное селение, эскадрон въехал в другое, где слышался какой-то непонятный шум, лаяли собаки.

К Мирону подъехала Женя.

- В селениях сап. Всюду выставлены ветеринарные посты. Эскадрон будет обходить этот опасный район. В колодцах воду не брать, заражена японцами.

Страшная весть разнеслась молнией.

Мирон следовал в арьергарде, не знал, что происходит впереди - в голове эскадрона, но догадывался, что отдыха скоро не будет. Остатками воды во фляге смочил губы лошади, протер ей глаза. Лошадь даже потеть перестала. Мирону тоже хотелось пить, во рту сухо, но он терпел...

На рассвете повеяло прохладой, показалась небольшая зеленая роща и разбросанные строения. Когда эскадрон вытягивался, обходя кукурузное поле, Мирон успел сорвать три початка и на ходу покормил Звездочку.

После полудня эскадрон разместился в роще возле водоема. На той стороне пруда виднелся дом с белыми колоннами и причудливой крышей. Не много встречалось таких живописных уголков. Они принадлежали богатым китайцам или японским генералам.

Наконец-то напоили лошадей, фуражиры привезли и раздали овес. Мирон едва держался на ногах. Очень хотелось спать. Усталость погасила ужасное состояние: он не мог прийти в себя после боя. Японцы сперва выбросили белый флаг, а когда эскадрон окружил колонну их машин, открыли стрельбу в упор. Не заруби он шашкой японского офицера, не было бы в живых Жени. Японец, присев за машиной, целился из пистолета ей в спину...

Пустив расседланную Звездочку возле колючего куста, Мирон сел на землю и, обхватив руками колени, мгновенно замер. Ему казалось, что он все слышит и, если будет команда, немедленно проснется, но оказалось, что уснул так крепко, что Женя едва его разбудила.

- Мирон! Что с тобой? Встань!

Даже открыв глаза, он не мог сообразить, где он и кто перед ним.

- Командир зовет, срочно! - сказала Женя, глядя ему в глаза. - Не заболел?

- Здоров, просто задумался...

- К командиру! - повторила Женя. - Машина приехала.

Командир эскадрона был в новеньком летнем

обмундировании, в хромовых сапогах, вычищенных до блеска, и при всех орденах и медалях.

Окинув взглядом Мирона, майор нахмурил белесые брови:

- На кого ты похож? Умойся, сбрей свои серо-бурые усы и гимнастерку новую надень. Немедленно!

- У меня нет ничего запасного, - доложил Мирон. - И бритвы нет...

- Старшина все сделает. Он у нас все может, - подобрел майор. Только быстрее. Едем в штаб.

По дороге капитан, приехавший из штаба за командиром особого эскадрона, сказал, что все солдаты и офицеры эскадрона награждены орденами и медалями. Спросил, есть ли у майора с собой список личного состава части. Говорил, что результатами разведки кавалеристов интересовался лично маршал Василевский.

В то время не только Мирон, но и командир эскадрона еще не представляли себе всей важности того, что они обнаружили филиал японской бактериологической лаборатории - "фабрики смерти". Не знали и того, что в Маньчжурии, особенно вблизи лесистых районов, бродили больные лошади. Они понуро стояли на солнцепеке и не реагировали на облепивших их слепней. До слез было жаль этих несчастных больных животных. По приказу их пристреливали и немедленно закапывали, более того, следили, глубока ли яма, и тщательно дезинфицировали хлорной известью место захоронения...

Только на допросе японских ветеринаров, взятых в плен эскадроном майора Лунь, выявилась огромная опасность, с которой встретились советские кавалеристы.

Машина остановилась во дворе большого дома с плоской черепичной крышей.

- Побудь здесь, - сказал майор и скрылся вслед за капитаном в подъезде.

- Значит, орденом тебя наградили, - сказал водитель. - Молодец!

- Не знаю, - удивился Мирон. - Кто сказал?

- Проспал ты все в дороге. Тебя и твоего командира - орденом Красного Знамени, а всех других медалями "За отвагу".

Вручение состоялось под вечер. Собравшиеся, их было человек двести, выстроились здесь же во дворе. Вынесли стол, накрыли красным сукном. Офицер читал громко фамилию награжденного, и тот выходил из строя, направлялся к столу и получал из рук генерала награду. "Служу Советскому Союзу!" - произносил награжденный и возвращался в строй.

Мирон не смог, как другие, блеснуть строевым шагом. Он

чуть не споткнулся, когда поворачивался на месте, но зато топал ногами так, что из его кирзовых сапог фыркала во все стороны пыль.

Едва он встал в строй, зажав в руке белую коробочку с орденом, как услышал:

- Сержант Котин Николай Васильевич!

Из строя вышел высокий немолодой сержант. Мирон сразу решил, что это отец Славы. Слава очень похож на него. Чуть не бросился к нему, но стерпел, дождался, когда закончилось вручение.

- Товарищ сержант Котин! - на весь двор громко крикнул Мирон. - Дядя Коля!

Он догнал отца Славы за воротами.

- Извините, товарищ сержант, вы отец Славы Котина?

У сержанта руки задрожали, белая коробочка чуть не выпала.

- Ты знаешь моего сына? - спросил сержант.

- Да, мы в Читу вместе ехали в начале войны. Потом в школе учились... Он мой самый близкий, самый лучший друг... Слава тоже где-то на фронте. Его раньше меня призвали. Он мне и о вас рассказывал, и о матери...

Сержант бросился к Мирону и обнял его сильными руками...

Женя тоже была награждена, ей вручили в эскадроне медаль "За отвагу", но на ее лице не было радости. Даже не спросила Мирона, где и как вручали ему орден.

- Что же ты не спросишь меня о Звездочке? Или все знаешь? - Женя чуть не плакала.

- А что случилось? - робко спросил Мирон. - Заболела?

- Врач признал сап. Всех лошадей поставили в карантин. - И добавила: - Еще семь лошадей пристрелили... А где закопали, я не видела.

Мирон побежал к коновязи, где стояла Звездочка.

- Твоей тут нет, - сказал дневальный. - Как ты уехал, она сразу зафыркала, повалилась, и готова. Вон там на кургане и зарыли...

Когда все спали, Мирон пришел на курган. Положил на свежий холм зеленую ветвь кустарника и кусок хлеба, который берег для Звездочки в вещевом мешке. Слезы текли по его щекам, и дрожали губы.

Лошади эскадрона, заразившиеся сапом, погибли за два-три дня. Прибыли ветеринары со всего фронта. Снаряжение кавалеристов и старое обмундирование было сожжено. Солдат и офицеров пропустили через санобработку и выдали новое обмундирование. Всех разместили в новых палатках. Карантин! За личным составом эскадрона было установлено врачебное

наблюдение. Отлучаться не разрешалось. Уколы, осмотры, бани...

Карантин продолжался долго. В те дни, когда советские войска в сентябре возвращались на Родину, майор Лунь, ставший командиром отдельного мотоциклетного батальона, получил письменный приказ: "Рядового М. Ефимова направить на учебу в военное училище имени Верховного Совета РСФСР".

Батальон был расквартирован в Харбине. Перед отъездом Мирон зашел в комендатуру города за документами и неожиданно встретил Женю. Она работала секретарем.

- Может, после демобилизации поедешь в Читу? А потом тоже в Москву. В институт поступишь, будем видаться... - с добрым чувством сказал Мирон.

- Спасибо за заботу, - улыбнулась Женя. - До института мне далеко, образование мое - пять классов. Когда я могла учиться, если с пятнадцати лет на фронте... А до этого три года на оккупированной территории.

- Ты напиши мне в училище или на разъезд, - попросил Мирон.

- Успехов тебе, Ефимов, - пожелала Женя, расставаясь с боевым товарищем.

Что-то сжалось в груди Мирона, и даже ясный день показался хмурым и тоскливым. Он уже не испытывал неудержимого желания поскорее уехать на разъезд. Готов был возвратить документы и никуда не уезжать... И почему-то вспомнилось, как в детстве ему посчастливилось запустить на ниточке бумажного змея в высокое синее небо. Сколько было радости... Чувствовал по натянутой нитке жизнь бумажного квадратика. И вдруг упругость исчезла нить оборвалась, и, хотя высоко в небе еще белела маленькая точка, улетавший змей уже не принадлежал ему.

По пути в Москву Мирон навестил дедушку. Василий Федорович был рад, прослезился. Сообщил внуку о телеграмме от маршала Малиновского...

- Да, вот еще... - сказал дедушка, доставая из ящика стола пачку писем. - Это все от Славы, а вот и его отец прислал письмо. Обещает заехать к нам. Но вот что-то Слава давно не дает о себе знать.

В одном письме Слава писал: "Я напал на след мамы. Она где-то в японском лагере узников. В этом помог мне Сережа, замечательный парень. Его хотели убить японцы. Об этом расскажу, когда встретимся. А теперь моя мечта поступить в военно-морское училище. Писать будем друг другу, как договорились, на Безымянный. А там и свои адреса приобретем"...

Ни дедушка Василий, ни Мирон еще не знали, что Слава Котин погиб в бою...

- А еще вот подарок Ивана Зайцева, - улыбнулся дед Василий. - Корень жизни, - и рассказал о встрече с Зайцевым в санитарном поезде.

- Иван говорил, что женьшень очень ценится, - сказал Мирон. - Береги, а как приедет Зайцев, отдай.

- Зайцев пишет, что этот экземпляр редкий, и просит переслать в Москву, в медицинский институт. А как это сделать, не знаю. Будешь в Москве, передай.

- Пусть это сделает Иван сам, - посоветовал Мирон. - Он заедет к тебе, когда будет возвращаться домой. А институт и в Чите есть.

На том и порешили: хранить женьшень до приезда Зайцева.

После обеда, когда дед Василий прилег отдохнуть, Мирон переоделся и ушел к старому кедру.

ПОД СОЛНЦЕМ ЕДИНЫМ

Приземлившийся самолет ПО-2 подрулил к зданию аэропорта, где собрались генералы и офицеры. Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, не выбираясь из кабины, снял шлем, надел фуражку и, неторопливо перебросив ногу через борт, стал на крыло. Он хотел спрыгнуть на землю, но два генерала протянули руки, чтобы помочь Родиону Яковлевичу спуститься с крыла.

Один из генералов небольшого роста, с глубокими шрамами на лице и поврежденным левым глазом, юркий, веселый - Владимир Дмитриевич Иванов, заместитель командующего Забайкальским фронтом. Второй - чуть повыше, стройный, с короткими усиками, в гимнастерке, сапоги со шпорами, на груди ордена и Золотая Звезда Героя Советского Союза. Это прославленный командующий конно-механизированной группы Исса Александрович Плиев. Он удостоен второй Золотой Звезды, о чем в тот день сообщалось в газетах.

Генерал-лейтенант Иванов взял под козырек и четко, на одном дыхании доложил маршалу, что воздушный десант высадился успешно. В Порт-Артур и Дальний уже прибывают войска фронта. Затем отчеканил:

- Японский флаг над штабом морских сил Порт-Артура спущен!

Едва отрапортовал генерал Иванов, о выполнении войсками конно-механизированной группы поставленной боевой задачи доложил генерал Плиев.

Малиновский, улыбаясь, поздоровался с генералами, поздравил с победой и, обращаясь к Иванову, сказал:

- Поздравляю вас, Владимир Дмитриевич, с назначением первым советским комендантом Порт-Артура!

- Спасибо, товарищ Маршал Советского Союза! - ответил генерал. Доверие командования постараюсь оправдать.

- Видимо, я прибыл ко времени, - сказал Малиновский, указав рукой на пассажирский самолет, заходивший на посадку.

- Так точно, товарищ маршал, все рассчитано по минутам. Уже прибывает маршал Василевский, - ответил генерал Иванов.

Громоздкий двухмоторный пассажирский самолет плавно коснулся земли и, пробежав полкилометра, остановился. Генерал Иванов энергично махнул рукой, и тут же подкатили три легковых автомобиля.

- Прошу, товарищ маршал, - сказал Иванов, открывая дверцу. - А мне разрешите заняться своими обязанностями.

- Я тоже прошу разрешения уйти, - козырнул генерал Плиев.

Оба генерала соблюдали своего рода этикет, полагая, что маршала Василевского Родион Яковлевич должен встретить один.

- Пожалуйста, вы свободны, - разрешил Малиновский. - К самолету! приказал он водителю.

Летчики уже поставили трап и выстроились у самолета.

Неторопливо, поглядывая по сторонам, спустился по трапу Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Он был в светлом кителе со Звездой Героя. Вслед за ним сошел Маршал Советского Союза К. А. Мерецков. Он тоже Герой Советского Союза.

Родион Яковлевич направился к самолету.

Маршал Василевский остановился и, медленно поворачиваясь, осмотрелся.

Малиновский хотел было доложить Главкому, что его войска вступили в Порт-Артур и Дальний и что фронт еще продолжает разоружать японские гарнизоны и отдельные группы, но маршал Василевский жестом руки остановил его.

- Какие просторы, Родион Яковлевич! - радостно произнес он и пожал Малиновскому руку. - Доброе утро.

- Здравствуйте, Александр Михайлович, - ответил на приветствие Малиновский, несколько смутившись. - Простора здесь хватает.

Родион Яковлевич не решался первым поздравить Маршала Советского Союза А. М. Василевского с награждением второй Золотой Звездой Советского Союза, потому что и сам был отмечен этой высокой наградой. Он ждал, что скажет Главнокомандующий. А Василевский, по характеру неторопливый, умеющий скрывать свои чувства, помолчал и только после некоторой паузы сказал, повернувшись к Малиновскому:

- Позволь мне, дорогой Родион Яковлевич, поздравить тебя с большой победой и высокой правительственной наградой. - Он

обнял Малиновского, трижды поцеловал. - И еще одно сообщение, - сказал он, переходя на "вы". Вы назначаетесь командующим войсками Забайкальско-Амурского военного округа.

- Спасибо, Александр Михайлович. Но это для меня неожиданность, ответил Малиновский. - А вы?

- Поеду в Москву. Без должности не оставят, - улыбнулся Василевский.

Родиона Яковлевича тепло поздравил маршал Мерецков.

Вскоре приземлился еще один двухмоторный самолет, и по трапу сошли Главный маршал авиации Новиков, маршал авиации Худяков, маршал артиллерии Чистяков.

После взаимных приветствий и поздравлений маршал Василевский, обращаясь к Родиону Яковлевичу Малиновскому, сказал:

- Что ж, товарищ Главком, покажите нам землю, где пришлось вам побывать раньше всех нас.

- Совершенно верно, Александр Михайлович, - ответил Малиновский, через Порт-Артур и Дальний лежал мой путь во Францию и обратно. Японцы переименовали Дальний в Дайрен, но русский дух не вытравили. Здесь каждый камень положен руками русских людей. Прошу в машины.

Маршалы Василевский, Мерецков и Малиновский сели в один автомобиль. Комендант Порт-Артура генерал Иванов позаботился о порядке на дорогах и охране командования. Всюду стояли регулировщики, постовые, а по дорогам и улицам патрулировали мотоциклисты.

Родион Яковлевич с волнением смотрел по сторонам и не узнавал тех мест, где бывал в годы своей военной молодости. Многое здесь изменилось, появились новые здания. Однако все тот же легендарный Электрический Утес, с которого открывается вид на Золотую и Тигровую горы, Суворовский форт. Вдали в молочной дымке утопают вершины Ляотешаня.

Подъехали к русскому военному кладбищу. Сняли головные уборы, поклонились русским воинам - отцам и дедам тех, кто принес в 1945 году две победы, кто принудил безоговорочно капитулировать - на западе фашистскую Германию, на востоке империалистическую Японию - злейших врагов мира.

Советские маршалы стали в почетный караул.

Адъютанты принесли большой венок из живых цветов с лентой: "От советского командования". Маршал Василевский наклонился, поправил ленту.

Со всех сторон стекались люди. Все без головных уборов. У многих воинов на гимнастерках блестели ордена и медали.

- А сколько братских могил у нас в Ленинграде, в Карелии, в

Севастополе и Одессе, под Курском, под Москвой... Убежден, не забудут о них наши потомки, - сказал в машине маршал Мерецков.

- Да, всем воздадут должное, - ответил маршал Василевский.

- Это бесспорно, - согласился Родион Яковлевич. - Подвиг во имя мира и счастья не забудется никогда. Теперь люди могут жить и трудиться спокойно. А над Большим Хинганом, как и прежде, будут летать стрижи...

Долго ехали молча. Смотрели по сторонам, по-доброму отвечали на бурные приветствия местных жителей, толпами стоявших по обеим сторонам дороги с красными флажками. Много среди них было исхудавших, в ветхой одежде китайцев.

Кто-то поднял транспарант: "Война войне!" На другом: "Чтобы жить, нужен мир!" И много плакатов со словами благодарности советскому воину за освобождение от гнета японских поработителей.

Лилась отовсюду музыка. Китайцы кричали "шанго!", выражая радость и признание советским войскам.

У всех воинов, от солдата до маршала, позади смертельные бои, изнурительные марши в жару и дождь, бессонные ночи и усталость. Остались далеко на севере сопки, усеянные гранитными глыбами, леса, валежник, непролазные дебри и на сотни километров болота со зловонным смрадом.

А сколько продумывался, изображался на картах, оформлялся на бумаге и чертежах план этой, хорошо бы последней на планете войны. Вот они, ликующие солдаты, смеются, радуются, словно уже позабыли страшные дни боев и страданий на дорогах войны. Нет, не забыли и никогда не забудут!

- Есть предложение, - сказал маршал Василевский. - Сегодня на этом поставить точку. Совещание перенесем на завтра. Отдохнем...

- Как следует, за всю войну, - поддержал маршал Мерецков.

- Вот именно, как следует, - согласился Александр Михайлович. - Или есть другое предложение, Родион Яковлевич?

- Сначала прошу на обед, - сказал Малиновский. - А уж потом отдыхать.

- Возражений нет, - согласился Василевский.

2 сентября 1945 года в Токийском заливе на борту американского линкора "Миссури" был подписан акт о капитуляции Японии. Сначала подписали акт представители побежденной Японии. Затем поставили свои подписи представители союзных держав: США, Китая, Великобритании и Советского Союза. Акт подписали также представители Австралии, Канады, Франции, Голландии, Новой Зеландии.

Япония заявила о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил, как своих, так и находившихся под ее контролем. Японские войска должны были прекратить военные действия, сохранить в целостности все вооружение, военное и гражданское имущество. Военной и гражданской администрации приказывалось выполнять все требования Верховного командующего союзных держав на Дальнем Востоке. Японскому правительству предписывалось немедленно освободить всех военнопленных и интернированных гражданских лиц. Власть императора и деятельность правительства подчинялась Верховному командующему союзных держав.

Капитуляцию империалистической Японии предопределил разгром ее ударной группировки - миллионной Квантунской армии. Советские войска, выполняя свой союзнический долг, нанесли последний и решающий удар по силам агрессии, развязавшим вторую мировую войну.

Что принесла победа на дальневосточном театре военных действий? Были ликвидированы все плацдармы и военные базы, созданные японскими империалистами для нападения на СССР, и обеспечена безопасность наших дальневосточных границ. Нашей стране был возвращен Южный Сахалин, Курильские острова. Мы получили свободный выход в Тихий океан.

Капитуляция Японии и окончание войны на Дальнем Востоке создали народам Китая, Кореи и других стран Восточной и Юго-Восточной Азии благоприятные условия для успешной борьбы за свою свободу и независимость.

Все это добыто ценой больших жертв. В последней сводке Совинформбюро о военных действиях на Дальнем Востоке есть слова, которые помнят участники той войны: "...Потери наших войск на Дальнем Востоке составляют: убитыми 8129 человек и ранеными 22264 человека".

После подписания акта о капитуляции Япония прекратила сопротивление, но капитуляция японской армии в различных странах Восточной и Юго-Восточной Азии затянулась, особенно в Центральном и Северном Китае.

Хотя 9 сентября в Нанкине был подписан документ о капитуляции японских войск, находившихся в этих районах, многие японские части оставались вооруженными и использовались в борьбе с национально-освободительным движением в странах Азии, что поддерживалось США.

Подписание 2 сентября 1945 года акта о капитуляции официально означало конец войны с Японией и окончание второй мировой войны.

Окончание войны на Дальнем Востоке спасло от гибели

многие тысячи американских и английских солдат и офицеров, избавило миллионы японских граждан от неисчислимых жертв и страданий, предотвратило дальнейшее истребление японскими оккупантами народов Восточной и Юго-Восточной Азии.

Рано утром двухмоторный самолет, на борту которого находился Малиновский, вылетел с аэродрома близ порта Дальнего и взял курс на Читу.

Пройдет несколько лет, и дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский займет пост Министра обороны СССР, почти десять лет будет стоять он во главе овеянных славой Вооруженных Сил нашей страны.

В сентябре 1945 года под Москвой ночью были заморозки. На исходе месяца вновь настали погожие дни, стало солнечно и по-летнему тепло, но вороха опавших листьев напоминали, что пришла первая послевоенная осень. На даче было тихо, как в лесу. Только дрозды в кустах рябины посвистывали, предупреждали друг друга: на крыше беседки греется на солнышке рыжий кот.

Александр Михайлович Василевский, сидя в плетеном кресле на открытой веранде, прислушивался к тишине. Он чувствовал недомогание, усталость во всем теле.

Маршал встал, взял в узком коридорчике шинель и опять сел в то же скрипучее кресло. Подумать только: совсем недавно, во Владивостоке, в Хабаровске и Чите он слышал радостные голоса солдат, видел колонны танков, орудий, машин, горы японского оружия и толпы военнопленных, а теперь тишина, войны как и не было. Все тот же лес, летают птицы. Не сон ли все это? Давно ли было это грозное время - с рассвета 22 июня 1941 года по 2 сентября 1945 года?.. Нет-нет, все это не приснилось.

После войны Василевский возглавлял Генеральный штаб, с марта 1949 года по март 1953 года он был Министром Вооруженных Сил (военный министр) СССР.

Время не старит героев книг. В повести навсегда останутся юными Мирон, Слава и Сережа. А на том месте, где в годы войны были вырублены кедры, уже шумит ветвями кедровый молодняк. На деревьях появились шишки. Впереди молодняка стоит огромный старый кедр, как полководец перед своими войсками. Ночью, когда дует ветер, его темные ветви о чем-то шепчут.